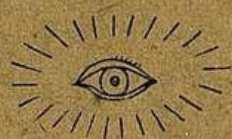

АГЕНТСТВО ПИНКЕРТОНА

№ 43

We never sleep

НОВАЯ ШЕРЛОКИАНА

XVIII

Salamandra P.V.V.

АГЕНТСТВО ПИНКЕРТОНА

Составитель
А. Лапудев

Salamandra P.V.V.

Агентство Пинкертон: Сборник. Составитель А. Лапудев.
– Б.м.: Salamandra P.V.V., 2015. – 314 с., илл. – (Новая шер-
локиана, Вып. XVIII).

Эта необычная книга объединяет произведения, разоблачаю-
щие Ната Пинкертон и продолжателей его дела – и Пинкертон
исторического, знаменитого сыщика и создателя крупнейшего
детективного агентства, и литературного персонажа, героя сотен
европейских и российских сыщических «выпусков» и вдохновителя
авантюрно-приключенческой литературы «красного Пинкертон».

Центральное место в сборнике занимает приключенческий
роман «Агентство Пинкертон» — первая книга Л. Я. Гинзбург,
переиздающаяся впервые с 1932 г. Читатель найдет в книге так-
же комикс, предшествовавший выходу романа, редкостного «Лю-
доеда американских штатов Ната Пинкертон» Н. Тагамлицко-
го, пародию А. Архангельского «Коммунистический Пинкертон»
и другие материалы.

© Authors, 2015

© A. Lapudev, состав, 2015

© Salamandra P.V.V., подг. текста, коммент., оформление, 2015

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Эта необычная книга объединяет произведения, посвященные разоблачению Ната Пинкертон и продолжателей его дела — и Пинкертон исторического, знаменитого сыщика и создателя крупнейшего детективного агентства, и литературного персонажа, героя сотен европейских и российских сыщических «выпусков», вдохновившего уже после революции 1917 г. авантюрно-приключенческую литературу «красного Пинкертон».

Центральное место в сборнике занимает роман «Агентство Пинкертон» — первая книга Л. Я. Гинзбург, переиздающаяся впервые с 1932 г. Описанные в нем кровавые эпизоды истории рабочего движения в США, чудовищный произвол властей, трагедия правосудия, вездесущие пинкертоновские ищейки и доносчики с их гнусными провокациями могут показаться неподготовленному читателю полемическим или агитационным преувеличением. Но «Агентство Пинкертон», как узнает читатель из послесловия и комментариев, зиждется на солидной документальной основе. Вместе с тем, в романе отчетливо ощущается удушливая атмосфера сталинщины с массовыми репрессиями, показательными судебными процессами, ссылками и казнями.

Наряду с «Агентством Пинкертон» в книгу включен одноименный комикс Л. Гинзбург и Л. Канторовича, предшествовавший выходу романа и опубликованный в 1932 г. в детском журнале «Ёж». В приложении дана статья С. Савицкого, рассказывающая об истории создания и публикации романа.

Возможно, идея романа о деятельности агентства Пинкертон на фоне так называемых «колорадских трудовых войн» 1900-х гг. возникла у Л. Гинзбург благодаря случайно попавшейся ей на глаза книжечке «Людоед американских штатов Нат Пинкертон» (1924). Автор этого «выпуска» эпохи НЭПа, Н. Тагамлицкий, решил — по всей видимости — буквально воплотить в жизнь социальный заказ на «коммунистического Пинкертон», сформулированный Н. Бухариным. В его сумбурной брошюре главой реального детективного агентства выступает вымышленный Нат Пинкертон, описанный в соответствии со всеми канонами массовой сыщической литературы 1900-х гг.

Призыв Бухарина к созданию «красного» или «коммунистического» Пинкертон, выдвинутый в 1921-1922 гг., породил — за

десяток лет очень относительной литературной свободы — целую библиотеку изобретательных и увлекательных рассказов, повестей и романов, вышедших далеко за очерченные Бухариным рамки (военные приключения, подпольная работа, гражданская война, деятельность ВЧК, Красной армии и Красной гвардии и т.п.). Попадают среди них и средненькие, «проходные», и выдающиеся — ведь в авантюрно-приключенческом или авантюрно-фантастическом жанре работали в 1920-е годы виднейшие советские прозаики и литературоведы, заметные беллетристы и поэты. Но одновременно на книжный рынок выплеснулись и потоки откровенной халтуры, подобной «Людоеду» Тагамлицкого. Сегодня, почти век спустя, произведения эти кажутся нам в чем-то забавными, а в чем-то и поучительными осколками времени; однако многих современников они доводили до белого каления. Небольшой фельетон А. Архангельского «Коммунистический Пинкертон» (1925), направленный против поставщиков литературной халтуры — лишь один из примеров.

Издательство приносит глубокую благодарность А. Лапудеву, который выступил не только автором концепции книги и ее составителем, но и щедро поделился с читателями сканами ряда редких изданий.

Л. Гинзбург

**АГЕНТСТВО
ПИНКЕРТОНА**

Рис. Е. Сафоновой

ЛИДИЯ ГИНЗБУРГ
**АГЕНТСТВО
ПИНКЕРТОНА**

№ 43

We never sleep

ОГИЗ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1932

«Нат Пинкертон — не плод воображения».

*«Нат Пинкертон». Вып. I.
Изд. «Развлечение», СПб. 1907 г.*

Екатерине Васильевне Зеленой

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МЫ НИКОГДА НЕ СПИМ

Чудно человеку в Чикаго,
Чудно́ человеку!
И чудно!

М а я к о в с к и й.

ГЛАВА I

ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ СЛУЧАЙ ДЛЯ ПРЕДПРИИМЧИВОГО ЧЕЛОВЕКА

Буфетчик и постоялец. — Кандидаты. — Ирландец Томми.

В сырой и грязной комнате, служившей общим помещением для постояльцев гостиницы «Свет и воздух», по случаю раннего часа не было никого, кроме буфетчика и неизвестного молодого человека в сером костюме. Молодой человек в сером костюме не отрывался от газетного листа; толстый буфетчик из-за стойки разглядывал постояльца почти с таким же интересом, с каким постоялец разглядывал газету.

За свою тридцатипятилетнюю работу по трактирам и дешевым гостиницам в глухих кварталах больших американских городов буфетчик Фред приобрел множество любопытных способностей и познаний, в том числе способность определять с первого взгляда профессию, характер и даже судьбу человека, подошедшего к трактирной стойке. Постояльцы и посетители подразделялись на три основных разряда: джентльмены, скромные труженики и лица без определенных занятий. «Джентльмены» появлялись здесь редко, — их приводили нужда, случай или преступление. Оберегая свое достоинство, буфетчик был с ними вежлив и сух. «Скромных тружеников» Фред презирал; он находил, что у них нет будущего и что они непроизводительно тратят свое время. Доверие ему внушали только «лица без определенных занятий».

Постоялец в сером костюме раздражал тем, что плохо поддавался классификации.

Он был лет двадцати семи, красивый, светловолосый, очень сильный на вид. Если бы не выражение простодушия в лице и улыбке, он мог бы даже сойти за благородного авантюриста (самая блистательная, по мнению Фреда, разновидность лиц без определенных занятий), но улыбка

заставила буфетчика усомниться в том, что прошлое или будущее этого человека заслуживают пристального внимания.

Честный труженик? — Вряд ли... для такого занятия — слишком свежий загар и слишком мускулистое тело.

Так быть может, в гостиницу «Свет и воздух» пожаловал джентльмен в беде? Как все глубокие психологи, старый Фред знал толк в игре случайностей и противоречий. Ему случалось видеть джентльменов в протертых на коленях штанах и джентльменов, питавшихся по преимуществу хлебом и скверным кофе. Вот почему, подавая очередную чашку скверного кофе, Фред быстро и незаметно оглядел руки постояльца. Приметы не подошли. Это были руки рабочего, или по крайней мере много работавшего человека, с характерными утолщениями в суставах, с ладонью, затянутой желтоватой и черствой пленкой.

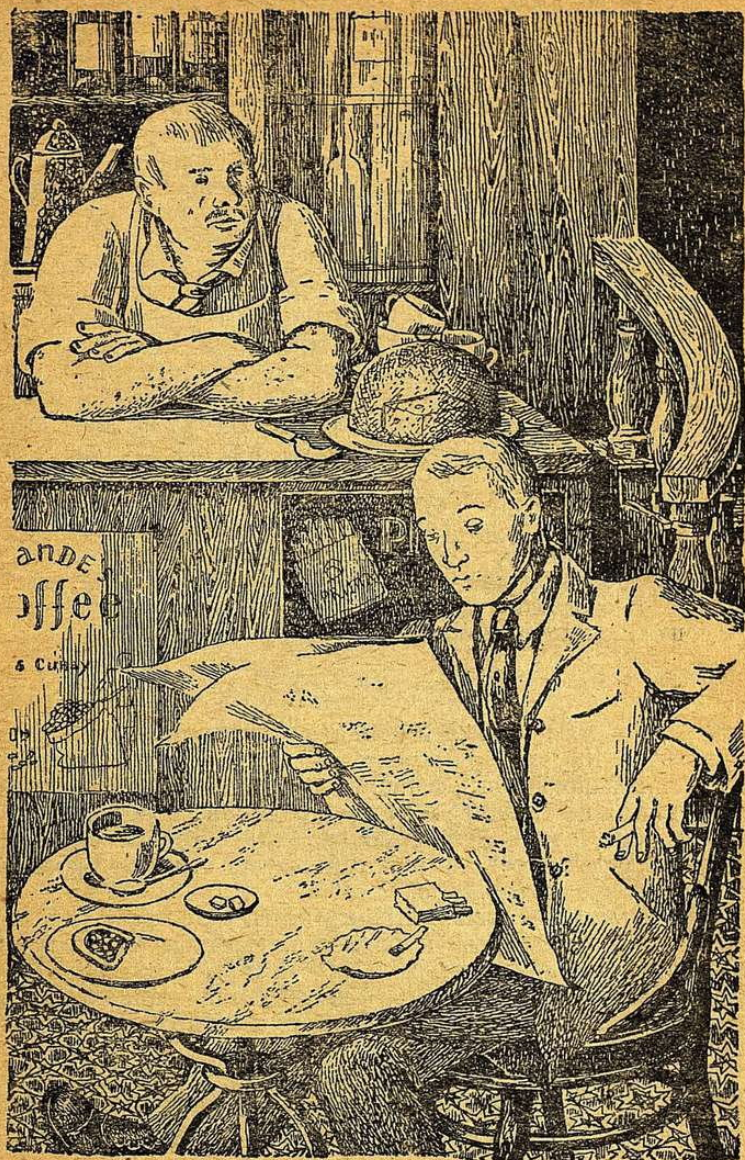
Молодой человек в сером костюме появился третьего дня с чемоданчиком ничуть не толще обыкновенного делового портфеля. Он очень долго расспрашивал о ценах на комнаты и очень быстро согласился занять вторую койку в самом худшем из номеров, где уже проживал подозрительный ирландец по имени Томми. Томми этот дошел до точки и теперь нанимался не то в пожарные, не то в солдаты.

Буфетчик питал слабость к точным определениям. Каково бы ни было прошлое и будущее обладателя второй койки, — настоящее его было безотраднo. Буфетчик с удовольствием остановился на этой мысли как раз в тот самый момент, когда постоялец стал медленно опускать газету. Опустив газету на столик, залитый кофейной бурдой, постоялец твердо сказал:

— Подайте-ка, любезный, чернила, перо, конверт, бумагу. И по возможности без сальных пятен!

«Таким тоном, — подумал Фред, — со мной может говорить только человек, прочитавший печальное известие о смерти богатого дяди».

Постоялец сосредоточенно писал у себя в блокноте, потом аккуратно расправил газетный лист, положил сверху бу-

магу и красивым круглым почерком стал списывать с черновика:

Чикаго, 26 июля 1905 г.

«Дорогой сэръ,

Основываясь на вашем объявлении, помещенном в «Трибуне Чикаго» от 26 июня 1905 года, имею честь предложить вам свои услуги.

Я родился в 187а году в округе Уинфильд штата Канзас в семье фермера. Первоначальное образование получил под руководством местного пастора. Впоследствии шесть лет обучался в Уинфильдской школе. В каникулярное время работал на ферме отца вместе с ковбоями. В 1899 году мой отец внезапно разорился и умер, не оставив никакого состояния. Мой дальний родственник мистер Дж. К. Риккерт, консервный фабрикант и скотопромышленник в Канзас-Сити, предоставил мне занятия в своей конторе. В течение четырех лет я работал в деле мистера Риккерта, исполняя разнообразные и ответственные поручения, что могу засвидетельствовать документально. Осенью 1903 года семейные обстоятельства вынудили моего патрона ликвидировать свое дело. Вторично оставшись без средств к существованию, я в течение некоторого времени занимался частным торговым посредничеством, а затем поступил на мебельную фабрику помощником столяра, так как столярное ремесло в свое время основательно изучил в школе. Двенадцатого числа текущего месяца я ушел с фабрики по собственному желанию и выехал в Чикаго, в надежде найти занятие, более соответствующее полученному мною образованию и моей прежней конторской службе.

В ожидании благоприятного ответа остаюсь с совершенным почтением

Д ж е р а л ь д П и т е р К р е й н».

Крейн вышел из общей комнаты с запечатанным конвертом в руке. На конверте стояло: «W. 276 — Трибуна Чикаго». Буфетчик направился к покинутому столику. Газета лежала, развернутая на странице объявлений. По красно-речивым рекламам чикагских фабрикантов растеклись бурые кофейные пятна. В отделе предложения труда было отмечено карандашом небольшое объявление:

«Требуется толковый, опытный человек для работы в выгодном деле; жалованье и комиссия. Великолепный случай для предприимчивого человека завести связи с лучшим обществом. Честность, опытность, рекомендация. Заявления, содержащие сведения о жизни и работе данного лица, направлять W. 276 — Трибуна Чикаго».

— Ах, вот что! — сказал старый Фред и презрительно поднял рыжие брови, казавшиеся светлыми на темно-красном лице. — А впрочем... а впрочем... — и Фред опустил брови.

* * *

Из-под большого зеленого абажура сильный свет падал на сукно стола. В желтом электрическом круге двигались плотные ловкие руки с короткими пальцами. Такие руки обыкновенно принадлежат полным, коротким людям средних лет и общительного характера. На краю стола лежала третья рука, очень худая и острая. Она нервно постукивала по лакированному дереву длинным загнутым ногтем, выточенным как будто из твердого и желтого камня. Каждая из трех рук заканчивалась белой манжетой и черным рукавом; только пару манжет украшали запонки из синей эмали, а в одинокой третьей манжете торчал золотой диск.

По сукну стола аккуратными кучками и пачками лежали письма: крупные деловые конверты, молочно-белые, шелкающие от свежести бланки, и рядом — засаленные серые листки, покрытые неровными строчками. Ловкие корот-

копалые руки метались между пачками и кучками, разбирая и сортируя; по временам короткие пальцы хватили толстый красный карандаш и толстая красная черта врезывалась в бумагу.

Абазур был опущен необыкновенно низко. Быть может джентльмен с желтыми ногтями по слабости зрения или по каким-нибудь другим причинам любил оставаться в тени.

— С вашего позволения, сэр, я продолжаю. Некто Симон Крог, уроженец штата Массачусетс, родился в 1849 году, в семье...

— 1849 год! Пятьдесят шесть лет! — не годится.

— Слушаю, сэр. Позволю себе напомнить про вчерашнее письмо, о котором вы обещали подумать.

— Я думал. Дурной слог и четыре орфографические ошибки. Не годится.

— Слушаю, сэр. Ммм... «Уроженец штата Огайо. Дед мой иммигрировал из Дании...» Насколько мне известно, сэр, вы отдаете предпочтение чистой американской крови.

— Вы очень много говорите, Джиль. Дальше.

— «Имею честь предложить свои услуги в качестве опытного торгового служащего... В совершенстве знаю бухгалтерию, простую, двойную с ее разновидностями: итальянской, английской и немецкой, равно как и тройную...» В сущности, сэр, мы могли бы обойтись без тройной и в особенности без итальянской бухгалтерии.

— Дальше.

— «Принадлежу к спрингфильдскому духовному братству методистов и лично известен его преподобию мистеру Вилкинсу». Этот кандидат, сэр, очевидно пользуется чересчур широкой известностью, для того чтобы... Впрочем я продолжаю, с вашего позволения: «М-р Гобс из Чикаго; м-р Топкинс и сын (контора по распространению лучшего безалкогольного пива, он же председатель общества трезвости в Спрингфильде)»... Ну, и прочее и прочее... «могут засвидетельствовать»...

— На этот раз, Джиль, вы правы. У кандидата слишком много знакомых и добродетелей. Отставить.

— Я продолжаю, с вашего разрешения: «...родился в 1878 году... в семье фермера... шесть лет обучался в школе»... и прочее и прочее... «работал на ферме с ковбоями...» мммм... «в течение четырех лет работал в деле мистера Риккерта» (торговля рогатым скотом, сэр) и прочее и прочее. «Поступил на мебельную фабрику»... Сэр, здесь интересно-то...

— Да, Джиль, в высшей степени интересно: двадцать семь лет. Образование достаточное. Работал на фабрике... Джиль, это совсем интересно. Работал и притом не рабочий: сын фермера; торговый служащий; ковбой. Очень хорошо. Отметить.

Худая рука исчезла в темноте и появилась снова в сопровождении второй, до сих пор отсутствовавшей руки; руки держали большой блокнот.

— Имя кандидата?

Красный карандаш поставил значок в правом верхнем углу заявления.

— Джеральд Питер Крейн, сэр, с вашего разрешения.

И красный карандаш Джиля очеркнул подпись Джеральда Крейна толстым кроваво-красным прямоугольником.

* * *

Вечерний выпуск газеты «Трибуна Чикаго» от 29 июня 1905 года шумел о том, что банда убийц и поджигателей, именующая себя Первым конгрессом индустриальных союзов, ниспровергает устои американской государственности на глазах у жителей Чикаго; посвящал читателя в подробности бракосочетания итальянского наследного принца; пестрел рекламами мюзик-холлов и магазинов, изобиловал предложениями труда, — но на страницах этого выпуска никто не выражал ни тени желания воспользоваться услугами конторского клерка или торгового агента.

Крейн медленно поднимался по лестнице, и в его руках газета казалась тяжелой ношей. В довершение всего неприятный сосед по комнате был дома. Неприятный сосед, ирландец Томми, долговязый, рыжеватый, с маленькой толовой и большим носом, прочно занял свою позицию. Он лежал прямо на одеяле, в широких матросских штанах и клетчатой рубашке, и курил, закинув бесконечно-длинные ноги на спинку кровати. Крейн молча сел на свою кровать.

— Что, брат, плохо?

Крейн молчал.

— Ну, видно плохо. «Не требуется ли джентльмену служащий по торговой части?» — Молодой человек, приходите завтра или лучше — послезавтра... Потом поскромнее: «Не нужен ли вам случайно рассыльный, сэр?» — Никаких рассыльных. — Что? — Не видите, что я занят? Джек, прикрой-ка дверь поплотнее. Ну, а потом прямая дорога в порт, наниматься грузчиком. — Проходи, проходи, парнишка, тут без тебя довольно бродяг... Правда. Ты не храбрись. Я-то знаю, как выглядит парень после такой прогулки.

Крейн молчал.

— Говорю тебе, брось амбицию, будь она проклята! Записывайся в полк. Вместе песни петь будем.

— Благодарю, — сказал Крейн сухо, — пока в этом нет еще надобности.

— Конечно, — не унимался Томми, — армия тоже не тихая пристань. Но посуди сам, разве нынче можно работать? Особенно парню, который хочет прожить без хлопот? С одного боку жмут проклятые боссы*, с другого — нажимают союзы. Все словно осатанели. Не угодишь в социалисты, так угодишь в штрейкбрехеры, — это как пить дать! А? Что ты скажешь, мой мальчик?

— Я не интересуюсь политикой, — сказал Крейн.

— И прекрасно делаешь, — трещал Томми. — Нам в армии как раз и нужны такие парни.

Томми хихикнул.

* Босс — хозяин.

— Только я прямо скажу: уж если бы я занялся политикой, я не стал бы, как чудаки из Федерации труда, толковать с хозяевами о каких-то там «общих интересах». Я бы отправил на воздух всех толстопузых со всеми их заводами.

— Ты глуп, — сказал Крейн. — Если разрушить заводы, людям негде будет работать.

— Велика важность! — быстро ответил Томми, — чем меньше люди будут работать, тем больше они станут отдыхать. А? Что ты скажешь на это?

— Простите, я хочу спать. — Крейн лег на кровать и закрыл лицо газетным листом, обманувшим его ожидания.

— Покойный ночи, мой мальчик, — сказал Томми, зевая. — Да, чуть было не позабыл! На подоконнике для тебя письмо.

Газета, скрывавшая лицо Крейна, задергалась и слетела на пол. Крейн рванулся к окну и растерзал конверт. На небольшом бланке, без обозначения фирмы, стояло:

Чикаго, 29 июня 1905 г.

«Дорогой сэр,

Мы получили ваше заявление от 26 июня. Просим вас явиться 30 июня в отделение нашей конторы. Вашингтон-стрит, № 547, седьмой этаж, комната № 40, для личных переговоров. Мы будем ждать вас в десять часов. При входе предъявите настоящий бланк».

— Меня вызывают для личных переговоров. Томми... в последний раз я ел вчера утром. Когда идешь наниматься, надо держать в руках свои нервы. Ты знаешь... нельзя показывать хозяину голод. Голод они узнают по глазам. Томми... если у тебя есть несколько лишних центов, дай мне на хлеб и кофе...

Томми молча выгреб из-под подушки какой-то бумажный сор, порылся в нем и подал Крейну скомканный доллар.

ГЛАВА II

РАЗГОВОР С ДВУМЯ НЕИЗВЕСТНЫМИ

Джентльмен в темных очках. — Крейн находит работу.

Крейн стоял на пороге большого рабочего кабинета, где вероятно имелось все, чему полагается быть в деловых кабинетах: обитые кожей кресла, шкафы для бумаг, портьеры и несгораемая касса. Но внимание Крейна было всецело поглощено длинным письменным столом, за которым сидел джентльмен, сухой, как мумия, в темных очках и в черном сюртуке, застегнутом до самого горла. Его волосы, темневшие двумя островками по сторонам невообразимо ровного пробора, казались сделанными из дерева.

Крейн смотрел на пробор. «Прямая линия есть кратчайшее расстояние между двумя точками», — вспомнил Крейн и поклонился.

Джентльмен в темных очках не ответил на поклон. Крейн стоял, медленно цепenea. Рядом кто-то кашлянул; Крейн обернулся и с облегчением увидел, что сбоку в креслах сидит небольшой, очень полный человек благодушного вида; сюртук у него был расстегнут, и по жилету плыла цепочка с забавными пестрыми брелоками.

— Джеральд Крейн? — ласково спросил толстяк.

— Да, сэр.

— Рад вас видеть. Садитесь.

Крейн съел горячий завтрак на доллар ирландца Томми; теперь он сидел против будущего хозяина настороженный, с ясной головой и послушными нервами. Позади голод, затянувшийся голод, похожий на болезнь и уже совсем не похожий на желание есть. Крейн сжал зубы: я должен найти работу.

Толстяк заговорил мягким голосом:

— Любезный Крейн, наша фирма нуждается в сотрудниках... только в сотрудниках, внушающих безусловное доверие. Поэтому я настоятельно советую вам раскрыть свою

душу (если позволено будет так выразиться) в большей степени... чем это обычно принято при переговорах о поступлении на службу. Вы уловили мою мысль?

— Мне кажется, я понял вас, сэр, — сказал Крейн осторожно.

— Прекрасно. Начнем по порядку: при каких обстоятельствах разорился ваш почтенный отец?

— Мой отец был мелким фермером, сэр. Некто Уоллер, богатый скотовод, — у него в наших местах было тысячи четыре акров земли, — решил завладеть участками отца и его соседей.

— О! Откуда такая упорная вражда?

— Никакой вражды, сэр. Просто старому Джорджу Уоллеру хотелось расширить свой надел. Он запутал фермеров в долговых обязательствах. Любому из них ничего не стоило заарканить дикую лошадь, но банковские операции, сэр, им давались с трудом. Земля, скот, все имущество досталось Уоллеру. Я был как раз в отъезде... Я нашел только пустой дом, который уже не был моим домом, и могилу отца, умершего от нервной горячки.

— Вы рассказали очень печальную историю, милый Крейн, очень печальную... Вероятно, незаконные действия этого мистера Уоллера возмутили вас до глубины души?

— Нет, сэр. Насколько я знаю, Джордж Уоллер действовал по закону.

— Но ваше моральное чувство, мой мальчик! Пожалуйста, будьте откровенны, — ваше моральное чувство не могло не страдать при виде подобной жестокости...

— Не совсем так, сэр. Я жалел отца. Кроме него, у меня никого не было на свете. Но я не забыл, что покойный отец учил меня относиться к жизни как к драке. Сам он не спускал никому, особенно неграм и пришлому сброду, шнырявшему в поисках работы. Отец нарвался на чемпиона — и погиб. На его могиле я думал о том, что надо побеждать в драке.

Крейн поднял голову с внезапным испугом, — не сказал ли он слишком много? Но толстяк смотрел поощрительно.

— На могиле отца вы приняли решение, достойное американца и мужчины. Скажите... Впоследствии, ваши товарищи, конторские служащие, не предлагали вам вступить в профессиональную организацию?

— Нет, сэр. Канзас-Сити торгует скотом, зерном и консервами; там мало заводов, и потому о таких вещах меньше слышно. К тому же вся контора знала, что я в родстве с патроном. Быть может, они не считали удобным...

— Весьма возможно! Ну, а потом — на фабрике?

— Но, сэр, не мог же я считать себя настоящим рабочим и входить во все эти интересы. Как раз тогда много болтали о стачке. Кажется, рабочие были правы, но в конце концов все это меня не касалось.

— Конечно. Однако сейчас это касается всех. В Чикаго, в двадцати пяти минутах езды от места, где мы с вами находимся, заседает Первый конгресс индустриальных союзов. Эти люди, милый Крейн, называют себя И...Р...М... Индустриальными Рабочими Мира!

— Я читал об этом в газетах, — сказал Крейн.

— Тем лучше. Вы знаете лозунг Американской федерации труда — «хорошая заработная плата за хороший рабочий день»? И.Р.М. взамен предлагают формулу: «Долой... систему... наемного труда». Что вы думаете об этом?

— Сэр, я боюсь уронить себя в ваших глазах, но я не думаю об этом.

— А! Но все же, когда обществу приходится выбирать между Американской федерацией труда и социалистами и анархистами из Западной федерации рудокопов или из Интернационального союза рабочих-металлистов?

Крейн усмехнулся чуть заметно:

— Я не выбрал бы ни тех, ни других. Если у человека трезвая голова и здоровые руки, он все равно возьмет свое, а брать свое удобнее в одиночку.

— Значит, вы...

— Довольно!

Из всех предметов, находившихся в комнате, это слово скорее всего мог произнести джентльмен в темных очках. Крейн тем не менее вздрогнул. Толстяк покорно умолк. По

его знаку Крейн встал и остановился перед столом. Через стол странный джентльмен смотрел на него темными очками.

— Вы посещаете церковь?

— Да, сэр. Я не смею считать себя примерным христианином, но...

— Какими видами спорта вы занимались?

— В школе, сэр, футбол, крикет, легкая атлетика. Имею жетон за плавание на пятьсот метров. Разумеется, верховая езда — ведь я почти ковбой. В Канзас-Сити — автомобилизм. Мой родственник и патрон мистер Риккерт был страстным автомобилистом, сэр.

Если нельзя было ожидать, что джентльмен в темных очках заговорит, то еще труднее было предвидеть, что он покинет свое место, с необычайной стремительностью обогнет стол, подбежит к Крейну, распахнет пиджак Крейна и быстро ощупает сухими руками плечи и грудь. Крейн не понимал; он не вскрикнул и не рванулся, но в груди у его похолодело от страха. Рука с желтыми ногтями легла на его рукав:

— Покажите бицепс.

Страх отступил от сердца. Крейн начал медленно сгибать руку, напрягая кисть и плечо. Продолговатый мускул сокращался, твердел и вдруг застыл великолепным налившимся шаром. Крейн слегка улыбался. Тогда худой джентльмен совершил третий почти невероятный поступок; он улыбнулся в ответ, улыбнулся удовлетворенно и сел на место.

— Мистер Крейн, вы производите благоприятное впечатление. Я буду по возможности краток. Быть может, вы полагаете, что имеете дело с представителями коммерческой фирмы? Вы ошибаетесь. (Пауза.) Мистер Крейн, вам знакомо имя Ната Пинкертона?

— О, да, — проговорил Крейн, волнуясь.

— Конечно. Впрочем, как провинциал, вы можете не знать, что в 1850 году король сыщиков Аллан Нат Пинкертон, покинув пост начальника тайной полиции Соединенных штатов, основал частное бюро сыщиков, известное под

именем Национального сыскного агентства Пинкертона. В настоящий момент я, Джордж Дэвид Бангс, главноуправляющий Областной конторой в Чикаго, предлагаю вам место тайного агента. Подробности в свое время. Сейчас нам нужен принципиальный ответ.

Скрипучая конторка под зеленым абажуром, несмолкаемый стук Ремингтона, цифры, разграфленная бумага и чернильные пятна уходили из жизни Крейна. Начиналась новая судьба. Будущее стало бок о бок с детскими играми, с юношескими мечтами о подвигах и приключениях, с головокружительными романами, которые в школе нужно было прикрывать учебником арифметики. Неподвижно стоя перед столом, Крейн со страшной внутренней скоростью одолевал расстояние, лежавшее между обыденным прошлым и необычайной новой судьбой. Эта скорость была так велика, что принципиальный ответ, который следовало дать мистеру Бангсу, в несколько секунд остался далеко позади (и мистер Бангс это понял, потому что пронизательность входила в число его служебных обязанностей).

Сердце Крейна билось неровно и трудно, как у бегуна, проходящего финиш. Он только спросил:

— И я увижу великого сыщика?

— Великий сыщик скончался в 1884 году. Во главе предприятия стоят его сыновья и наследники: мистер Роберт Пинкертон в Нью-Йорке и мистер Вильям Пинкертон в Чикаго. Впрочем, их вы тоже не увидите. Мне остается напомнить вам о том, что вы имеете честь вступить в организацию, в течение пятидесяти пяти лет бесменно стоящую на страже порядка, закона и добродетели. Мы никогда не спим — этот девиз агентов Пинкертона отныне будет вашим жизненным правилом. Мы вечно бодрствуем, охраняя от темного мира порока и преступления священнейшее достояние человека: религию и семью, мораль и собственность,

Крейн очень устал; на мгновение ему показалось, что слова, которые произносит главноуправляющий Бангс, так же как волосы и руки главноуправляющего, сделаны из дерева.

— Наша организация, мистер Крейн, вполне обеспечивает своих служащих моральными благами. Что касается материальных условий, то пока не рассчитывайте на многое. Для начала пятнадцать — восемнадцать долларов в неделю.

(Пауза).

— Вы поняли меня во всех отношениях?

— Да, сэр.

Мистер Бангс склонил над бумагами желтое лицо с черными стеклами. Разговор был окончен. В дверях Крейна нагнал улыбающийся толстяк.

— Поздравляю, мой мальчик! Главноуправляющий областной конторой (что касается меня, то я — Джиль, его первый помощник) никогда не ошибается в людях.

И Джиль достал из бокового кармана конверт.

Длинный коридор был пуст. Крейн прислонился к стенке. Голова вдруг перестала работать и веки опускались от страшной нервной усталости. С усилием он вынул из конверта ассигнацию в десять долларов, бланк с адресом и пометкой: «быть на месте 1 июля» и небольшую, продолговатую карточку с изображением всевидящего ока:

НАЦИОНАЛЬНОЕ СЫСКОЕ
АГЕНТСТВО ПИНКЕРТОНА

Крейн перевернул карточку; напечатанные черным шрифтом почти во всю ширину серо-голубого картона, на оборотной стороне стояли три слова:

We Never Sleep

«Мы никогда не спим» — девиз великого сыщика — превращался в правило поведения Джеральда Крейна; голубая карточка агентства становилась входным билетом в удивительное будущее, где предстояло завоевывать дове-

рие, выполнять поручения, получать доллары, бесценно стоять на страже невинности и собственности, религии и порядка.

ГЛАВА III

МУЗЕЙ НАТА ПИНКЕРТОНА

*Чикаго. — Национальное сыскное агентство Пинкертона. —
Поразительные экспонаты.*

В 1818 году на юго-западной оконечности побережья озера Мичигана стояло двенадцать индейских хижин. Белое население деревни состояло из четырех человек.

Еще в 1829 году сыромятня и лесопильный завод были главными промышленными предприятиями Чикаго.

Болота и степи штата Иллинойс принадлежали индейцам, снимавшим скальпы с побежденных врагов. Еще в тридцатых годах белые обитатели Чикаго, торговцы и миссионеры, чувствовали себя неуверенно; по словам современника, они приобрели даже привычку, просыпаясь по утрам, быстро ощупывать свое темя.

В 1834 году комиссар федерального правительства собрал совет вождей индейских племен.

— Великий Отец из Вашингтона, — начал комиссар, — услышал о желании индейцев продать нам свою страну...

Вожди быстро ответили через переводчика, что Великий Отец из Вашингтона, должно быть, встретил вещую птицу, которая наговорила ему небылиц, как это случается иногда с вещими птицами.

— Великий Отец из Вашингтона, — продолжал комиссар, — думает, что индейцы много выиграют, продав свою страну.

Мнение Великого Отца в конце концов восторжествовало. Продав свою страну у озера Мичигана, индейцы ушли на запад и север. Белое население могло беспрепятст-

венно приступить к прорытию канала Мичиган — Иллинойс, который должен был поставить Чикаго в центре огромного водного пути.

В 1837 году Чикаго получил звание города. Чикаго насчитывал двадцать тысяч жителей в 1848 году, когда открылось движение по каналу. Через двадцать лет жителей было уже триста тысяч. Чикаго вырос в пятнадцать раз.

Между 7 и 9 сентября 1871 года страшный пожар уничтожил две трети города. 10 сентября на месте делового центра Чикаго появилась палатка (она отстояла больше чем на милю от ближайшего человеческого жилья) с вывеской: «Вильям Д. Керфут, все погибло, кроме жены, детей и энергии».

Так звучал лозунг, выброшенный для сведения чикагских дельцов.

Меньше чем через год центральная и южная части города возродились из пепла домами еще более пышными, чем до превращения в пепел.

В 1905 году Чикаго был вторым по значению городом Соединенных штатов и четвертым по населенности городом мира; точкой скрещения тридцати пяти железных дорог; центром северо-американской торговли убойным скотом, лесом и хлебом.

Самый молодой из великих городов Нового Света оказался сильнее наводнения и пожара, биржевых крахов и бешеной спекуляции земельными участками, золотой лихорадки, занесенной из Калифорнии, и желтой лихорадки, поднимавшейся от канала.

С 1860-х годов деловой центр Чикаго почуял первые признаки самого сокрушительного из бедствий. Сначала возникло три общенациональных рабочих союза, потом шесть. Такие названия, как «Бостонская лига восьмичасового рабочего дня», не предвещали деловому центру ничего доброго. В 1869 году филадельфийские закройщики готового платья основали «Благородный и священный орден рыцарей труда». В 1886 году Орден насчитывал уже больше миллиона членов самых различных профессий. Восемьдесят шестой год был памятным годом стачек. И по всей стране

рыцари труда несли на себе тяжесть борьбы за восьмичасовой рабочий день.

Третьего мая 1886 года в Хеймаркетском сквере в Чикаго состоялся рабочий митинг. Когда полиция окружила ораторов, кто-то бросил бомбу. Семерых анархистов (некоторые из них были рыцарями труда) присудили к смерти по делу Хеймаркетского взрыва.

Вещественные доказательства на этом суде заменяли цитаты из прошлогодних анархистских газет. Других доказательств не было.

Подсудимый Август Шпис сказал: «Когда-нибудь наше молчание прозвучит громче, чем те голоса, которые вы заглушите сегодня».

Гомперс, признанный вождем квалифицированных рабочих Востока, обратился к губернатору Оглесби с просьбой о помиловании. «Казнь этих людей, — аргументировал Гомперс, — может послужить толчком к развитию так называемого революционного движения».

Приговор был приведен в исполнение. На месте Хеймаркетского взрыва благодарное население Чикаго воздвигло огромную фигуру полисмена в мундире и с дубинкой в руке. В том же 1836 году Самуэль Гомперс основал Американскую федерацию труда с целью «установить взаимное понимание между двумя великими факторами производства — трудом и капиталом».

Тем не менее через пять лет после Хеймаркетских событий Чикаго стал местом действия одной из величайших стачек девятнадцатого века. Пульмановская компания спальных вагонов снизила заработную плату. Пульмановские рабочие забастовали, хотя они жили в образцовом Пульмановском городке, обеспеченные квартирами, лавками и церквями, принадлежащими компании. Стачку поддержал Американский союз железнодорожников. Отказ железнодорожников передавать по линии пульмановские вагоны имел потрясающие последствия: сразу прекратилось почти все движение на запад от Огайо.

Порядок в Чикаго поддерживали федеральные войска, полиция, милиция и три тысячи шестьсот временных мар-

шалов Соединенных штатов, получавших жалование и вооружение от Ассоциации главноуправляющих железных дорог. Несмотря на деятельность полиции, милиции, войск и маршалов, в городе не произошло существенных беспорядков. Федеральные войска должны были покинуть Чикаго. По мере возможности их заменил федеральный суд, арестовавший Юджина Дебса, президента Американского союза железнодорожников.

Это был нож в сердце стачки. Нож в спину готовил Гомперс. Совет АФТ пришел к заключению, что «было бы неблагоразумно, неуместно и даже вредно для интересов рабочего класса рекомендовать всеобщую стачку как выражение сочувствия пульмановским рабочим». Всем союзам АФТ, примкнувшим к стачке солидарности, Гомперс предложил вернуться на работу, тем же, кто собирался к ней примкнуть — остаться на своих местах.

Недаром, садясь в поезд, чтобы ехать на совещание в Чикаго, Гомперс громко сказал: «Я отправляюсь на похороны Американского союза железнодорожников».

Этого не простили.

Ненависть к АФТ росла, двигаясь с запада на восток. Западная федерация рудокопов училась упорству в трагических схватках Кер д'Алена и Людвилля, Идаго-Спрингса, Теллюрайда и опять Кер д'Алена.

2 января 1905 года ЗФР созвала в Чикаго тайную конференцию двадцати шести рабочих вождей. Январская конференция подготовила Первый конгресс индустриалистов; он открылся 26 июня 1905 года в Чикаго.

* * *

Солидное предприятие, основанное пятьдесят пять лет тому назад для защиты американского общества от темного мира порока и преступления, расширялось и крепло. Наследники покойного основателя перенесли традиции и славу отца в южную привилегированную часть города, осо-

бенно изобилующую парками, торговыми учреждениями и молитвенными домами.

Фасад дома пересекала огромная вывеска:

НАЦИОНАЛЬНОЕ СЫСКОЕ АГЕНТСТВО
ПИНКЕРТОНА

Представитель и постоянный агент:

АССОЦИАЦИИ АМЕРИКАНСКИХ БАНКИРОВ. ПРЕДОХ-
РАНИТЕЛЬНОГО СОЮЗА ЮВЕЛИРОВ, СОЮЗА БЕЗО-
ПАСНОСТИ ЮВЕЛИРОВ, ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ОХРА-
НИТЕЛЬНОГО БЮРО.

ГОД ОСНОВАНИЯ — 1850.

У массивной двери возвышался швейцар — краса и гордость швейцаров Чикаго. При швейцаре дежурил бой для поручений, похожий на заводного солдата. Точно такие же бои стояли у клеток лифта, как часовые у будки; точно такие же бои с папками, бланками и депешами в руках скользили по лестницам, появлялись и исчезали в коридорах.

В боковом кармане у Крейна лежал адрес новой судьбы (Мичиган-авеню, 1450), — конечно, необычайной во всем, начиная от входной двери. Быть может, ему неясно мерещились полумаски, кинжалы, спрятанные под крахмальной манишкой, глухие голоса посвященных, произносящие пароль и ответ; ни на что не похожий мир последней романтики, где испанские шляпы и шпаги уживаются с тихими черными автомобилями.

Ровно в девять с половиной часов Крейн вступил в мир последней романтики. Полированное дерево, металл, толстое зеркальное стекло, тонкая коричневая кожа — прек-

расно налаженный механизм из металла и дерева, из швейцара, конторщиков и боев. И Крейн, провинциальный клерк и скотовод, не был разочарован; он понял внезапно, что тайны и подвиги двадцатого века осуждены кипеть под аккуратной пленкой коммерческого холода.

В самом деле. Национальное сыскное агентство Пинкертона оборудовано по образцу лучших торговых предприятий. Первый этаж направо — узкая дощечка с надписью: «Конторское отделение». За широкой застекленной дверью — просторное помещение, разделенное низкими перегородками. По клавиатуре пятнадцати ремингтонов пляшут пальцы пятнадцати ремингтонисток высшей квалификации. За маленькими столиками бухгалтеры и счетоводы складывают и умножают, записывают и подсчитывают с примерным рвением от восьми часов до двенадцати (от двенадцати до часу перерыв на второй завтрак) и от часу до пяти. В большой стеклянной будке сидит кассир. В другой стеклянной будке — славный клерк, ответственный перед заведующим областной конторой за работу счетоводов, бухгалтеров и машинисток.

В холле Крейна встретил черноволосый, тщательно одетый молодой человек с несколько ленивыми манерами. Он назвал свое имя: Даниэль Сайлас, старший агент, которому поручено ввести нового коллегу в круг его новых обязанностей.

Из конторского отделения они вышли во внутренний коридор.

— Энергичный рост нашей организации, — говорил мистер Сайлас ленивым голосом, — превосходит все до сих пор виденное в деловом мире Америке. В 1903 году, то есть через девятнадцать лет после смерти основателя, агентство состояло уже из двенадцати отделений-контор, находившихся в Монреале, Бостоне, Нью-Йорке, Филадельфии, Чикаго, Сент-Луисе, Бельнапе, Сент-Поле, Денвере, Портланде, Сеатле и Сан-Франциско.

— О! — сказал Крейн.

— В настоящее время мы насчитываем уже двадцать отделений, так как в течение последних трех лет агентство

открыло еще восемь контор: в Буффало, Питсбурге, Цинциннати, Кливленде, Минеаполисе, Омаге, Спокене и Лос-Анжелесе.

— По-видимому, — сказал Крейн, — за эти три года необычайно возросло число уголовных преступлений?

— По-видимому, — сухо ответил Сайлас. — Каждая контора подразделяется на четыре отдельные секции: конторскую, криминальную, оперативную и исполнительную. Наше конторское отделение вы только что видели и имели возможность оценить постановку дела. Криминальное отделение находится наверху. Оно состоит из дактилоскопического кабинета, кабинета научно-уголовной техники с отделениями микрохимическим и микрофотографическим, из экспериментальной лаборатории высшей криминологии и галереи преступников.

— Галереи преступников, сэр'?

— Да. Эта портретная галерея пополняется с пятидесятих годов прошлого века и в настоящее время представляет собой самую ценную коллекцию Старого и Нового Света. Нам недостает всего пяти или шести редких экземпляров... К сожалению, дорогой коллега, я пока не уполномочен показать вам эту часть помещения.

Крейн опустил голову.

— Что касается оперативного отделения, то это, так сказать, нерв всей организации. Оно целиком состоит из детективов старших и младших, «специальных», «общих» и «тайных». В сущности, именно к этому отделению вы и прикреплены.

Крейн быстро поднял голову. По-видимому, этот жест не понравился мистеру Сайласу.

— Само собой разумеется, что деятельность оперативного отделения окутана непроницаемой тайной, и вы не можете рассчитывать познакомиться с ней в самом ближайшем будущем. Прошу вас, следуйте за мной по коридору направо.

— Осмелюсь спросить, каковы в самом ближайшем будущем мои служебные обязанности, сэр?

— Ваша ближайшая обязанность состоит в том, чтобы проникнуться рыцарским духом нашей организации. Сверх того вы будете исполнять поручения... когда вам их дадут. Вы меня поняли, коллега?

— О, вполне, — сказал Крейн.

— Что же касается исполнительного отделения, то мы как раз проходим мимо помещений администрации. Шесть дверей ведут в кабинеты главного управляющего и его пяти помощников. Дверь в глубине — это кабинет принцепала.

— Кабинет принцепала, — повторил Крейн.

— Да. Когда принцепалу из Чикаго, мистеру Вильяму Пинкертону, угодно бывает посетить контору, он работает и принимает в этом кабинете. Впрочем, немногие могут похвастать личным приемом у мистера Пинкертона. Обыкновенные клиенты попадают к помощникам. Приемные часы главного управляющего мистера Бангса посвящены губернаторам, миллиардерам, епископам, начальникам тайной полиции и дамам высшего круга.

— О, — сказал Крейн, — но что же остается мистеру Пинкертону?

— Остаются сенаторы Соединенных штатов, архимиллиардеры, архиепископы, иностранные коронованные особы и международные авантюристы. М-р Пинкертон иногда просто лишен возможности отказать этим лицам в свидании.

— Иностранные... коронованные... особы, — повторял Крейн. — Правда ли, сэр, что однажды мистер Нат Пинкертон нашел утерянную корону испанского короля?

— Разумеется, нашел. — Сайлас строго посмотрел на Крейна. — К сожалению, бывают случаи, когда короли так основательно теряют свою корону, что им не в силах помочь... даже наше агентство. Впрочем, таких королей мистер Вильям Пинкертон не принимает лично.

Они разговаривали на ходу, и Крейн поднимался вслед за Сайласом по широкой внутренней лестнице.

— Я хотел бы увидеть иностранного короля или архимиллиардера, — задумчиво сказал Крейн.

— Это трудно. — Посетителей высшей марки доставляют в исполнительный отдел при помощи специального тайного лифта. Обыкновенно клиенты ожидают своей очереди в музее.

— В музее?

— Да, в музее.

— В каком... музее, сэр?

— В музее Ната Пинкертона, дорогой коллега, куда вы как раз вступаете в настоящий момент.

И в самом деле, они уже стояли на верхней площадке и Сайлас распахнул перед Крейном большую причудливую дверь так поспешно, что тот едва успел прочитать надпись, выгравированную на мраморной доске золотыми буквами:

МУЗЕЙ ПАМЯТИ
КОРОЛЯ СЫЩИКОВ
и
ДОРОГОГО ОТЦА
АЛЛАНА НАТА ПИНКЕРТОНА
(1825-1884)

Здесь ничто не напоминало о коммерческом холоде, о прямых линиях и ровных поверхностях. Напротив того, огромный зал музея служил местом встречи неслыханных архитектурных противоречий. Стройные мраморные колонны, как будто сбежавшие с римского портика, поддерживали готические своды. Вдоль границы сводов и стен карнизы рококо расцветали крупными золотыми завитками. И вместе с завитками, казалось, расцветало и пробивалось наружу все мечтательное и нежное, что таилось в душе деловитых владельцев Чикагской областной конторы.

Против главного входа, между колоннами и под завитками, был вделан в стену гигантский портрет мужчины лет сорока, во фраке, сшитом по моде семидесятых годов, и в белом галстуке. Высокий лоб без морщин, круто подстриженные виски, холодные серые глаза, большой прямой нос, большой рот с слегка опущенными углами и четыреху-

гольный подбородок. Мужчина был американцем; американцем в идеале; американцем. какого только может создать воображение; пределом американизма, к которому стремится Америка. Над его правым плечом, мощным плечом гимнаста и атлета, парило какое-то эфемерное существо в непрочных одеждах, осеняя голову стопроцентного американца лавровым венком. Мужчина во фраке опирался левой рукой на низкую колонну. На колонне лежали перчатки для бокса, черная полумаска и длинный револьвер системы Кольта.

Великий сыщик! Великий сыщик! Великий сыщик!

Крейн смотрел не отрываясь. Даниэль Сайлас заговорил ровным голосом:

— Ничто не могло остановить мистера Роберта и мистера Вильяма Пинкертон в их стремлении увековечить священную для них память отца. Обратите внимание на эти колонны и арки. Здесь все решительно напоминает храм, за исключением двух-трех гарнитуров мягкой мебели, предназначенных для посетителей, ожидающих приема. Да вот как раз...

С голубого пышного дивана сорвалась небольшая женщина под темной вуалью и почти подбежала к вошедшим.

— Ах, наконец-то, наконец-то! Я жду так долго... Мне так нужно видеть кого-нибудь... кого-нибудь из самых главных сыщиков.

Наряд посетительницы несомненно вышел из рук первоклассного портного; мех, покрывавший ее плечи, мог быть оценен примерно в две тысячи двести долларов. Д. Сайлас мысленно произвел подсчет и поклонился как раз с той степенью почтительности, какая по правилам агентства соответствовала цене наряда + цена меха + приблизительная цена прекрасного изумруда на правой руке посетительницы (неснятая перчатка мешала установить стоимость левой руки).

— Сударыня, мне очень жаль, но в данном случае я бессилен. Сегодня администрация отсутствует.

— Но почему же, почему же? — нервно твердила дама.

— Сударыня, — сказал Сайлас торжественно, — сегодня

день рождения принципалов, — мистер Вильям и мистер Роберт — близнецы. Старший персонал имеет честь находиться на парадном приеме у мистера Вильяма Пинкертона, который принимает поздравления за себя и за брата, пребывающего в Нью-Йорке.

— Ах, они близнецы, — сказала дама рассеянно, — какое поразительное совпадение!

— Сударыня, — возразил Сайлас, несколько уязвленный, — твердые семейные устои и взаимная родственная привязанность, всегда отличавшая членов семьи Пинкертона, конечно, найдут отклик в вашем сердце. Впрочем, от принципала м-р Бангс, вероятно, заедет в контору. Разрешите тем временем приступить к демонстрации поразительных экспонатов нашего музея?

Дама вдруг откинула вуаль, и Крейн увидел узкое лицо с большими взволнованными глазами.

— Ах, да, да, да... это тоже так интересно. Так м-р Бангс должен вернуться?

— Я полагаю, сударыня. Итак, любящая рука собрала здесь все, что может осветить деятельность этого самоотверженного человека и его ближайших последователей. Прошу вас, сударыня, пройти прямо в глубину зала. В небольших стеклянных витринах, расположенных под самым портретом, выставлены личные вещи покойного мистера Пинкертона: его фракный жилет, его цилиндр, который злодей Гризам — Укротитель львов — прострелил как раз в тот момент, когда великий сыщик готовился защелкнуть наручники. Здесь же вы можете увидеть его любимую полумаску. От долгого употребления бархат сильно истрепался, но Нат Пинкертон упорно отказывался заменить ее новой;

— Мистер Нат Пинкертон всегда ходил в маске?

— Нет, не всегда, конечно. Маска — это в некотором роде символ. Наши агенты до сих пор надевают в торжественных случаях полную парадную форму, состоящую из фрака, белого жилета, белых перчаток, цилиндра, плаща, полумаски и туфель на резиновой подошве. Наш агент,

сударыня, — джентльмен, который может быть принят в лучшем обществе.

— Да. Но только... зачем же на резиновой подошве?

— Для бесшумности, сударыня. Резиновая подошва симболизирует бдительность сыщика, крадущегося по следам порока... У стены направо вы найдете разные системы револьверов, карманных электрических фонарей, коротких резиновых дубинок (для ношения под бортом фрака), маленьких кинжалов индийского и малайского образца и наручников. Вы можете проследить эволюцию дубинок и наручников со времен великого сыщика и до наших дней; в наручниках (в дружеском кругу мы называем их просто «браслетами») усовершенствования коснулись главным образом механических затворов. Тут же стоит модель знаменитой «Энигмы», шифровальной машины доктора Шербиуса, приводящейся в движение электричеством. С помощью этой машины можно применить двадцать два миллиарда различных шифрованных ключей и составить шестьсот тысяч переменных алфавитов. Великий сыщик, со свойственной ему чуткостью, первый откликнулся на изобретение немецкого ученого и при этом, как говорят, заметил: «Если слова существуют для того, чтобы скрывать мысли, то буквы существуют, чтобы скрывать слова». Сотрудники сыскной и тайной полиции, сударыня, проводят долгие часы в созерцании наших экспонатов. Вас, однако, я не решусь утруждать техническими подробностями, тем более что назначение некоторых предметов вообще не может быть разъяснено женщине высшего круга. Прошу вас пройти за арку прямо в библиографическое отделение музея.

Книги и целые серии, рисующие деятельность короля сыщиков, широко распространены повсюду, не исключая даже России. В столице Российской империи, городе Санкт-Петербурге, издательство «Развлечение» посвятило сыщикам свыше трехсот выпусков, с общим тиражом от пяти с половиной до шести миллионов экземпляров; из них четыре миллиона приходится непосредственно на долю покойного мистера Пинкертон. Для русских варваров это неслыханные цифры. Так, например, известный их писатель

Теодор Достоевский издал в 1876 году свой на шумевший уголовный роман «Преступление и наказание» в двух тысячах экземпляров, которые распродавались в течение пяти лет. Сударыня, вы видите, что даже в крайне отсталой стране повествование о смелом поборнике правосудия имеет все преимущества перед вымыслами самых изобретательных романистов.

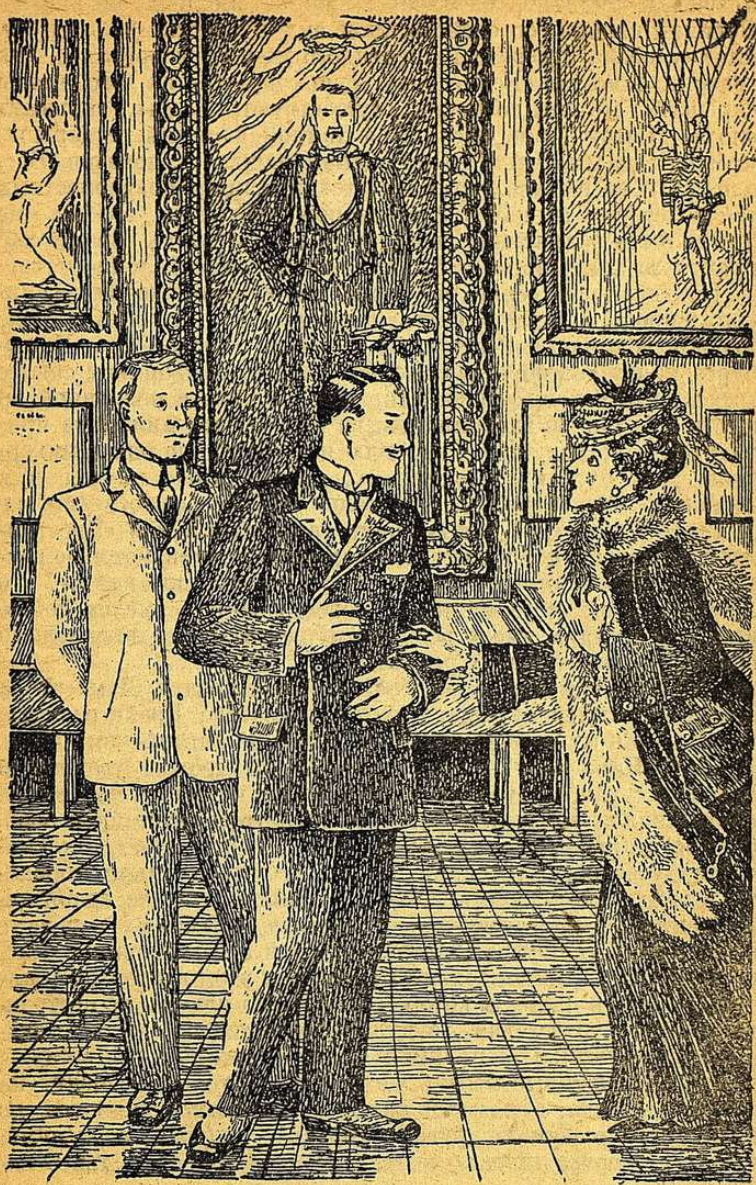
Сайлас остановился и набрал в легкие воздух. Дама взяла с полки французскую брошюру о Пинкертоне. Крейн раскрыл наугад один из бесчисленных выпусков на английском языке:

«Нат Пинкертон! Перед этим именем дрожит уголовный мир всех стран, так как оно принадлежит человеку, чья жизнь представляла великий благотельный труд неустанной борьбы против преступлений. Америка, Эта страна чудес и технических усовершенствований, с ее многомиллионными городами и тридцатиэтажными домами, является в то же время излюбленной ареной деятельности самых отчаянных и вместе с тем самых талантливых преступников и авантюристов высшего полета. В одном только Нью-Йорке, этом втором по величине городе в свете, в котором жизнь бьет ключом, то пестрая, то мрачная, то веселая, то душераздирающая, — как показывает статистика, — полиция арестует каждые три минуты новое лицо, каждые восемь часов совершается покушение на жизнь человека, а каждые два дня — кровавое убийство, не считая бесчисленных других, гораздо худших злодеяний, весть о которых никогда не доходит до слуха общества и исчезнувшие жертвы которых уносятся немymi волнами Гудзоновой реки в безбрежный океан».

В этот момент Сайлас пригласил посетительницу в отделение музея, увешанное картинами, портретами и статистическими таблицами.

— О! — вскрикнула дама, — что это, что это такое?

Она стояла перед картиной, изображавшей воздушный шар на фоне голубого неба. В корзине шара находилось двое мужчин с преступными лицами, а под корзиной висел джентльмен.

— Сударыня, — сказал Сайлас, — кисть художника увековечила здесь один из наиболее волнующих эпизодов, неоднократно описанный в специальной и художественной литературе о Нате Пинкертоне. Разрешите процитировать соответствующий пассаж: «Обоим преступникам, сидевшим в корзине, судьба готовила тем временем неожиданный сюрприз». Эти негодяи, сударыня, хотели улететь, потому что они убили некоего мистера Морриса, после которого осталась вдова. «В тот самый момент, когда раздалась команда помощника: “Пускай”, Пинкертон бросился вперед и вцепился руками в край корзины». «Пинкертон, в одно мгновение поднятый шаром на высоту нескольких сот метров над поверхностью земли, был удивительно спокоен и хладнокровен, как будто он находился на суше в обществе невинных младенцев.

— Прошу извинить за вторжение, — с величайшей невозмутимостью произнес он, — но мне было крайне интересно принять участие в этой небольшой прогулке.

Оба негодяя онемели от ужаса и глядели на сыщика, как на какое-то привидение. А он тем временем одним махом очутился в корзине и стоял теперь в спокойной позе перед обоими преступниками.

— Пинкертон! — воскликнул Франци.

— А, ты узнал меня, мой дорогой Франц, Вестерленд и Фрации тоже! Я рад этому. Но теперь ты не уйдешь от меня, как ушел в прошлый раз.

Помощник Франца испустил ругательство и сунул руку в карман куртки. Но Пинкертон хватил его своим обычным железным прутиком по голове, и тот пошатнулся, испустив дикий крик». — Негодяи, сударыня, по обыкновению окончили жизнь на электрическом стуле.

— А миссис Моррис? — спросила дама.

— Миссис Элинора Моррис, — сообщает американский биограф Ната Пинкертона, — нашла некоторое утешение в сознании, что муж ее не остался неотомщенным. Два года спустя она стала женой адвоката, бывшего лучшим другом ее мужа.

— Это действительно, замечательный случай, — сказала дама, — но, мне кажется, я начинаю чувствовать усталость.

— О, сударыня, ваша впечатлительность подверглась тяжелому испытанию. Я прошу вас бросить прощальный взгляд только на филиал нашей исторической галереи. По распоряжению принципалов, эта стена увешана портретами преступников, закончивших свой жизненный путь при непосредственном участии мистера Ната Пинкертона. К услугам посетителей имеется небольшой справочник, в котором легко отыскать соответствующий случай. Например, № 8 — картина изображает арест пожилого негра с оскаленными зубами. «Нат Пинкертон, — замечает составитель справочника, — имя которого после ареста Тома Брауна — Черного дьявола — покрылось новой славой, получил от Эдвина Паркера, дочь которого скоро поправилась, как и от Вальтера фон Гольдена, крупный гонорар за блестящее ведение дела». Если память мне не изменяет, сударыня, то именно надевая наручники на Тома Брауна — Черного Дьявола, мистер Нат Пинкертон остроумно заметил:

«Сомневаюсь, чтобы на этот раз ты отделался только шестью годами тюрьмы. Мне кажется, тебе придется познаться поближе с великим современным изобретением в области электричества».

— А что означает картина, на которой мистер Нат Пинкертон в цилиндре держит за руку какого-то старика с револьвером?

— О, это известный случай, когда великий сыщик помешал фермеру пристрелить на месте грабителя. «— Не стреляйте, Брейтон, — кричал Нат Пинкертон. — Нет! Пускай он переживет сначала весь судебный процесс и потерпит настоящего предсмертного страха!» «После казни этого злоумышленника, — сообщает американский биограф, — Нат Пинкертон, вновь доказавший всю силу своего огромного таланта, за свои труды получил от страхового общества “Унион” необычайно высокое вознаграждение».

— Под №№ 15-16 вы видите сохранившиеся по счастливой случайности портреты двух негодяев, с которыми расправилась толпа. «Один момент, — читаем в справочнике, — и тела обоих отделились от земли; их крики перешли в сдавленное хрипение. Суд Линча сделал свое дело... На следующее утро весть об этом разнеслась по городу, и все испытали чувство полного удовлетворения.

Когда Пинкертон узнал об этом, он слегка кивнул головой, и он тоже не мог не признать, что такой суровый приговор народного суда был вполне заслужен преступниками.

«Покрытый новыми лаврами и заработав при этом хорошие деньги, — десять тысяч долларов были выплачены ему жителями Редстона, — великий сыщик вернулся в Нью-Йорк, куда телеграф уже принес известие о его новых подвигах в Редстоне». Сударыня, это едва ли не единственный случай, когда мистер Пинкертон изменил врожденному чувству законности, — и то, как видите, под влиянием благородного порыва.

Между двумя шкафами возник бесшумный клерк на резиновых подошвах.

— Сударыня, мистер Бангс у себя в кабинете. Я вручил ему вашу карточку.

Дама вскрикнула и вонзилась в его рукав.

— Скорей, скорей... Прошу вас, ведите меня скорей! — Она кивнула Сайласу, исчезая.

Крейн повернулся спиной к филиалу галереи преступников. На противоположной стене с краю висел портрет в темной раме. Небольшое квадратное полотно заполнили голова и грузные плечи пожилого американца. Большие очки, твердый выпуклый лоб с жесткими бровями и необыкновенно густые усы. Усы начинались под коротким крепким носом и почти закрывали рот.

— Кто это? — вдруг спросил Крейн.

— Это Мак-Парланд. Вы ничего не слыхали о Мак-Парланде?

— Нет.

— Ни о деле «Молли Магбюр»?

— Нет, ничего.

— А!.. Мак-Парланд был любимым учеником Ната Пинкертон.

— А Молли Магбюр?

— А «Молли»... это было тайное общество.

Даниэль Сайлас взглянул на часы и покачал головой.

— Эта поразительная история, мистер Крейн, совершенно неверно изложена английским писателем Конан-Дойлем в романе «Долина страха». Книга имеется в нашей библиотеке. Мак-Парланд выведен там под именем Мака-Мурдо.

Сайлас опять покачал головой.

— Мне кажется, коллега, вы можете считать законченным ваш первый служебный день.

На стене перед Крейном неподвижно висели большие бритые щеки, тупой энергичный нос и необыкновенные усы любимого ученика Ната Пинкертон.

— Мистер Мак-Парланд еще жив?

— Разумеется, — кивнул Сайлас. — Он не только жив; он очень и очень значительное лицо в нашем агентстве.

Сайлас еще раз кивнул и скрылся за боковой колонной. Крейн раскрыл справочник; № 22 — портрет Мак-Дарланда. Справка оказалась краткой:

«Мак-Дарланд Джемс. Родился в 1847 году. В 1872 году вступил в “Национальное сыскное агентство Пинкертон”. В 1873 году был командирован принципалом в Пенсильванию, терроризованную преступной шайкой, известной под именем “Молли Магбюр”. В 1876 году блистательно закончил разоблачение шайки, над которым работал в течение трех лет, ежеминутно подвергаясь смертельной опасности... Дело “Молли” широко обсуждалось прессой и стяжало громкую известность как агентству, так и мистеру Мак-Дарланду. В настоящее время занимает должность заведующего областной конторой агентства в городе Денвере штата Колорадо».

На этой справке, к сожалению, столь бедной подробностями, закончился первый служебный день Крейна, цели-

ком посвященный приобщению к рыцарскому духу организации.

ГЛАВА IV

ПРЕТЕНЗИЯ КРЕЙНА

«Декларация индустриалистов». — Разговор с ближайшим начальником — Поручение.

«Рабочий класс и класс эксплуататоров ничего общего между собой не имеют. Ни о каком мире не может быть речи, пока голод и нищета являются уделом миллионов, а кучка, составляющая класс эксплуататоров, пользуется всеми благами жизни».

«Декларация индустриалистов», принятая Первым конгрессом индустриальных союзов, была напечатана в «Голосе рудокопа» — органе Западной федерации рудокопов. Рудокопы и металлисты, железнодорожники и текстильщики, волнуясь и сжимая кулаки, читали эту газету.

Как ни странно, но ее читал также и мистер Джиль. Мистер Джиль, помощник главноуправляющего Чикагской областной конторой, в своем маленьком кабинете, соединенном специальным телефоном с кабинетом мистера Бангса, в девятом часу утра (рабочий день мистера Джиля начинался ровно в восемь) читал «Голос рудокопа». Консервативно-республиканская «Трибуна Чикаго», умеренно-республиканские «Рекорд-Герольд» и «Дейли ньюс», даже радикально-республиканский «За океаном» — любое из этих изданий больше подошло бы к служебному положению, к возрасту, наконец, к комплекции Мистера Джиля. Но он читал не «Трибуну», не «Герольда», не «За океаном», — он читал «Голос рудокопа» и, по-видимому, очень внимательно. По крайней мере, после первого абзаца мистер Джиль вздохнул и своим толстым красным карандашом подчеркнул слова: «Ни о каком мире не может быть речи».

«Подготовка квалифицированного рабочего упраздняется механическим прогрессом усовершенствованных машин; вот почему современный капиталист пользуется рабочим лишь до тех пор, пока его мышцы и нервы не износились. Рабочий подвергается более тщательному физическому и умственному испытанию, чем это было во времена рабства, когда невольников продавали с аукциона. Как только рабочий перестает производить максимум прибыли, его выбрасывают за борт подобно устаревшей машине. Линия жизни начерчена, предельный возраст установлен; перешагнуть эту границу обозначает — в этом мире монополий — присуждение к индустриальной смерти.

Текстильщики Лоуэлла, Филадельфии и Фол-Ривера; мясники Чикаго, ослабленные разлагающим влиянием цеховой раздробленности; портные Санта-Фе, не поддерживаемые своими товарищами; многострадальные рудокопы Колорадо — все это свидетельствует о беспомощности и бессилии труда, организованного на ложных началах.

Американская федерация труда, лучший цветок цехового юнионизма, не является ни американской, ни федерацией вообще, ни федерацией труда в частности. Она приспособлена лишь к условиям, существовавшим в Америке шестьдесят лет назад. Она разделена на сто шестнадцать отдельных секций. Она пренебрегает рабочими цветных рас и отделяет “аристократов труда” от неквалифицированного пролетариата. Ее члены вступают в милицию, чтобы стрелять в других организованных рабочих во время стачки. Ее лжеводители сотрудничают с предпринимателями в Национальной федерации граждан, где изыскиваются средства увековечить капитализм.

Эта устаревшая и гнилая система не обещает никаких улучшений. Ни один луч не светит сквозь тучи отчаяния, надвигающегося на трудовой мир».

Мистер Джиль шумно вздохнул.

«Историческое призвание пролетариата — уничтожить капитализм.

Подлинное рабочее движение должно быть основано на идее неизбежного и смертельного столкновения между

классом собственников и рабочим классом. Подлинное рабочее движение должно принять форму единого большого индустриального союза, охватывающего все производства и предоставляющего местную автономию отдельным профессиям.

В ответ на стачку или локаут члены этой организации приостанавливают работу в любой отрасли промышленности или во всех отраслях, если это окажется нужным. Члены этой организации знают, что вред, нанесенный одному, есть вред, нанесенный всем».

Все, начиная от слов: «в ответ на стачку» и кончая словами: «нанесенный всем» — мистер Джиль очеркнул красным карандашом.

«Местная, национальная и общая администрация, штемпеля, значки, членские книжки, вступительные взносы и членские отчисления должны быть повсюду одни и те же».

Под декларацией стояло двадцать шесть подписей: «А. Дж. Свинг. А. М. Саймонс. В. Шертлеф. Франк Мак Кэйб. Джон М. О. Нейль. Джордж Эстиз. Юджин В. Дэбс (это имя мистер Джиль подчеркнул красным карандашом). Томас Дж. Хагерти. Эрнест Этерман. В. Л. Холл. Чарльз Х. Мойер (это имя Джиль подчеркнул). Кларенс Смит. Вильям И. Траутман (Джиль подчеркнул). Джозеф Шмидт. Чарльз О. Шерман. Даниэль Мак-Дональд. Вильям Д. Хейвуд... (это имя мистер Джиль подчеркнул два раза).

Раздался звонок специального телефона.

— Алло!

.

— Да, сэр.

.

— Миссис Гульд? С вашего разрешения; сэр, мы пытаемся вернуть ей утраченное душевное равновесие. Очень

трудно!.. Впрочем дело близится к развязке.

.

— Именно так, сэр.

.

—Нет, нет. О главном я не забыл. Я как раз занимаюсь тем, что...

.

— Слушаю, сэр. К сожалению, информация пока оставляет желать лучшего. Да... меры приняты.

.

— По последним сведениям, двести с лишним. Поразительный профессиональный состав. Около сорока специальностей сэр, с вашего разрешения. В том числе, по имеющимся сведениям: пекари и кондитеры, рудокопы, портные, плавильщики, обойщики и декораторы, пивовары, столяры, токари по металлу, кузнецы, стрелочники, цыганские музыканты, официанты и кельнеры, трамвайные служащие, чистильщики улиц, механики, землекопы, топографы, грузчики, литейщики, кожевники, электротехники, переплетчики, авторы, печатники и сапожники.

.

— О, не более, чем шесть-семь человек, сэр. Остальные — стадо.

.

— Именно так, сэр. Остальные — разъяренное стадо.

.

— По обыкновению рудокопы..

.

— Он приехал пять дней тому назад прямо из Колорадо. Говорят, что из общей цифры в пятьдесят одну тысячу пятьсот шестьдесят три — двадцать семь тысяч в полном его распоряжении.

.

— О, да, несомненно самый опасный. Самый красноречивый и смелый.

.

— Во всяком случае, депеша наводит на размышления. Да, просит надежного человека. Очевидно, там совершенный ад. С вашего позволения, сэр, Мак-Парланд не любит просить.

.

— Разумеется... Можно и Сайласа. Да... молодой человек со способностями и из хорошей семьи.

.

— Слушаю, сэр.

Джилль положил трубку. Судя по телефонному разговору, у агентства на очереди имелось не только хлопотливое дело миссис Гульд. Агентству, по-видимому, предстояло сразиться с преступной шайкой, организованной на началах необычайных и до сих пор вовсе невиданных. Великий сыщик, который, не моргнув глазом, надел наручники на Тома Брауна — Черного Дьявола, и тот, быть может, смутился бы перед лицом сообщества, состоящего из двухсот злодеев сорока различных специальностей, в чис-

ле которых не было ни одного банкира. Притом один из членов шайки, — да еще самый красноречивый, — имел в своем полном распоряжении двадцать семь тысяч... будь то двадцать семь тысяч человек, долларов, винтовок, или моторных лодок, все равно это не предвещало ничего доброго.

Мистер Джиль совершенно расстроился. Он больше не читал; двумя пальцами он рассеянно тянул себя за нижнюю губу. Раздался звонок второго специального телефона, соединявшего кабинет помощника главноуправляющего с клеткой дежурного боя.

— Алло!

— Агент Крейн просит разрешения переговорить с вами, сэр.

— А! — Мистер Джиль поиграл брелоками. — Хорошо. Пусть напомним о себе завтра. Стойте! Нет; пусть зайдет... сейчас. Стойте! Через сорок минут направьте ко мне агента Сайласа.

Мистер Джиль оглядел свой письменный стол. С краю лежала пачка неразвернутых газет. Он взял первую попавшуюся. Попалась «Трибуна Чикаго». Слегка смяв нетронутый лист, он разостлал его поверх «Голоса рудокопа». Вероятно, мистеру Джилю не хотелось, чтобы новый подчиненный застал его — почтенного человека, видного служащего солидной фирмы — за чтением (да еще в служебные часы) листка социалистов.

Когда Крейн вошел в кабинет, с лица мистера Джиля исчезла тень забот и сомнений. Он сидел благодухный, поглаживая мягкой ладонью поверхность солидной консервативно-республиканской газеты.

Крейн был все в том же сером костюме и в новом, недоугом, но модном галстуке. Казалось, что он не совсем здоров или удручен обстоятельствами. Хотя теперь он ежедневно обедал.

— Как дела, Крейн? Рад вас видеть. С первого же взгляда вы мне внушили симпатию, мой мальчик.

— Сэр, быть может, именно поэтому, то есть именно потому... потому именно, что ваше благосклонное отноше-

ние... Словом, сэр, я осмеливаюсь обратиться к вам с заявлением, с просьбой, не имеющей прямого отношения к делу.

— О, просьбы редко имеют отношение к делу, — сказал мистер Джиль.

— Мне трудно говорить, сэр, — начал Крейн, — я...

— Если вам трудно говорить, милый Крейн, молчите, говорить буду я. Тем более, что вы не можете рассказать мне ничего такого, чего бы я не знал. Я, напротив того, могу сообщить вам о ваших намерениях и настроениях сведения, недоступные вам по недостатку житейского опыта. Вы — человек с Запада, Крейн. У вас хорошие мускулы и нервы — и в придачу желание прожить свою жизнь как можно лучше. Вы приехали в Чикаго за счастьем и, как полагается, начали с нищеты. Вы бросились на первую приманку первой попавшейся торговой фирмы. И вдруг эта фирма — сыскное агентство! Разве не восхитительно, милый Крейн! Вы — сыщик! Разумеется, вы — талантливый сыщик. Вы разгуливаете в полумаске, вы применяете новейшие детективные методы; через два-три дня, — по возможности не позже, — вы спасаете состояние миллиардеру и жизнь светской красавице. У вас слава, деньги и сильные ощущения, то есть все, что нужно человеку из штата Канзас. Теперь вы пришли ко мне пожаловаться на вашу службу и вымолить у меня поручение, которое подвергло бы вас смертельной опасности... Крейн, вашу первую претензию я изложил; перейдем ко второй.

— О, сэр, как вы могли...

— Пустяки, Крейн, это школа Пинкертон. Ваша вторая претензия состоит в том, что вы, выражаясь мягко, начинаете испытывать сомнения в серьезности наших занятий. Быть может, вид галереи преступников, милый Крейн, или шифровальная машина доктора Шербиуса внушили вам неуверенность?

— Сэр, я служу в течение четырех дней, и мистер Сайлас, которому вам угодно было меня поручить, мистер Сайлас находит, что мне следует почаще дежурить в музее име-

ни покойного мистера Пинкертон. Он говорит... говорит...

— Что же он говорит, мой мальчик?

— Он говорит, — Крейн побагровел, — что некоторым дамам музей буду показывать я, потому что некоторые дамы, по его словам, предпочитают блондинов. Это оскорбление, сэр.

Мистер Джиль отечески рассмеялся.

— Так. И вы решили, мой мальчик, что первое же дело вам послужит трамплином, и что мы, с нашими дамами и епископами, после вашего прыжка останемся далеко позади. Что делать, старший персонал нашей организации владеет профессиональной тайной проникновения в сердца и умы. Десятки охотников за удачей, десятки карьеристов всех разновидностей прошли через мои руки. Вы, Крейн, принадлежите к разновидности все более редкой и, очевидно, обреченной на вымирание. Вы — романтический карьерист.

Крейн всем телом надвинулся на письменный стол.

— Мак-Парланд... Вы слыхали о Мак-Парланде? Он тоже был романтическим карьеристом. Двадцати трех лет отроду он явился к Нату Пинкертону и довольно грубо потребовал настоящей работы. Ему дали страшное дело, такое, что по сравнению со всеми другими возможностями смерть (по крайней мере быстрая) казалась далеко не худшим исходом. Мак-Парланд выиграл дело; только в его мозгу произошли некоторые... изменения. О, не думайте, чтобы это мешало ему в работе! Напротив того, Крейн... напротив того.

Руки Крейна были холодны, как камень, и холодная дрожь проходила через его тело, как ток, от ногтей до затылка.

— Мой бедный мальчик, наши конторщики и наши преступники показались вам несколько бутафорскими. Вы вообразили, пожалуй, что под очками мистера Бангса прячется пара ласковых голубых глаз. Поверьте, взгляд главного управляющего... Впрочем, не в этом дело, — дело в гордо-

сти. С Запада люди привозят хлеб, железо и гордость, которых не хватает в центральных штатах.

Мистер Джиль опустил лоб в раскрытую ладонь.

— О, зачем человек спешит, — мистер Джиль говорил теперь голосом тихим и почти что печальным, — зачем человек из гордости торопит события, пока они не взвешены, не измерены и не названы по имени. Крейн, вы еще увидите настоящие вещи. Быть может, вы увидите смерть. Вы несомненно увидите отчаяние; вы увидите ненависть... не ненависть человека к человеку, но ненависть людей к людям, которых они не знают в лицо.

Тогда Крейн, как некогда Мак-Парланд, спросил почти грубо:

— Когда я увижу это?

— О, в свое время, — мистер Джиль быстро переменил позу и голос, — не знаю, мой мальчик. Я еще не уполномочен ознакомить вас с этой стороной дела, как говорит наш приятель Сайлас. Впрочем, на четвертый день — такой разговор со своим ближайшим начальником! И это при дисциплине, так сказать, военного характера, которая, как вы, вероятно, уже успели заметить, присуща нашей организации! На вашем месте я бы возгордился, мой мальчик.

— Слушаю, сэр, — сказал Крейн.

— Да, да. На вашем месте я бы даже считал, что отчасти приблизился к цели. А знаете, Крейн, бывали ведь случаи, когда молодые люди, вот вроде вас, в последнюю минуту сами уклонялись от настоящего дела...

— Я не сделаю этого, — сказал Крейн.

— Да, однако бывали случаи...

— Сэр, уверяю вас честью... Как трудно, как ужасно, как смертельно бы ни было то, что меня ожидает... Я клянусь, если нужны клятвы...

— Нет, зачем же? Ни вы, ни я этих слов не забудем. Зачем же, в сущности, клятвы? Ступайте, мой мальчик. И главное — не падайте духом. Говорю вам, как старый, опытный человек, который с первого взгляда почувствовал к вам искреннее расположение.

В дверях кабинета Крейн встретился с Сайласом. Сайлас был изящно одет и поощрительно улыбнулся Крейну. Крейн закрыл за собой дверь.

— Хорошо! Все-таки я клянусь... Я им покажу, какое железо люди привозят с Запада! Я клянусь — через три дня, ие позже, я заслужу их доверие, — будь они прокляты!

— Крейн! Крейн! — закричал Сайлас, высовываясь из кабинета. — Подождите! Мистер Джиль хочет вам дать поручение. Что-то кому-то сообщить или какой-то пустяк в этом роде.

* * *

Сайлас заставил себя ждать не более пятнадцати минут.

Крейн, вероятно, помнит ту особу в музее? Разумеется, Крейн помнит, — довольно вздорная женщина... Дамы, видите ли, всегда осложняют жизнь, но дама, у которой разыгралось воображение, положительно небезопасна.

Миссис Гульд — жена молодого Перси Гульда. Молодому Перси Гульду тридцать четыре года и он лично стоит не более двух миллионов. Но молодой Перси Гульд — сын старого Перси Гульда из Бостона. Старый Гульд — самая хитрая собака в Новой Англии, и поэтому в точности никому ничего не известно, но, кажется, дело дошло уже до восьмизначной цифры (Сайлас заметно оживился, потому что цифры от семизначных и выше действовали на него возбуждающе). Так вот, миссис Гульд, жена молодого и невестка старого Перси Гульда, несколько раз уже с большим шумом врывалась в агентство, — что нежелательно... по целому ряду причин.

— Агент Пинкертона, милый Крейн, не агент Пинкертон, если он не умеет разговаривать с дамами. Ваши природные данные, милый Крейн, позволяют надеяться... Словом, мы решили начать втягивать вас в работу — разумеется, постепенно.

Для начала предстояло отправиться к миссис Гульд и лишний раз уверить ее в том, что агентство бодрствует; агентство ручается; агентство просит выждать события, сохранять спокойствие, питать доверие и избегать огласки...

— Главное, Крейн, вы должны своевременно исчезнуть, изумив ее вежливостью и по возможности не дав ей произнести ни слова, — в этом и состоит умение агента разговаривать с дамами.

— Не должен ли я, сэр, сегодня же явиться с отчетом?

— Полагаю, что отчет о вашей беседе с миссис Гульд позволительно отложить до завтра.

— Не думаете ли вы, сэр, что мне следовало бы иметь некоторое понятие о сущности этого дела?

— Нет, я не думаю этого, — просто ответил Сайлас.

ГЛАВА V

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Железные дороги. — Дом Гульдов. — Шофер.

Перси Гульд-старший, крупный фабрикант в Бостоне, был недоволен сыном, потому что тот по окончании университета не изъявил желания посвятить свою жизнь текстильной промышленности. Перси Гульд-младший был недоволен отцом, потому что, по его мнению, тот пользовался устарелыми способами обогащаться.

— Наше будущее, — утверждал Перси Гульд-младший, — это банки и железные дороги. У старика не хватает полета фантазии...

И в самом деле, только от старческих глаз могли укрыться поразительные перспективы железнодорожного дела.

«Монархический принцип, — писал в конце девятнадцатого века известный знаток Америки; — монархический принцип, устраненный из области американского государ-

ственного управления, снова заявляет о себе в не менее важных областях промышленности, торговли и транспорта. Американские железные дороги, предприятия, которые не имеют в Старом Свете ничего себе равного, суть вместе с тем предприятия частные».

Если компания проводила дорогу через город или округ, туда устремлялись переселенцы, недвижимая собственность возрастала в цене, промышленность оживлялась. Люди покидали свои жилища и товары теряли ценность, если компания считала нужным провести дорогу в другом месте. Если компания владела одной из главных железнодорожных линий, она могла по своему усмотрению повышать или понижать провозную плату за продукты местного производства. Благосостояние или разорение земледельцев, рудокопов или лесопромышленников, городов, графств или штатов зависело от крупных железнодорожных компаний.

В штате Калифорния Южная тихоокеанская дорога пользовалась неограниченной политической властью. До сих пор рассказывают о том, как однажды во время заседания Законодательного собрания этого штата один добросовестный, но простодушный депутат вскочил и воскликнул:

— Ну, мистер спикер, если Тому Скотту, представителю Тихоокеанской компании, не о чем больше нас спрашивать, то, мне кажется, мы сегодня можем и разойтись!

Исключительное могущество приобрели даже те из железнодорожных компаний, которые владели только полосой земли между рельсами. Но обычно правительство бесплатно предоставляло железным дорогам огромные земельные пространства по обе стороны пролагаемого пути. Объединенная тихоокеанская, Центральная и тихоокеанская, Северная тихоокеанская и Атлантически-тихоокеанская дороги получили земельные отводы размером от двенадцати до сорока семи миллионов акров. В общей же сложности отданная железнодорожным предпринимателям земля превысила на сто тридцать семь тысяч квадратных миль площадь Турции, на пятьдесят тысяч — площадь всей Япон-

ской империи и на сто тысяч квадратных миль — площадь Германии или Франции.

Неудивительно, что после этого во вновь заселяемых областях не оказалось свободной земли для переселенцев. Впрочем, переселенцы нашли выход: никем не заселенную и подлежащую заселению землю они стали брать в аренду у железнодорожных компаний, платя им от пяти до пятнадцати долларов за акр.

Публика с возрастающим беспокойством следила по газетам за неуклонным слиянием железнодорожных линий в объединения, ассоциации и компании. Железнодорожные монополии спокойно противостояли недовольству рабочих, требовавших повышения заработной платы, недовольству фермеров, требовавших понижения проездного тарифа, недовольству местных правительств, раздраженных льготами, доставшимися другим штатам, и недовольству Конгресса.

Время от времени, когда вопли добрых американских избирателей становились особенно пронзительными, Конгресс учреждал комиссии для урегулирования торговых сношений между штатами.

Комиссии рассматривали вопрос, приходили к заключению и даже выражали надежду; население платило; железнодорожные магнаты управляли железными дорогами.

«Когда владелец какой-либо большой железнодорожной линии Запада проезжает в своем великолепном вагоне, — писал все тот же знаток американской жизни, — его путешествие напоминает триумфальное шествие короля. Губернаторы штатов и территорий преклоняются перед ним, народные представители устраивают в его честь торжественные заседания, города и деревни соперничают друг с другом, стремясь заслужить его благосклонность».

* * *

Итак, идеалы Перси Гульда были вполне солидными идеалами, хотя он и женился на дочери обанкротившегося

банкира. Впрочем, дочь банкрота являлась вместе с тем отпрыском древнего рода первых колонизаторов Америки. Драгоценная англо-саксонская кровь текла в ее жилах.

Миссис Эллен Гульд, так же как ее мать, ее бабушка и прабабушка, была воспитана на европейский лад. Она говорила по-английски, по-французски и по-итальянски без американского акцента, возбуждающего улыбку; отправляясь на бал, она не надевала все свои бриллианты; она не питала страсти к путешествиям и никогда не могла понять, почему ее приятельница миссис Китинг приказала своему архитектору украсить небольшим римским Пантеоном крышу нового небоскреба.

Миссис Гульд любила воздушность и неопределенность. Вокруг нее все струило ароматы, или мерцало неясными тонами, или ниспадало мягкими складками. Грубые американцы обзаводились вещами, сделанными напоказ, или вещами, имеющими назначение, но в обиходе миссис Гульд ни одна вещь не имела назначения или, по крайней мере, не выполняла его.

Ни тени американской вульгарности в этом доме. Горничные миссис Гульд, казалось, так и родились в кружевных наколках и воздушных передниках; ни один из лакеев миссис Гульд, надо полагать, ни разу в жизни не заскрипел сапогами; грумы миссис Гульд не сморкались, надо полагать, даже по воскресеньям.

Дом Гульдов, окруженный прекрасным садом, был расположен над самым озером, в узкой крайне-восточной полосе города. Здесь, среди бульваров и парков, строят свои особняки люди, строящие в южной части Чикаго свои конторы и в западной свои доходные дома.

От воды и зелени, от сырого песка и мокрых камней подымалась прохлада, смягчая жесткие июльские сумерки. Но, подобно многим другим явлениям внешнего мира, прохлада не доходила до миссис Гульд. Занавески сложной китайской работы защищали окна ее будуара; дверь на балкон загораживал широкий экран, на котором корчились золотые и синие драконы. Китайские фонарики покачива-

лись, краски переливались, ароматы струились, ткани ложились мягкими складками.

Миссис Гульд сидела на каком-то небольшом и в высшей степени неудобном предмете без названия. На коленях у нее лежал томик стихов старого английского поэта. Миссис Гульд не читала; с выражением отчаяния она смотрела перед собой в одну точку. В дверь неуверенно постучали. «Войдите» — сказала миссис Гульд и в следующее мгновение громко вскрикнула, потому что у нее были слабые нервы, а на пороге стоял незнакомый мужчина. На пороге стоял Джеральд Крейн в своем сером костюме, со шляпой в руке, Крейн, подавленный и сбитый с толку ароматами, мягкими складками и непонятными предметами, наполнявшими этот дом.

— Сударыня, простите, но мы входим всегда без доклада. Мистер Бангс...

Крейн умолк, потому что хозяйка дома снова вскрикнула, бросилась к Крейну и повисла на сгибе его руки.

— Ах, наконец-то, наконец-то, наконец-то... О, не мучьте меня! О, скажите только, мой друг, что вам разрешили остаться со мной до конца... О, только скажите: да!

— Да, — сказал Крейн, ужасаясь невозвратимости слова, которое он произносит. — Да, сударыня, мистер Бангс поручил мне не покидать вас до самого конца.

— О, я так счастлива! Мистер Бангс запретил мне звонить или приезжать в агентство. Он сказал, что он никогда не спит, и что в решительную минуту он пришлет мне самого лучшего агента. И вот вы... сегодня, как раз, когда я нахожу новые смертельные подтверждения. Как ваше имя, мой друг? Крейн? — Крейн. Мистер Крейн, я вам верю. Я должна вам верить, иначе мое сердце разорвется от отчаяния. Не правда ли, вы очень знаменитый сыщик?.. Нет, нет, не буду оскорблять вас вопросами. Я знаю, мистер Бангс мог прислать ко мне человека... только человека, которому он доверяет как сыну. Мне сказали, что для агентов Пинкертона нет ничего невозможного. Поверьте, все, что принадлежит мне лично, мои брильянты... Нет, нет, не буду вас оскорблять. Мне сказали, что благодарные слезы нес-

частных — лучшая награда агентов Пинкертона!.. Мистер Крейн! Почему вы молчите? О, скажите же, что его еще можно спасти!

У Крейна виски покрылись потом.

— Сударыня, я знаю все! — но у нас, детективов, есть правило: принимая дело, следует выслушать все обстоятельства непосредственно от клиента. Сударыня, помните, нам дорога каждая минута.

— О, неужели каждая минута? Я готова. Я все расскажу. Мой муж, мистер Крейн, мой муж в страшной опасности. Я ничего не могу объяснить... Но всем известно, что сердце любящей женщины не ошибается. Он так изменился. Я уверена... я видела странных людей, я уловила слова... и теперь эта находка. О ней еще не знает никто. Вам, любимцу мистера Бангса, я все могу показать. Вот... О боже!

Миссис Гульд вскрикнула в третий раз, и на этот раз в ее крике был ужас.

— Это он! Он, он! Вы слышите?

С бульвара донесся печальный и пронзительный вопль автомобильной сирены.

— Он! Въезжает... въезжает в сад! Мистер Крейн, он может зайти ко мне выпить чаю. С минуты на минуту он может войти. Если он застанет вас здесь, если он вас встретит на лестнице — я погибла. Я погибла, если Перси поймет, что я велела за ним следить. И он — он тоже погиб! Из гордости он тут же у меня на глазах ринется в первую попавшуюся бездну.

— Сударыня...

— Мистер Крейн! — Миссис Гульд с неожиданной силой втащила Крейна за китайский экран. — Стойте здесь! Здесь! Вы — сыщик, и поэтому вам можно подслушивать. Я не удивлюсь, если вы даже станете подсматривать в щелку.

— Сударыня, вполне ли вы уверены в том, что мистер Гульд не пожелает выйти на балкон подышать прекрасным вечерним воздухом?

Миссис Гульд колебалась не более секунды.

— Я все придумала, мистер Крейн. В крайнем случае вы перепрыгнете через перила, спуститесь по решетке и под балконом ухватитесь руками за карниз. Там вы можете висеть совершенно спокойно, потому что мистер Гульд близорук.

Крейн, перегнувшись через перила, рассматривал узкий карниз и трехэтажную пустоту, в которой тихо покачивались темные острия деревьев.

— Я слыхала, что для агента Пинкертона висеть на карнизе не составляет труда, — сказала хозяйка дома.

— Разумеется, сударыня, это сущие пустяки, — ответил Крейн, выпрямляясь.

Но хозяйки дома рядом с ним уже не было. Крейн вытер платком виски и занял место как раз против щели в раме экрана, украшенного золотыми и синими драконами.

Перси Гульд младший был невысок ростом, сухоощав и для своих тридцати четырех лет весьма старообразен. Слегка лысеющий череп и бритое лицо, каких встречается много в деловых кварталах Нью-Йорка, Бостона и Чикаго, лицо с большими брезгливыми складками по углам рта. Близорукие глаза смотрели рассеянno, в левом глазу торчал монокль.

Перси Гульд младший был внуком американского сапожника и сыном американского архимиллионера, тем не менее он, как и все в этом доме, утратил природную американскую вульгарность. Невозможно было себе представить, чтобы мистер Гульд положил ноги на стол или растегнул в обществе жилет, или закурил вонючую сигару.

Перси Гульд с рассеянным видом поцеловал руку жены и довольно ловко сел в крошечное кресло неопишуемой формы, придвинутое к крошечному столику. На столике стоял серебряный чайный прибор и фарфоровые чашки, из которых пить чай было почти невозможно, потому что их делали по специальному рисунку модного французского художника.

— В последнее время я вас вижу все реже и реже, — сказала миссис Гульд.

— Да, да, дорогая. Я занят, я очень занят. Да... Скоро все это кончится. Еще несколько дней... неделя — и я увезу вас в Биариц. В Биариц, Эллен, — чудесно, правда?

— Перси, я знаю, вы рассердитесь, но больше я не могу... Вокруг вас неблагополучно. А я? — Я ничего, ничего, ничего не знаю.

У мистера Гульда слегка искривилось лицо.

— Как это несносно, Эллен! Я занят, измучен, я урываю пятнадцать минут — и здесь все то же...

Мистер Гульд сцепил пальцы и громко хрустнул суставами.

— Посвятить вас в дела? Мой бог! Вас!..

«Сейчас она заплачет, — подумал Крейн, — и он, спасаясь от этого зрелища, выбежит на балкон. В таких случаях мужчины всегда выбегают на балкон!»

Но Эллен не плакала, она молчала, говорил мистер Гульд.

— Хорошо. Я готов. Сочтете ли вы себя удовлетворенной, если я сообщу вам, что мне приходится играть руководящую роль в правлении железной дороги Чикаго — Барлингтон — Квинси, хотя я далеко не крупный пайщик? Примиритесь ли вы с жизнью, дорогая, если я добавлю, что на линии — серьезные беспорядки, что наши акции (если вы знаете, что такое акции) быстро падают, что акционеры в панике, что публика ропщет, а федеральные власти угрожают, что рабочие, поощряемые компанией каких-то индустриальных бездельников (голос Перси Гульда дребезжал и повышался на каждом перечислении), предъявляют неслыханные претензии, что по всей вероятности нам придется с большими потерями уступить нашу линию Северной тихоокеанской компании, или, проще говоря, Реджу? Вернется ли вам утраченное душевное спокойствие, Эллен, если я закончу тем, что ответственность, без сомнения, свалят на меня?

— О, как вы злы, Перси! Замолчите, прошу вас.

Перси Гульд замолчал и раскрыл печенью между

пальцами.

— Вы скажете, что я опять ничего не поняла, но все-таки... почему вы должны отдать вашу дорогу этой чужой Северной компании?

— Потому что у нее в пятнадцать раз больше основного капитала; потому что она скупает наши акции; в особенности потому, что Северная тихоокеанская — это в сущности Редж, и Редж хочет этого.

— Но разве достаточно, если мистер Редж хочет?

— Дорогая, этого достаточно почти для всех и почти что всегда. На последних выборах Редж сказал: «Я отношусь хорошо ко всякому правительству, потому что любое правительство должно исполнять мою волю».

— Но Перси, как это возможно, чтобы наше правительство непременно во всем соглашалось с мистером Реджем?

Перси Гульд вдруг посмотрел на жену; он как будто очнулся.

— Оставим это, Эллен. Прошу вас, еще только несколько дней... Впрочем, я хотел бы, чтобы вы поняли: я не богат, — богат мой отец. Богат мой отец, который вполне здоров и в высшей степени жизнерадостен и который имеет обыкновение время от времени уничтожать свое завещание. Что вы скажете на это, Эллен?

— О, Перси, не знаю, право. Моя дорогая покойная мать говорила, что не в деньгах счастье и... что с милым — рай в шалаше.

Мистер Гульд поднял брови.

— Признаюсь, я ни разу в жизни не видал шалаша и потому не могу судить. Заметьте, Эллен, что в семьях, где жены говорят: «не в деньгах счастье» — мужья кончают банкротством. В моей семье разговаривали иначе. Когда мой дядя Вильям, — у него было восемнадцать миллионов, — умирал, врачи предписали ему шампанское для подкрепления сил. — «Шампанское! — закричал дядя Билль. — Бутылку каждое утро! Ну, это мне не по средствам!». Врачи настаивали; тогда он приказал разбавлять шампанское содовой водой. Дяде Вильяму оставалось жить три дня; и на

этот срок он достиг ежедневной экономии по крайней мере в семьдесят пять центов. Отец того же закала, Эллен (мистер Гульд улыбнулся одной стороной лица). Впрочем... оставим этот неуместный разговор.

Мистер Гульд встал.

— Сейчас, — подумал Крейн, — он выйдет на балкон полюбоваться озером при вечернем освещении. Сейчас он выйдет на балкон.

К счастью для Крейна, Перси Гульд был равнодушен к природе.

— Досадно... Боб только что, прочищая мотор, повредил себе руку. Придется взять запасного шофера. В десять часов выезжаю — небольшое частное совещание у Киттинга. Покойной ночи, Эллен.

Крейн вышел из-за экрана и заговорил сурово. Он сказал, что нельзя терять ни минуты времени, — миссис Гульд слабо простионала в ответ; что подслушанное объяснение заметно расширило его кругозор, — миссис Гульд взглянула с робкой надеждой; что он считает нужным ознакомиться с той поразительной находкой, о которой миссис Гульд упомянула до прихода мистера Гульда, — миссис Гульд со вздохом вынула из-за корсажа голубоватый конверт. Она должна сознаться, что в отсутствие мужа тщательно обыскала его кабинет (в серьезных случаях жизни, именно так поступают все любящие женщины). В камине, среди остывшей золы, ей попались остатки разорванной и брошенной в огонь бумаги. Содержание этих обрывков почти столь же ужасно, сколько и непонятно; это, конечно, письмо, анонимное письмо с угрозами, с какими-то страшными значками. Это...

Крейн взял конверт и твердо сказал, что ему необходимо сосредоточиться. Миссис Гульд ответила, что для агента Пинкертона в ее доме приготовлена комната, куда Крейн проводит Том, старый преданный дворецкий.

Комната, предназначенная агенту Пинкертона, была обставлена с чрезвычайным комфортом, то есть в ней имелось

почти все необходимое для человека и еще много лишнего. Вид шелкового халата, щеточек для усов и электрической грелки для ног при других обстоятельствах несомненно заинтересовал бы Крейна и даже польстил бы его самолюбию, но сейчас слишком важно было другое.

Крейн нетерпеливо отдернул занавеску. За окнами стало совсем темно и почти прохладно. Крейн жадно, как в воду, сунул голову и сухие руки в окно. Том, старый преданный дворецкий, собственноручно принес вино и холодный ужин. Крейн съел ужин рассеянно и быстро. Дворецкий собрал посуду и доложил, что джентльмена больше не будут беспокоить.

Крейн сидел в кресле. Он решил: надо обдумать положение в целом — и для удобства закрыл глаза. И тотчас же перед его глазами, как во сне, проплыл мистер Бангс с желтым лицом и темными стеклами, а миссис Гульд протягивала руки и твердила: «Спасите! О, спасите его, и я осыплю вас долларами!»

Крейн открыл глаза: положение в целом не удастся обдумать. Остаются подробности. И он аккуратно разложил перед собой содержимое голубого конверта миссис Гульд.

Два неровных обрывка писчей бумаги плохого качества. Крупный, неумелый почерк с неожиданными для самого пишущего взлетами и падениями пера. На одном из клочков Крейн разобрал:

...те уверены
не остановит
решенное дело

На другом сохранилось только окончание слова (ора... — прочитал Крейн) и странный рисунок: черная извилистая черта горизонтально пересекала бумагу, скрываясь за обгорелыми краями. У левого края поверх черты — грубое, но отчетливое изображение лошадиной подковы.

Крейн понял: перед ним лежали знаки неумолимой действительности К миру оттенков и ароматов, воздушных вздохов миссис Гульд и скользящих речей мистера Гульда

— два клочка плохой писчей бумаги были подвешены как две свинцовые гири.

Крейн смотрел на обрывки письма, томимый желанием быть сыщиком.

Извилистая линия и лошадиная подкова... Лошадиная подкова — непонятно, но годится в качестве условного знака вымогателей. Что касается волнистой черты, то она может обозначать, например, веревку... веревку, аркан или даже лассо. Следовательно, за этим таится опасность...

Но Крейн никак не мог представить себе, какая именно опасность таится за изображением веревки.

Крейн застыл над столом. Время долго текло мимо его сознания. Он очнулся от стука в дверь. Дверь отворилась. Это не был дворецкий; к ужасу Крейна, это была миссис Гульд; миссис Гульд с какой-то ношей в руках.

— Я все придумала, — сказала она с пугающей твердостью. — Вы, конечно, хорошо управляете автомобилем?

— Да, я...

— Разумеется, — кивнула миссис Гульд. — Вы слышали, он сказал, что Боб повредил себе руку. Это очень хорошо, потому что Перси знает в лицо и по голосу только Боба. Смотрите, я вам все принесла.

И миссис Гульд подала Крейну широкое резиновое пальто, кепи, автомобильные очки и перчатки с раструбами.

— Скорее, мистер Крейн. Он выезжает через десять минут. Какое счастье! Теперь вы можете совсем не расставаться с Перси!

— О, это редкое счастье, сударыня, — сказал Крейн, затягивая резиновый пояс.

— Мистер Крейн, посмотрите мне в глаза. Так. Помните... мы должны его спасти. Мы спасем его... против его воли! Идите. Всю ночь я буду молиться за вас!

И миссис Гульд обеими руками сжала негнущуюся автомобильную перчатку.

Дворецкий Том вел Крейна по лестнице, уставленной зеркалами. На поворотах Крейн с удовольствием встречал свое отражение, одетое в широкое автомобильное пальто. В начале аллеи стоял маленький, закрытый лимузин (хо-

рошо знакомая Крейну марка). Хриплый спотыкающийся звук пущенного мотора путался у Крейна в ушах с шумом ночной листвы, похожим на шум воды. На террасе под электрическим шаром появился мистер Гульд без монокля, с легким пальто, переброшенным через руку. Крейн распахнул дверцу. Мистер Гульд выкрикнул адрес, исчезая в узкой бархатной коробке.

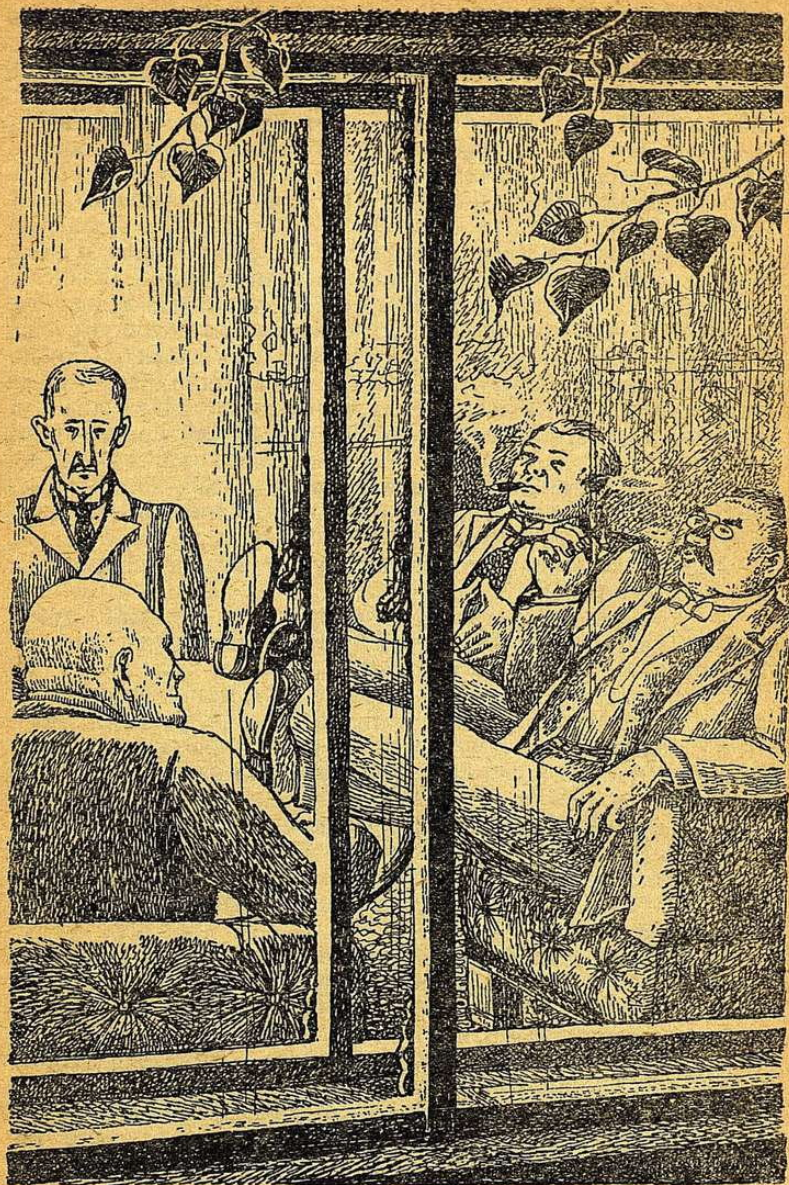
ГЛАВА VI

ЗНАК ЛОШАДИНОЙ ПОДКОВЫ

Совещание акционеров. — Объединенная станция. — Подкова счастья. — В специальном вагоне. — Сыщик и редактор. — Пробуждение Крейна.

Мистер Гульд выкрикнул адрес банкира Киттинга. Особняк Киттинга во всех отношениях уступал особняку Гульдов, но и он стоял над озером в узкой крайне-восточной полосе города и окна его тоже выходили в сад. Деревья касались листвой освещенных стекол; старая липа протянула к окну длинный корявый сук.

Верхом на этом суку сидел Крейн. Пальто, очки и перчатки с раструбами он сбросил вниз у автомобиля. Подтягиваясь на вытянутых руках, Крейн толчками продвигал свое тело по неровной коре. У плотно закрытого окна он лег грудью на сук и осторожно вытянулся. Вокруг круглого стола сидело пять джентльменов в расстегнутых сюртуках. Мистера Гульда еще не было в комнате. Двое джентльменов справа курили, положив ноги на стол. Слева двое других одновременно раскрывали рты, делая движения руками. Прямо против Крейна помещался унылый сидящий господин с носом, вытянутым во всю длину лица. Он печально качал головой и поднял руку внезапным движением дирижера на крутом музыкальном повороте. Джентльмены слева откинулись в кресла. Один из джентльменов

справа осторожно переместил ноги со стола под стол и приблизил к лицу большой отпечатанный лист. Дверь отворялась. Все повернули головы к двери, пропускавшей мистера Гульда, Перси Гульд раскланялся и сел к столу. Читавший опять поднял лист. Крейн видел, как двигался его рот.

Потом произошло нечто необычайное. Маленький, полный, рыжий человек с темно-розовым мясистым лицом и челюстью, выдвинутой вперед (это был один из сидевших слева) вдруг закрутился в кресле. Он топал ногами, он вертел и махал руками, он, видимо, кричал, надрываясь и лиловея от крика. Все привстали, только Перси Гульд сидел, безглаголиво опустив глаза.

Рыжий выбросился из кресла, ударился боком о стол, метнулся вперед и, задохнувшись, рванул окно. И вместе с визгом растворяющейся рамы вся масса звуков, только что скрытая за стеклом, стремительно бросилась в уши Крейна.

— Обследование! — кричал рыжий и розовый. — Правительственная комиссия!.. Вздор!.. Скажите лучше — Редж приказал! Подготавливают почву, мошенники!.. Кого мы тут обманываем, хотел бы я знать! Пускай другие разыгрывают английских лордов, когда всему свету известно, что их дедушка шил башмаки. И я вам приведу людей, которые расскажут, какие каблуки и носки и, черт возьми, пряжки были у них, у этих башмаков!..

Рыжий человек размотал галстук и теперь истерически рвал на себе рубашку.

— Акции!.. Через три дня вы будете закуривать трубку вашими акциями... Женам на папильотки наши акции!.. Вот что!

— Я опасюсь, — сказал Перси Гульд металлическим голосом, — что форма, которую мистер Сомс избрал для своих выступлений, не может способствовать деловому характеру нашей встречи. В таком случае не лучше ли нам своевременно разойтись?..

Соме взвизгнул необычайно злобно.

— Сомс, замолчите. Замолчите, Сомс, — повторял грустный джентльмен, помещавшиеся в центре (это и был Кит-

тинг). Он, как гипнотизер, двигал перед лицом Сомса бледными руками.

Соме вдруг осел. Он прислонился спиной к окну, и Крейн увидел, что розовый и мягкий затылок Сомса переливается через край крахмального воротничка, переливается и дрожит, как плохо застывшее желе.

— Продолжайте, Персон, прошу вас, — сказал Киттинг.

«— ...Комиссия по урегулированию торговых сношений между штатами, на основании всего вышесказанного, вынуждена признать, что положение дел на железной дороге Чикаго — Барлингтон — Квинси может приобрести угрожающий для общественной безопасности характер. В этом случае комиссия сочтет своим долгом возбудить перед федеральными властями вопрос об установлении на этой железнодорожной линии правительственного контроля, либо о передаче линии какой-нибудь из более мощных и лучше организованных частных железнодорожных кампаний».

Пауза.

— Сомс, к сожалению, не считает нужным выбирать свои выражения, — сказал Киттинг, — но это действительно рука Реджа.

— Я хотел бы знать... — сказал Персон (он был моложе других и обладал атлетическим телосложением): — я здесь новый человек и хотел бы точно узнать, что такое в сущности Редж? То есть я хочу знать, такой ли человек Редж, с которым можно не соглашаться?

— Я полагаю, Редж — человек, с которым можно поспорить, но не соглашаться, — мягко ответил Киттинг.

Тогда Соме подошел к столу.

— По этому вопросу, господа, у меня особое мнение. Не волнуйтесь, Киттинг, на этот раз я буду выбирать выражения, не слишком сильные для человека, который в два дня потеряет все, что он наживал тридцать лет... Вам угодно знать, что такое Редж, мистер Персон? Редж — король угля и железных дорог. Это вполне точно.

— Ну, это и без того всем известно, — сказал Персон. Но это грубое замечание, по-видимому, не произвело впечатления на Сомса.

— Редж исходил из простой мысли, мистер Персон: если имеешь уголь — выгодно иметь в своем распоряжении транспорт, и наоборот: если владеешь средствами транспорта... Для начала Редж скупил акции компании «Топлива и железа» в Колорадо, и через четыре месяца уступил их за тридцать два миллиона долларов Северной тихоокеанской железной дороге. Это значит, м-р Персон, что Редж в качестве частного лица сам себе продал каменно-угольные копи и притом, в качестве директора дороги, сам установил, сколько именно ему следует себе уплатить. Насколько я знаю, это была самая высокая цена, какую платили когда-либо за подобную собственность. Вы не находите, Киттинг, что я выбираю выражения, которым может позавидовать любая леди?

Дальше: когда Северная тихоокеанская строилась, ей предоставили шестьдесят пять тысяч акров в Дакоте. Об этом все успели забыть, и там поселились фермеры. Ровно через сорок лет компания приказала фермерам очистить в полтора месяца земли, которые эти фермеры совершенно противозаконно превратили в лучший земледельческий район Запада. Правительство, разумеется, стало на защиту фермеров и предложило компании выбрать себе другой участок таких же размеров. Компания, разумеется, подчинилась воле правительства и выбрала себе в Монтане и Вашингтоне лесные участки, в которых удивительно скоро обнаружились богатейшие залежи угля и руды... А борьба с расхищением лесного богатства Соединенных штатов?..

— Не сочли ли бы вы возможным; сэр, — сказал Перси Гульд, — изложить для назидания мистера Персона какие-нибудь... менее устарелые события?

— Нет. Я считаю полезным освежить именно эти события в памяти некоторых из здесь присутствующих. Так вот, знаменитый законопроект, мистер Гульд, о выселении землевладельцев из национальных лесных заповедников был внесен в Конгресс.

— Что касается Конгресса, то, по мнению Реджа, дешевле избрать законодательный орган, чем подкупать его потом на ходу. Поэтому Редж был спокоен. В последний мо-

мент избранные Реджем люди вставили в законопроект после слов: «предоставляется фермерам» слова: «или... всякому... другому заявителю». Эти четыре слова, мистер Персон, которых никто не заметил, позволили обменять миллионы акров негодной земли на такое же количество доходной. Северная тихоокеанская, между прочим, получила два миллиона акров плодородной почвы за вершину горы Такома с вечным снегом и голыми скалами, которые оказались включенными в число национальных лесных заповедников. Вот что такое Редек, мистер Персон!

— Черт возьми! — вскричал Персон, — я новый человек, я не знал этого. Не можем ли мы, господа, спешно использовать какой-нибудь небольшой вулкан или бездну, включенную в лесные заповедники?

— К сожалению, нет. Редж получил все, что хотел, и позволил Конгрессу отменить закон, который нервировал избирателей с тех пор, как они усвоили себе смысл четырех малозаметных слов. Три года назад Редж присоединил к Северной тихоокеанской — Большую северную дорогу. Канада ему обеспечена. Когда Редж уничтожит нас, он сможет издавать на Западе законы, даже не подкупая сенаторов. А старик любит разумную экономию.

— Он нас... уничтожит?

— Непременно. Теперь, когда, несмотря ни на что, дороге еще можно спасти, он нанесет последний удар... Каким именно способом — этого я не знаю, потому что бывают разные способы. В свое время Реджу понадобилась Центральная нью-йоркская линия... Не думайте, мистер Персон, что он прибегнул к вульгарной скупке акций. Он просто приказал принадлежавшей ему железной дороге реки Гудзон прервать сообщение с Нью-Йоркской центральной, то есть единственное сообщение между Нью-Йорком и Альбани. Теперь поезда останавливались ночью; из паровоза выпускали пар и пассажиров высаживали из вагонов. Акции Центральной нью-йоркской, мистер Персон, падали с замечательной быстротой. Когда к Реджу явилась следственная комиссия, он предъявил ей закон, воспрещающий поездам железной дороги реки Гудзон переходить по ту сторону

моста. Это был один из забавных железнодорожных законов времен локомотивов 1828 года, и о нем никто не имел понятия. Оправившись от удара, члены комиссии спросили, почему же Редж приказал своим поездам останавливаться за целую милю от моста реки Гудзон? Оказывается, Редж не знал об этих подробностях. Он играл у себя дома в вист, а во время этой игры он не позволяет себя ничем беспокоить, потому что эта игра, как хорошо известно членам правительственной комиссии, — требующая величайшего внимания... Мистер Персон, поняли ли вы теперь, что за человек Редж?

— Да, — сказал Персон, — я понял. Редж — это великий человек!

Все молчали.

— Мне представляется вполне уместным, — неуверенно сказал Киттинг, — предоставить слово Перси Гульду.

— Господа, наметились два основных пути: немедленная ликвидация, пока акции сохранили кое-какую ценность, или попытка, последняя попытка вернуть компании доверие публики. Это — риск... Господа, мы переживаем время небывалой взволнованности умов, которое требует риска. Над каждым хозяйственным участком довлеет идея стачки. Традиции старого тредюнионизма рассыпались с угрожающей быстротой. В Чикаго — съезд индустриалистов... В эти дни, господа, я считаю безумным, я считаю преступным громко заявлять о своем бессилии. Это использует ненависть более губительная, чем конкуренция Реджа, ибо это — ненависть к самой идее нашего существования. Мое решение принято — сегодня в час двадцать минут я выезжаю в Барлингтон. Я лично расследую все, что касается путей, персонала и ремонтных работ. По крайней мере, никто не бросит Киттингу или мне упрек в том, что мы отдали дорогу без боя.

Перси Гульд встал.

— Я хочу задать вопрос, — сказал Сомс тихим голосом.

Киттинг содрогнулся.

— Прошу вас, — сказал Перси Гульд любезно.

— Я хочу только спросить, почему Перси Гульд, которому было поручено непосредственное наблюдение за дорогой... почему простая мысль о личном обследовании сегодня впервые пришла в голову Перси Гульду?

— Вопрос мистера Сомса, — сказал Гульд после паузы, — представляется мне вполне правомерным. Я отвечу на этот вопрос. Дело в том, что я действительно совершил ошибку и я намерен ее исправить.

В течение нескольких мгновений мистер Гульд и мистер Соме смотрели друг другу в глаза. Потом Перси Гульд поклонился и направился к двери.

И Крейн тотчас же понесся вниз, ударяясь о сучья грудью и коленями, срывая на ладонях кожу.

* * *

Следующий маршрут мистера Гульда Крейн знал заранее: конечный пункт — Объединенная железнодорожная станция Канальстрит между Адамс- и Мадисонстрит.

Перси Гульд вышел у маленького бокового подъезда.

— Машина больше не нужна, — отчетливо сказал Перси Гульд своему шоферу.

Он подымался по ступенькам. Однажды в жизни Крейн уже смотрел с такой же печалью вслед уходящему человеку. Это было в Канзас-Сити, когда девушка из магазина готового платья, которую он любил, сказала ему, что выходит замуж за бухгалтера. Мистер Гульд исчез за дверью, и Крейн остался один во всем мире. Крейн медленно подошел к автомобилю. Нет, он был не совсем одинок, — на сиденье лежало пальто, забытое мистером Гульдом.

Второй этаж Объединенной станции занимали служебные помещения шести железнодорожных линий: Чикаго — Альтон; Чикаго — Барлингтон — Квинси; Чикаго — Эванстон — Верхнее озеро; Чикаго — Мильвоки — Сент-Поль; Чикаго — Сен-Луи — Питсбург; Питсбург — Вейн — Чикаго. Молодой клерк дежурил у входа в кабинет дирекции железной дороги Чикаго — Барлингтон — Квинси.

— Мистер Гульд в кабинете?

— Да. Мистер Гульд никого не принимает.

— Доложите мистеру Гульду, что его шофер просит разрешения переговорить с ним по крайне неотложному делу.

Перси Гульд за столом, хмурясь, перебирал бумаги. У горящего камина, завалившись в кресло, раскинув перед огнем длинные ноги, сидел высокий старик. Крейн разглядел маленькие белые курчавые бакенбарды, большие усы, загорелое морщинистое лицо старого фермера или матроса. На старике был поношенный сюртук и, вместо галстука, цветной шейный платок, какие носили в шестидесятих годах прошлого века. Старик дремал у огня.

Перси Гульд с неудовольствием обернулся к шоферу:

— Что вам, собственно, нужно?

— Сэр, осмелюсь доложить, вы забыли в машине непромокаемое пальто.

И тотчас же в зрачках хозяина Крейн увидел отблески приближающегося гнева.

— Осмелюсь заметить, сэр, я подумал: в пальто могут быть важные вещи; бумаги, например, сэр, в боковом кармане. Я не посмел отдать его в чужие руки. Простите.

Гнев мистера Гульда затих по дороге.

— А! Вы очень предусмотрительны. Положите пальто на стул. Я не ношу важных бумаг в боковом кармане. Давно вы служите у меня?

— Всего полтора месяца, сэр. Я помощник Боба.

— Мне нравится этот парень, Гульд, — сказал вдруг старик гулким голосом, — когда вы его выгоните вон, пускай приходит ко мне.

Старик опять задремал. Гульд неопределенно улыбался.

— Сэр, не потребуются ли вам мои услуги?

— Да, пожалуй, — задумчиво сказал Перси Гульд.

Сердце Крейна забилося от счастья.

— Да. Вы отправитесь сейчас же домой и передадите дворецкому записку, записку для миссис Гульд.

В кабинет дирекции вошел пожилой мужчина с форменным кепи в руке.

— Вам угодно было меня видеть, сэр?

— Да, Вильсон. — Перси Гульд быстро писал записку. — Я хотел вам напомнить: сегодня я имею честь принимать у себя в поезде гостя, почетного гостя, который должен быть обставлен со всевозможным комфортом... Вы понимаете, Вильсон?

Вильсон склонился сначала в сторону старого фермера, потом в сторону Гульда.

— С нами едет еще корреспондент крупной нью-йоркской газеты.

— Сэр, меры приняты. Только что я послал по линии телеграмму с приказанием проверить стрелочников и сторожей. Когда дело идет о публике, сэр, мы уповаем на милосердное провидение, но ваша драгоценная безопасность...

— Что? — Перси Гульд вдруг перестал писать.

— Ваша драгоценная безопасность, сэр, потребовала специальных предосторожностей. В частности, отменен добавочный поезд двенадцать пятьдесят под литерой «Д» (товаро-пассажирский без спальных вагонов, не включен в нормальное расписание). Я опасался, сэр, что он вас задержит в пути.

Перси Гульд встал, и Крейн понял, что гнев, который застрял по дороге, ударит сейчас в человека.

— Я намерен обследовать линию, Вильсон. Всякие специальные приготовления недопустимы. Вы отмените немедленно вашу телеграмму и в особенности озаботитесь, своевременным отходом поезда «Д». В противном случае я не поручусь, что правление дороги пожелает надолго сохранить ваше место за вами. Ступайте! И вы тоже, — сердито сказал Перси Гульд шоферу, — вот вам письмо.

В дверях Крейн услышал, как старик говорил гулким голосом:

— Вы плохо оценили усердие этого доброго Вильсона, Гульд. Эти стрелочники, Гульд, бесподобны...

— Ну, и отмена поезда «Д» — не лучше, — сказал Гульд, — представьте себе...

Но тут Крейн был вынужден закрыть за собой дверь, вследствие чего он не слышал конца этой фразы.

«Ступайте»!.. Не отправиться ли Крейну к миссис Гульд сообщить о результатах поездки с мистером Гульдом, или, быть может, в агентство, сообщить о результатах беседы с миссис Гульд?

Сыщики, про которых он читал в книгах, цепко хватались за слова и вещи; слова и вещи описывали круги, делали зигзаги — и под конец выносили сыщика к цели. А Крейну больше не за что ухватиться: чужие перчатки с раструбами, чужой автомобиль и чужое письмо в кармане оказались его единственным достоянием.

Крейн спустился в первый этаж. Почти весь первый этаж Объединенной станции занимал огромный зал ожидания. Налево — телеграф общего пользования и вход в ресторан; направо — билетные кассы восьми железных дорог. Сам не зная зачем, Крейн шел по диагонали, к окошечку кассы Чикаго — Барлингтон — Квинси. Сквозь полупущенное стекло он задумчиво посмотрел на белокурые, слегка вьющиеся волосы кассира. Рядом на стене висели таблицы в аккуратных рамках. Крейн прочитал сначала расписание поездов, потом таблицу товарных и пассажирских тарифов. Третью рамку занимал красивый чертеж с двухцветными линиями, заштрихованными многоугольниками и пунктиром.

Крейн вдруг придвинулся вплотную к стене, он ухватился за края рамы; он смотрел, смотрел... и по мере того, как он смотрел, сходство; сначала мучившее его как забытое слово, которое вертится на языке, — сходство стало крепнуть и подниматься на поверхность сознания.

Волнистая линия...

Чертеж железнодорожного пути Чикаго — Барлингтон — Квинси в точности повторял соотношение подъемов, поворотов и падений. Наискось пересекая город Чикаго — неровный заштрихованный многоугольник, прилепившийся к куску голубого озера, — черная черта подымалась к за-

паду до кружка, означавшего городок Аврору (двадцать четыре тысячи жителей, шестьдесят пять километров от Чикаго). У кружка Авроры — скомканная ниточка реки Фокс. Еще несколько движений черты влево и вниз: на Галесбург, на Барлингтон, на Квинси. Дальше Крейн не следил. Он видел теперь одну только точку, где в двадцати километрах (по масштабу) от полого кружка станции Авроры, от синей ниточки реки Фокс, черная черта круто сламывалась на юго-запад. Именно здесь на рисунке из голубого конверта миссис Гульд стоял знак лошадиной подковы.

Час пятьдесят минут остается до отхода специального поезда дирекции, час двадцать минут до отхода товаро-пассажирского «Д».

— Но, боже, где это видано, чтобы вымогатели сообщали место и срок покушения?.. А что если джентльмену писал тайный доброжелатель?.. Что если джентльмен, по свойственному джентльменам презрению к анонимным письмам, бросил его в огонь не читая?.. Размышлять поздно. Надо ворваться к мистеру Гульду, все рассказать, предъявить голубую карточку агента.

Крейн сделал движение к лестнице — и застыл. Он ясно увидел Сайласа. Он увидел Сайласа в клетчатом полуподорожном, полуспортивном костюме с чемоданчиком в руке. Сайлас вышел из осененной пальмами двери ресторана и легкой походкой направился к окошечку под дощечкой:

ПРИЕМ СРОЧНЫХ ТЕЛЕГРАММ

Сайлас! Сайлас напал на след! Добыча достанется Сайласу! Голубая карточка не поможет... Нельзя идти к мистеру Гульду. Крейн будет работать один, как некогда Мак-Парланд, — он выиграет или погибнет!

Машина мистера Гульда спустилась по реке и свернула влево на Блю-айланд-авеню. Параллельно Блю-айланд-аве-

ню лежали рельсы железной дороги Чикаго — Барлингтон — Квинси и рядом рельсы Северной тихоокеанской. В конце авеню пути двух конкурирующих дорог расходились под острым углом. Машина мистера Гульда взяла на юго-запад.

Город остался позади; пригороды остались позади. Машина шла по шоссе вдоль железнодорожного пути на Галесбург — Барлингтон—Квинси.

Крейн неуклонно двигался к точке в двадцати километрах на запад от станции Аврора. Он готов был удивляться тому, что вместо тонких двуцветных линий, заштрихованных многоугольников и пунктира видит перед собой шоссе, железнодорожное полотно, деревья, легкий свет в окнах редких строений. В девятнадцати километрах от моста реки Фокс начинался крутой подъем. Крейн спрыгнул на землю, взбежал, прячась между деревьями, и оглянулся. Маленькая темная машина, как неживая, стояла далеко на дороге; позади луна блестела спокойно в узкой автомобильной колее. Еще несколько шагов — и у откоса Крейн увидел то самое, что, согласно чертежу, должно было здесь находиться. Очень маленький человек в кепи и в темной блузе, скорчившись, возился над рельсами. Крейн ощупал в кармане револьвер и пополз. Большой кусок облака загордил луну как раз перед тем, как Крейн бросился на врага. Он бросился сзади, прыжком, готовясь всем телом ощутить сопротивление чужих мускулов, и тотчас же ему стало страшно от быстроты, с которой под ним распласталось нечто лишенное плотности и веса. Крейн с отвращением отстранился. Маленький человек — он казался теперь мальчиком лет двенадцати — лежал неподвижно. Крейн ударил ему в лицо электрическим светом карманного фонаря. Это было существо неопределенного возраста, с огромной беззубой челюстью, срезанным лбом и отвислыми ушами идиота. Уродец закрыл глаза и приоткрыл рот; он потерял сознание или притворялся. Крейн связал ему руки шарфом, ноги — резиновым поясом, из платка скрутил кляп. Крейн торопился. Оставалось еще предотвратить крушение товаро-пассажирского «Д», спасти мистера Гульда от

банкротства и завоевать доверие мистера Джиля. Да, если бы не Крейн, акции железной дороги Чикаго — Барлингтон — Квииси немного бы стоили на завтрашней бирже!

На рельсу была насажена обыкновенная лошадиная подкова. Об этом способе Крейн кое-что слышал. Он выдернул подкову и улыбнулся:

— А ведь это приносит счастье...

Начальник станции Аврора был удручен противоречивыми телеграммами и слухами о том, что внезапная поездка мистера Гульда предпринята с целью ревизии.

Перси Гульд поджидал начальника станции в коридоре своего вагона.

— На линии все благополучно?

— Да, сэр.

— Все... совершенно благополучно?

— Сэр, уверяю вас... Конечно, мои недоброжелатели (под мрачным взглядом мистера Гульда начальник станции постепенно терял самообладание)... Я хочу надеяться, сэр, вы не откажетесь убедиться лично...

— Хорошо, на обратном пути. Сейчас я спешу. Благодарю вас.

Начальник станции сошел на перрон, уверенный в том, что его недоброжелатели восторжествовали.

В вагоне дирекции, обставленном с солидной роскошью делового кабинета, старый фермер сидел приблизительно в той же позе, в какой он сидел, в кабинете дирекции.

— Что делать? — сказал Перси Гульд, не глядя на старика.

После долгой паузы старик, не глядя на Гульда, ответил:

— Продвигаться вперед тихим ходом.

Перси Гульд застыл у письменного стола. Поезд отошел от станции Аврора, пересек мост реки Фокс, в девятнадцати километрах от моста стал преодолевать подъем. Ненатуральная тишина вагона сменилась вдруг беспорядочным шумом. Топот ног, возня и голоса в коридоре. Топот ног и у входа искривленное лицо служителя:

— Сэр, человек на ходу вскочил в поезд; он требует...

— Пропустить! — крикнул Перси Гульд.

И в вагон вбежал человек без шляпы, в растегнутом и разорванном автомобильном пальто. Мистер Гульд не узнал этого человека, потому что не имел обыкновения запоминать наружность людей, состоящих у него на службе.

— Злоумышленники?! — крикнул Перси Гульд.

— Да, — сказал человек с выражением непонятого восторга, — злоумышленники!

Он вытащил из кармана пальто обыкновенную лошадиную подкову.

— Подкова!.. — крикнул Перси Гульд. — Вы хотите сказать, что поезд «Д» потерпел крушение?..

— Я хотел сказать, что мы никогда не спим, и поэтому поезд «Д» благополучно приближается к Галесбургу.

И Крейн свободной рукой достал голубую карточку агентства.

— Разрази меня бог! — сказал старый фермер, подымаясь на ноги, — если я хоть что-нибудь понимаю!

Он с любопытством смотрел на голубую карточку.

— Остановите поезд, — сказал Крейн, — у меня в автомобиле лежит негодяй с кляпом во рту. Его могут освободить.

Перси Гульд вдруг застонал, как от нестерпимой физической боли:

— Газетный отчет... газетный отчет... завтра утром... О, нас ничто не может спасти!..

— Остановите поезд, — повторил Крейн и отступил назад потому что из соседнего отделения вагона вышел Сайлас в клетчатом костюме.

— Сэр, — сказал Сайлас, — ввиду того, что сегодня вам уже не понадобятся услуги репортера видной нью-йоркской газеты, я прошу вас и мистера Реджа (поклон в сторону старого фермера) поручить мне дело с газетной заметкой. Она не появится, сэр.

— Этот человек лжет, — закричал Крейн, — он не корреспондент! Он — обманщик, позорящий честь своей организации. Я берусь это доказать...

— Этот человек — опасный дурак, — сказал Сайлас спокойно. — Это не требует доказательств.

— Остановите же поезд!

Крейн бросился к выходу, и в то же мгновение Перси Гульд, шатаясь от страшного возбуждения, вытащил револьвер из кармана.

— Бросьте, Гульд, — сказал Редж, — я сделаю это проще.

Он схватил за нижний конец свою палку с тяжелым костяным набалдашником. Крейн упал головой в коридор.

— А теперь, — сказал Редж, — надо действительно остановить поезд и вытащить у малютки Орчарда кляп из рта. Я буду безутешен, если он задохнется!

— Кроме того, — Редж склонился над бесчувственным Крейном, — я должен как можно скорее выразить достопочтенному Бангсу мое восхищение предприимчивостью его агентов.

* * *

«Буду через час дело исключительной важности точка ждите точка примите немедленно наедине Даниэль».

Эту телеграмму подали одному из дежурных редакторов «Трибуны Чикаго» в три часа ночи. В четыре часа пятнадцать минут Даниэль Сайлас вошел в кабинет дежурного редактора. Редактор в расстегнутом жилете сосал трубку над путаницей рукописей и гранок,

— Что еще случилось, Сайлас?

— Неприятность, дорогой Дженингс, неприятность, — сказал Сайлас, слегка задыхаясь, потому что путь от станции Аврора до «Трибуны Чикаго» он проделал с исключительной быстротой.

— О! — сказал Дженингс, — что же, произошло еще одно крушение?

— Напротив того, дорогой Дженингс, напротив того, ни одного крушения не произошло... Заметка не должна появиться, — сказал Сайлас тихо.

Дженингс отчаянно сморщился.

— Заметка не должна появиться, даже если номер уже сверстан, даже если он уже отпечатан, Дженингс. Она не появится, хотя бы «Трибуне Чикаго» пришлось из-за этого выйти с опозданием, хотя бы «Трибуне Чикаго», впервые со дня ее основания в 1847 году, пришлось сегодня совсем не выйти.

— О-о! — сказал Дженингс, — не думаете ли вы, что имеет дело с копеечным листком, с чем-нибудь вроде «Вечерней почты»?

— Нет, конечно. Я думаю, что человек, заинтересованный в том, чтобы заметка не появилась, может, при случае, купить все пять этажей «Трибуны Чикаго». Пока что нужно купить одного человека, Дженингс. Я уверен, он заплатит втридорога.

— Ну, Даниэль, вы всегда были дерзким мальчишкой, — сказал Дженингс, — подождите меня здесь.

Сайлас сел на диван и мгновенно задремал; он не ложился вторую ночь.

Очнулся Сайлас от легкого удара. Редактор хлопнул его по лбу свернутой в трубку бумагой.

— Заметка не появится. Это было трудно. В доказательство — вот вам корректурный лист.

— Это была прекрасная заметка, — жалобно сказал Сайлас, — лучшая из всего, что я написал в этом роде. Под благородной сухостью слога таится благородное негодование гражданина. Соединенных штатов! Вы только послушайте, Дженнингс...

— Но ведь я...

— Ничего, ничего... Что вам стоит еще раз... за те же деньги. «Исключительная бдительность и самоотверженная работа наших сотрудников позволяют нам значительно опередить другие газеты сообщением о гнусном злодеянии, совершившемся сегодня ночью на линии Чикаго — Барлингтон — Квинси. В двадцати километрах от станции Аврора товаро-пассажирский поезд под литерой “Д” потерпел крушение. Негодяи прибегли к испытанному средству, в частности, применяемому во время войны кавалерий-

скими разъездами для разрушения неприятельского транспорта.

На рельс насаживается обыкновенная лошадиная подкова. Колесо паровоза поворачивает ее боком. Поезд пытается продвинуться дальше, и подкова попадает между рельсом и закраиной на бандаже колеса (при помощи закраины колесо держится в выемке рельса). Крушение в этом случае неизбежно.

Характер повреждений и количество жертв нашему сотруднику, немедленно телеграфировавшему с места катастрофы, пока установить не удалось.

Внимание нашего сотрудника в первую очередь привлекло следующее обстоятельство: непосредственно за злополучным поездом “Д” следовал специальный поезд дирекции железной дороги Чикаго — Барлингтон — Квинси, в котором находились мистер Перси Гульд, товарищ председателя правления дороги, и мистер Вильфрид Редж, но мы полагаем — нет надобности объяснять нашим читателям, кто такой мистер Вильфрид Редж?!

Мистер Гульд, несмотря на испытанное им тяжелое моральное потрясение, любезно согласился на краткое интервью у себя в вагоне.

Мистер Гульд не считает нужным скрывать, что настоящая поездка имела характер обследования и была принята с целью положить конец неблагоприятным для компании слухам. Встретив случайно в помещении Объединенной станции мистера Реджа, мистер Гульд решил воспользоваться представившейся ему возможностью рассеять предубеждение короля железных дорог; он предложил мистеру Реджу экспромтом принять участие в поездке.

Мистер Гульд напоминает теперь, что разговор с мистером Реджем завязался по пути из вестибюля в кабинет дирекции; следовательно, этот разговор мог быть подслушан.

Этот разговор был подслушан!

Злоумышленники, утверждаем мы, не подозревали о том, что их жертвой станет добавочный товаро-пассажирский поезд, не включенный даже в нормальное расписание дороги. Смертельный удар, утверждаем мы, был направлен в

сторону специального поезда дирекции и двух его пассажиров. Мы спрашиваем, мы громко спрашиваем, — кто и для чего это сделал?

Если хочешь найти преступника, — гласит старая судебная поговорка, — найди того, кому было выгодно преступление.

Кому могла понадобиться гибель мистера Реджа — бескорыстного патриота, великого организатора национальной промышленности, примерного христианина, щедрого благотворителя?

— Никому, — скажут нам. — Таких людей нет и не может быть в нашей стране.

— Такие люди есть, — ответим мы нашим читателям. — Увы, — такие люди есть в нашей стране!

Тем, кто не желает трудиться, тем, кто не уважает чужой собственности, всем политическим демагогам и шарлатанам, всем подонкам и отбросам общества — вот кому нужна гибель мистера Реджа!

Мы знаем, что мистер Редж, положивший начало своему состоянию исключительно при помощи редкой энергии и строгой экономии, мистер Редж, образец истинно-американской воздержанности и трудолюбия, — был всегда непримиримым врагом лени, излишеств и политических авантюр.

Мы помним, что во время кровавой железнодорожной стачки 1894 года мистер Редж в первых рядах Ассоциации главноуправляющих железных дорог твердо стал на защиту собственности и порядка.

Замечательно, что те самые люди, которых одиннадцать лет тому назад преступная агитация среди невежественных пульмановских рабочих привела под суд и в тюрьму, — в настоящий момент украшают своим присутствием так называемый “Конгресс индустриалистов”.

Юджин В. Дебс, Вильям Д. Хейвуд, Дж. Ховард, Чарльз Кларк, Д. Келихер — вот имена людей, которым есть за что сводить счеты с мистером Реджем!

Мы неоднократно пытались обратить внимание общества и правительства на то, что в недрах Чикаго открылся

ужасный очаг политической заразы и непоправимого профессионального разложения. Мы предостерегали... к несчастью, события этой ночи оправдывают наихудшие из наших опасений.

Вместе со всеми благомыслящими людьми мы надеемся, что судебные власти проявят энергию и непреклонность, достойные высокой миссии, которая им предстоит.

Наконец, при всем нашем уважении к мистеру Гульду и мистеру Киттингу, мы считаем долгом заметить, что некоторая доля ответственности за катастрофу падает на администрацию, не сумевшую наладить охрану железнодорожного полотна. Мы не удивимся, если сегодняшняя биржа отзовется резким падением акций Компании Чикаго — Барлингтон — Квинси; если общественное мнение Чикаго громко выскажется в пользу перехода дороги в другие, более умелые руки.

Нас осеняет мысль, которую мы едва решаемся высказать... Если бы мистер Редж согласился присоединить ко всем обременяющим его трудам и заботам еще бремя реорганизации этого важного, но запущенного товарного пути, — это была бы новая услуга в ряду неоценимых услуг, оказанных им американскому обществу».

— Я не могу читать этого без волнения, — сказал Сайлас, — и подумать только: эти строки никогда не увидят света!

— Хотел бы я знать, — сказал Дженингс грубо, — какого чорта вы суетесь с вашим проклятым красноречием, не узнав даже толком, произойдет ли ваше крушение? Разве так поступают деловые люди?

— Ах, Дженингс, ведь у Орчарда золотые руки. Все, все было рассчитано... Не крушение, Дженингс, а бонбоньерка!.. Кто мог предвидеть...

Сайлас с внезапным бешенством сжал кулаки.

— А если это даже был риск... А? — Риск?.. — Так ведь стоило того, Дженингс. Подумайте: дожидаться событий; специальный выпуск; двенадцать часов пополудни... Не то, не то... А тут свеженькое, к открытию биржи. Разница в че-

тыре часа. О, выиграть на бирже четыре часа... Кто мог предвидеть...

Сайлас почти что всхлипнул.

— Ладно, — сказал Дженингс, — прощайте, и если вы вздумаете отлынивать от расчета...

— Полноте, Дженингс, кому придет в голову обсчитать одного из пятнадцати редакторов «Трибуны Чикаго»? Я был бы доверчивее, старина, если бы имел столько способов отразить существование моим ближним.

* * *

В то самое время, когда разговор Даниэля Сайласа с редактором Дженингсон подходил к концу, Крейн очнулся на чужой неудобной кровати.

Руки и ноги ослабели; голова была крепко пригвождена к подушке.

— Где я? — спросил Крейн в пространство, почти не питая надежды получить ответ, но пространство ответило:

— В доме начальника станции Аврора.

— Почему? — спросил Крейн, входя во вкус этого разговора.

— Потому что четыре часа тому назад вам раскрыли голову палкой.

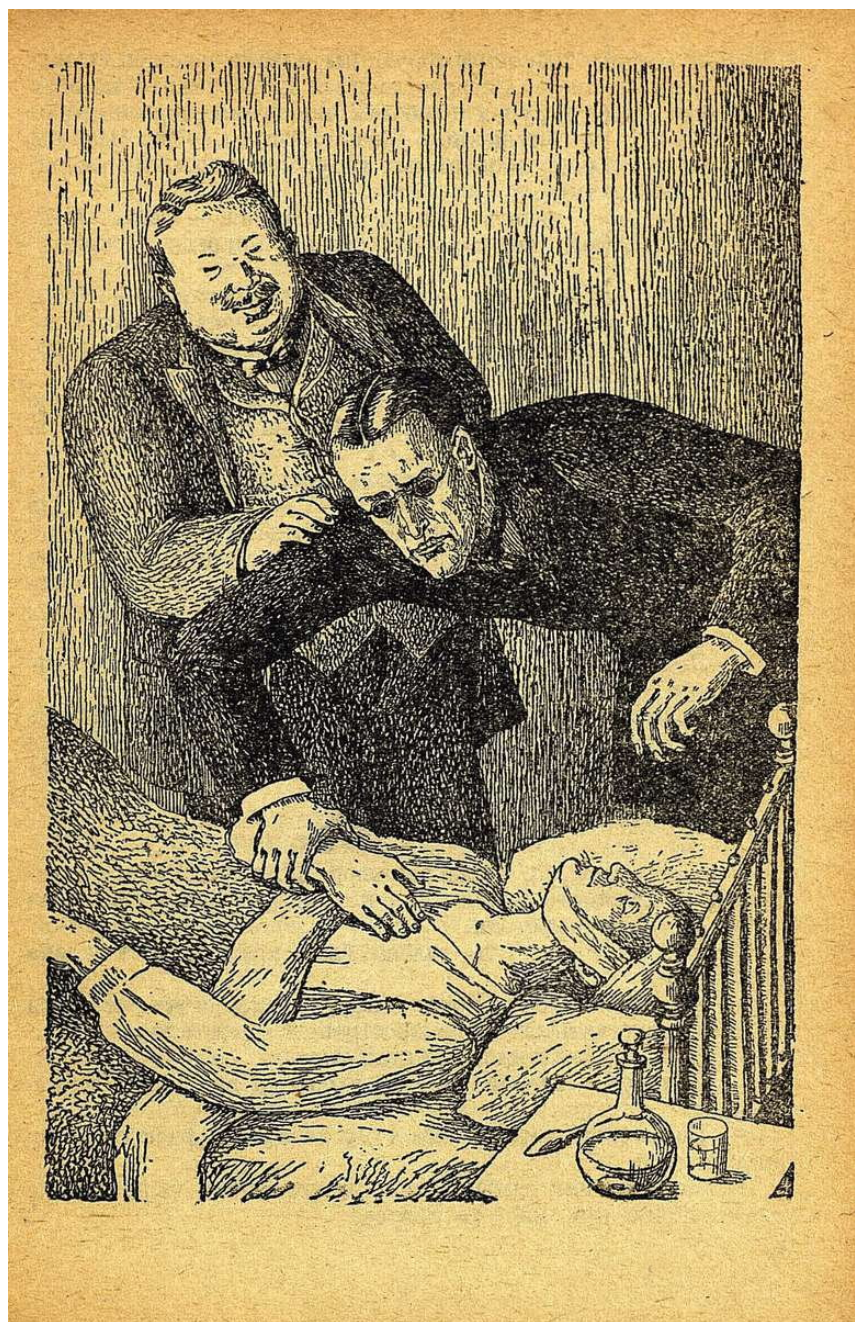
И внезапно над самым своим лицом Крейн увидел опрокинутое вниз лицо мистера Бангса.

— Сэр, я помню смутно, но мне кажется — я исполнил мой долг до конца.

Крейн не мог видеть выражения глаз мистера Бангса, но верхняя губа главноуправляющего злобно приподнялась к носу. Он схватил Крейна за воротник рубашки.

— А, так вы все еще не понимаете, несчастный, вы все еще...

Мистер Бангс дергал и мял воротник. Крейн понимал сейчас меньше, чем когда бы то ни было. Он чувствовал ужас и сильное головокружение.

— Вы испортили дело на полном ходу. Вы... ваше счастье, что вам не удалось довести до конца ваши дурацкие замыслы...

— Сэр, прошу вас... — сказал мистер Джиль, появляясь у плеча мистера Бангса, — смотрите, он весь побелел.

— Мистер Бангс хочет сказать, мой мальчик, — с этими словами Джиль искусно и в то же время почтительно оттеснил мистера Бангса плечом, — что вы напали на ложный след. Вы поставили нашу организацию в тяжелое, я сказал бы, в двусмысленное положение. Правда, испытывая вас, мы сами позволяли вам заблуждаться относительно наших истинных целей, истинных священных обязанностей агента. Бедное дитя, вы были так простодушны... Вы поверили, что эта мощная организация существует ради жалкой кучки профессиональных взломщиков, грабителей или шантажистов!..

— Так значит, — бормотал Крейн, — значит...

— Крейн, молчите. Я мог бы напомнить вам клятву, но я напоминаю только наш разговор. Быть может, настала пора... быть может, в беспощадной борьбе с разрушителями религии, промышленности, семьи вы постараетесь искупить... или, проще говоря, мы постараемся позабыть о вашем поступке... Крейн, не отталкивайте вашу судьбу, потому что только раз в жизни приходит судьба к человеку.

Рядом с мясистым лицом Джиля над Крейном опять наклонилося деревянное лицо мистера Бангса.

— Беспощадное истребление! — прокричал мистер Бангс режущим голосом.

Джиль легко дотронулся до его руки.

— Сэр, оставим это. С вашего разрешения, пациент снова лишился чувств... Осмелюсь заметить, мы, кажется, заставаем мистера Реджа ждать нас четыре минуты лишних. Что касается этого молодого человека, сэр, то я берусь в самом ближайшем будущем довести операцию до конца.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НОМЕР СОРОК ТРИ

«Вы будете обозначены определенным числом и в качестве такового будете известны только нам...»

И з и н с т р у к ц и и.

ГЛАВА I

БОЛЬШОЙ БИЛЛЬ

*Корреспонденция О'Нейла. — Митинг. — Молли. — Гости
старого Гарпера.*

Добыча руды и угля в штате Колорадо производилась тремя большими компаниями. Северные угольные копи в графстве Болдер принадлежали «Северной компании угля и кокса»; на юге обширные залежи в графстве Лос-Анимас разрабатывались компанией «Виктор» и «Колорадской компанией топлива и железа», владевшей также плавильными, стальными и литейными заводами в городах Пуэбло и Колорадо.

«Компания топлива и железа» принадлежала Северной тихоокеанской дороге, принадлежавшей, в сущности, Вильфриду Реджу. Делами компании по выбору Реджа управлял Чарльз О'Нейл. В 1905 году Чарльз О'Нейл достиг сорокапятилетнего возраста, но на вид казался моложе. У него было сухое, ширококостное мускулистое тело; длинное лицо с очень свежей кожей (на левой щеке белый шрам от удара, полученного в юности на поединке); длинные лошадиные зубы.

О'Нейл принимал ежедневно ванну со льдом, скакал на необъезженных лошадях и мог разогнуть подкову, чем гордился. О'Нейл был неутомим в физических упражнениях и в работе, умерен в своих потребностях, лишен прихотей и пристрастий, — всем этим он гордился. О'Нейл никогда в жизни не испытал ни страха, ни жалости, ни раскаяния — и гордился этим. У О'Нейла не было ни друзей, ни семьи, ни даже, в сущности, состояния. Он гордился этим и как наемник стоял у великой машины труда и капитала, наблюдая за правильным ходом.

В Денвере у О'Нейла была небольшая квартира, украшенная набором дорогих гимнастических снарядов. Но директор Компании топлива и железа жил на ходу между Ден-

вером и Крипл-криком, Виктором, Пуэблo и Колорадо.

14 июля 1905 года О'Нейл в своей конторе в городе Вик--торе разбирал утреннюю корреспонденцию. Из всех чувств (очень немногочисленных), какие О'Нейл был способен испытывать, он при разборе корреспонденции испытывал главным образом презрение. Рабочие никогда не писали О'Нейлу и презрение на них не распространялось. Рабочий представлял собой единицу рабочей силы и в этом качестве так же мало подлежал презрению или уважению, как любая цифра или статистический вывод. Рабочие же, променявшие спокойное положение единицы рабочей силы на неверную участь стачечника, члена политической партии или боевого профессионального союза, подлежали уже прямому и быстрому истреблению.

О'Нейл презирал мистера Порджери, президента местного отделения Ассоциации владельцев копей, за глупость и в особенности за жирные щеки и толстый живот. Он презирал губернатора Пибоди за накрашенные усы, за треск и грохот военного великолепия, с которым никогда не расставался этот администратор. Джемса Мак-Парланда, управляющего Денверской областной конторой агентства Пинкертона, О'Нейл публично называл «мечтателем». Епископа Матца О'Нейл презирал, по-видимому, за то, что епископ не занимался гимнастикой.

О'Нейл уважал Вильфрида Реджа. Вежливый директор Компании топлива и железа никоим образом не мог одобрить шейные платки своего патрона, его сапоги, подбитые гвоздями, и его неумеренную веселость. Но Редж, не будучи джентльменом, был гением. О'Нейл, будучи джентльменом, гением не был. Перед очевидностью О'Нейл умел смириться душой — и гордился этим.

14 июля 1905 года самый вид почтовых конвертов был неприятен О'Нейлу. В последние дни они множились на его столе, свидетельствуя о том, что в штате Колорадо великая машина труда и капитала несколько развинтилась и что неблагополучие скрыть уже невозможно. Со всех концов Соединенных штатов на неблагополучие летели конверты.

От секретного бюро Мэрфи

Предупрежденный есть уже вооруженный

«Мы пользуемся репутацией лиц, усовершенствовавших методы разрешения конфликтов между трудом и капиталом. Осуществляя систему “негласного обслуживания”, мы содержим штат специалистов обоего пола по насаждению гармонии в промышленных отношениях.

Мы считаем всякого, допускающего на своем предприятии развитие рабочих забастовок, человеком безнадежно отсталым.

Мы способствуем тому, что рабочие в кратчайший срок осознают единство своих стремлений со стремлениями нанимателя.

Мы гарантируем быстрое уменьшение числа членов союза.

Наш девиз: конструктивность, американизм и истина.

Р. С. В качестве Канзасского агентства и действуя по законам штата Канзас, мы можем в случае надобности поставить, вам вооруженных стражников».

От компании обслуживания корпораций в Чикаго

«Обзор, анализы, услуги,
разрешение рабочей проблемы,
контроль над человеческим материалом,
устранение разрушителей,
увеличение продукции,
специалисты по личному составу,
улучшение промышленности,
предупреждение,
исправление,
конструктивность,
продуктивность».

**От международной вспомогательной компании.
Нью-Йорк**

«Человек, познай самого себя» — это божественная заповедь. Но «человек, познай тех, кому ты вынужден доверяться» — это человеческая мудрость, необходимая для преуспевания в этом мире.

«Дорогой сэръ,

Не желали ли бы вы переодеться в старый костюм, совершенно изменить свою внешность и поработать вместе с вашими служащими, чтобы узнать, что они думают о своей работе и о своем заработке, и тысячу других вещей?

Конечно, вы этого хотите! Каждый администратор, которого мне случалось встречать, хотел именно этого. Ваше желание неосуществимо по той же причине, по которой вам невыгодно самому печатать на машинке ваши письма или лично заниматься счетоводством.

Не отчаивайтесь, однако, — Международная вспомогательная компания спешит вам навстречу...»

О'Нейл нехотя потянул еще письмо из кучи нераспечатанных писем.

— Редж!

Редж, как всегда, писал с орфографическими ошибками, крупным почерком, на плохой бумаге.

Чикаго, 11 июля 1905 г.

«По имеющимся сведениям, дорогой О'Нейл, у вас чертовщина! В ваших местах будет орудовать известный вам

Хейвуд. Я давно присматриваюсь к молодцу и скажу прямо: даст вам десять очков вперед по части выжимания тяжестей. Не сердитесь, старина, потому что вы тоже прекрасно выжимаете тяжести.

Что касается маленького Гульда, то он сорвал с меня безбожную цену (отец его тоже всегда был мошенником и умрет нераскаянным), но зато оставил в дураках всю компанию, — я разумею Компанию Чикаго — Барлингтон — Квинси.

Дело провалилось из-за одного уморительного парня (пинкертоновца), которого Бангс морочил с чрезмерным успехом.

Его дернуло, видите ли, найти записку Орчарда к маленькому Гульду с извещением о часе и месте.

У пинкертоновцев тут была большая игра. После того уже, как я пробил тому парню голову, они хотели разорвать его на куски. Но я им сразу сказал, что люди, вскакивающие в экспресс на ходу (хотя бы и сдуру), — не валяются у меня на улице.

Тогда его отправили к Мак-Парланду практиковаться.

Короче говоря, дружище, на днях он появится в какой-нибудь из ваших шахт или на плавильном. До сих пор вы предпочитали обходиться своими средствами. Но, дорогой О'Нейл, я уверен — вы охотно поступитесь одним из ваших многочисленных предубеждений ради душевного спокойствия вашего старого друга и принципала Вильфрида К. Реджа.

Р. S. Гарри Орчард отправляется туда же на всякий случай».

* * *

На ходу обтирая руки, сбрасывая фартук или спуская рукава рубашки, люди выбегали из цехов плавильного завода, спешили через разборочную, бежали между бочонками, набитыми измельченной рудой. В течение последних двух дней Крейн старательно поступал так, как поступали другие. Он перестал набивать свой бочонок.

— Джефферсон-сквер... Большой Билль... Джефферсон-сквер... В Денвере стачка... — кричали, говорили и шептали вокруг.

От ворот плавильных и металлических заводов по наклону большой улицы города Виктора стекала толпа. Другая толпа поднималась навстречу из поселка горняков. Где-то у сквера толпа, замедляя движение, путалась и плотнела. Сначала Крейн бежал по улице, а другие рабочие бежали впереди, сзади и рядом. Потом бегущие стали все чаще прикасаться к нему плечом или локтем. Потом он уже не бежал; он толкал перед собой чужие пыльные спины, сзади его толкали в спину другие. Это было удобно. Чужие спины, плечи и локти вели Крейна верной дорогой — до решетки, через калитку, в конец сквера, где толпа шевелилась на месте вокруг деревянной эстрады, предназначенной для певиц и куплетистов. На эстраде стоял чистенький человек с очень маленькими темными усиками и в длинном застегнутом пальто. Вероятно, он говорил давно, потому что лица в толпе уже не выражали любопытства.

— ...Не отрицая бойкота как такового, я однако не думаю, чтобы юнионисты имели моральное право уходить из церкви, раз туда вошел не-юнионист или скэб*. Никто не вправе, братья, уходить из церкви, если даже в ней присутствует скэб, вор или убийца... Безнравственно, братья, отказывать в последних почестях покойнику на том основании, что он был скэбом, — а тем более устраивать на похоронах скандал.

Вам внушают: без физического насилия нельзя выиграть стачку. В таком случае, братья и сестры, лучше проиграть стачку, чем выиграть ее, утратив симпатии публики. Кстати, количество стачек, так же как поджогов, убийств и других драматических происшествий, принято сильно преувеличивать. В среднем стачка продолжается двадцать три дня, тогда как предприниматель в среднем ведет свое дело без перерыва в течение тридцати лет. Средняя продолжительность промежутков между локаутами — девяносто семь

* Скэб — штрейкбрехер.

лет, а на тысячу предприятий приходится ежегодно менее двух случаев бойкота. Итак, простой статистический подсчет убеждает нас в том, что нормальное состояние промышленности есть состояние мира. К сожалению, капиталист и рабочий — оба люди со всеми слабостями, присущими человеку, и каждый из них по временам стремится урвать свыше справедливой доли.

Между тем, обогащение капиталиста выгодно для рабочего, так как оно делает капиталиста уступчивым; повышение заработной платы выгодно для капиталиста, так как оно вселяет в рабочего бодрость духа, а бодрость духа, как известно, способствует производительности труда. Вот истина, которую поняли лучшие представители общества, между прочим, епископ Поттер, в свое время публично обратившийся к нашему вождю Самуэлю Гомперсу со словами: «Организуясь для взаимной пользы предпринимателя и рабочего, мы заложим краеугольный камень постройки, которая будет вечной».

Перед лицом разрушительной стачки я спешу вам напомнить, братья, что нами уже заложен камень, о котором епископ Поттер мечтал для рабочего класса. Я имею в виду Национальную федерацию граждан, в которой руководители крупнейших трестов, банков и железных дорог представляют интересы промышленного капитала, лидеры Американской федерации труда — интересы трэд-юнионов, такие особы, как бывший статс-секретарь Чарльз Адамс, архиепископ Айрлэнд, президент Гарвардского колледжа Элиот и другие — интересы всей остальной нации, — разумеется, включая сюда и неорганизованных рабочих.

Неорганизованные рабочие должны были бы предварительно сорганизоваться для того, чтобы прислать собственных делегатов. Включение миллионной массы в ряды трэд-юнионов тем самым приобрело бы насильственный характер, совершенно противный духу свободного американизма. Вот почему Национальная федерация граждан...

— Послушайте! — сказал тощий человек в кепи, появляясь на ступеньке эстрады, — замолчите как можно скорее...

И он шагнул вверх сразу через две ступеньки.

— Я всегда утверждал, — сказал негромко оратор, — что Западная федерация рудокопов пользуется способами борьбы, недопустимыми в цивилизованном обществе.

Оратор застегнул пальто еще на одну пуговицу.

— Ладно, слезайте-ка с вышки.

Тощий человек повернулся, улыбаясь толпе. У него были испорченные, выпяченные вперед вместе с деснами зубы — признак отравления свинцом.

— Гейс! — крикнул кто-то.

— Ребята, Большой Билль будет говорить с вами...

Толпа двинулась вперед, хотя двигаться было некуда. Крейна сняло с места внезапным напором; он провалился куда-то между людьми. Работая коленями, головой, локтями, Крейн поднялся на поверхность. Толпа все еще нервно шумела, а на трибуне, переживая волнение, стоял человек чрезмерно большой, напоминавший слона движениями, размером и тяжестью тела. Он стоял боком, показывая отчетливый профиль бритого, немного грузного лица. Очень светлые, неподходящие к профилю волосы свисали на лоб. Брови, такие же светлые, торчали пучками. На перильцах эстрады лежала большая черная примятая шляпа Большого Билля.

— Братья, — сказал Хейвуд, — и звук всех голосов затих под тяжестью его голоса, — с терпением, удивившим и даже огорчившим меня, вы слушали этого бездельника... Теперь поговорим о серьезных вещах.

Хейвуд повернулся лицом и грудью к толпе, и Крейн со страхом увидел, что лицо это обезображено. Над невидящим левым глазом неподвижно и низко висело мертвое веко.

— Мы собрались в Чикаго, осуществляя волю пятидесяти тысяч рабочих сорока шести различных профессий. Двадцать семь тысяч из них — ваши братья, западные рудокопы. Индустриальные рабочие мира вышли из рудников Колорадо, Идаго и Монтаны. Говорят, мы основали организацию, конкурирующую с Американской федерацией труда. Это неправда, — мы основали рабочую организацию. И

в нашем манифесте стоят слова: «Историческое призвание рабочего класса — уничтожить капитализм».

Мы ушли из Американской федерации труда, потому что ее мирные идеи — это обросшие мхом реликвии времен воловьей упряжи и ремесленных цехов, члены которых владели орудиями производства. В течение девятнадцати лет АФТ неуклонно стремится к разделению рабочего класса. Она разделила рабочих по профессиям, и в ее рядах уже числится профессиональный союз рыболовов, занятых ловлей семги, чьи интересы, по мнению Гомперса, отличаются в корне от интересов рыболовов, занятых ловлей белуги. Она разделила рабочих на обученных и необученных — и союз электрических рабочих заставляет вновь вступающих сдавать экзамен по механике и математике. Разделила нас на получающих высокую заработную плату...

— О, Билль! Это мы знаем... И на получающих низкую плату...

— И на получающих очень низкую плату. Знает ли это союз плотников и столяров, назначивший восемьдесят пять долларов вступительного взноса?! Остается добавить, что Американская федерация труда разделила рабочих на американцев и иммигрантов, на иммигрантов натурализовавшихся и иммигрантов, не имеющих прав гражданства; на мужчин и женщин, — и союз парикмахеров не принимает женщин в число своих членов; на белых, черных и желтых, — и почти все союзы закрыты для китайцев и негров. Все существующие на земле способы разделения людей знакомы этой удивительной Федерации и ею использованы.

Во главе АФТ бессленно стоит Сэмми-Жаба. Самуэль Гомперс — сигарочник, заседающий в комиссиях и проповедующий в церквях, получающий двенадцать тысяч долларов в год в качестве президента Американской федерации труда и шесть тысяч долларов в качестве вице-президента Национальной федерации граждан, где толкуют о том, что «рабочие союзы существуют для рабочего, но не против кого бы то ни было».

Я никогда не пойму, почему этот субъект с рыбьим ртом и плешинками на голове, смахивающий на больного стри-

гущим лишаем младенца, — почему этот низкорослый экземпляр человеческого рода считает себя подходящим вождем для ребят с Запада, пролетариев с красной кровью, из которых каждый без труда может прихлопнуть его на месте!

— Эге, Биль! Отчего ты не сделал этого?

— Очень возможно, ребята, что я это сделаю... «Я не хотел бы, — сказал Гомперс недавно, — чтобы у нас приучились играть правами предпринимателя». Напротив того, он хотел бы увидеть представителей капиталистов и рабочих, мирно встретившихся вокруг стола для обсуждения общих интересов.

Рабочие города Виктора! Не играйте правами Вильфрида Реджа! Ступайте, садитесь с Реджем за стол потолковать о нем о хлебе и мире. Идите, на этом столе вас ждет блюдо для безработных, о котором писала одна промышленная газета: «Блюдо из свинца, способное удовлетворить даже самый прожорливый аппетит».

Левой рукой Хейвуд откинул со лба светлые волосы, и Крейн увидел, что у него на левой руке между мизинцем и средним пальцем — короткий обрубок.

— Я кончаю. Я нахожусь здесь не для того, чтобы говорить о правах хозяев. Я пришел вам сказать... Рабочие плавильного завода «Стандарт» в городе Денвере и завода Глоб и Грант в городе Колорадо только что предпочли голод и стачку голодной заработной плате при двенадцатичасовой работе у горящих печей. Для Западной федерации рудокопов каждая стачка — этап в смертельной борьбе с эксплуататорами. Западная федерация рудокопов знает, что два плавильных завода не могут выиграть стачку! Западная федерация призывает плавильные заводы округа Крипл-крик прекратить работу; рудокопов — прекратить доставку руды Плавильному тресту; углекопов — прекратить доставку угля Северной тихоокеанской дороге, родной сестре Плавильного треста!..

— Слушайте! Слушайте! Правильно!

— Нет! Нет! Как же это, брат Хейвуд, всем нарушать контракт из-за двух заводов?

Голос высоко поднялся из толпы и просвистел над головами как камень, который метнули в трибуну.

— Молчите, — Хейвуд взмахнул кулаками, — замолчите! Потому что человек, который сказал это, — скэб... Не больше, чем грязный скэб... с билетом юниониста. Это Американская федерация труда придумала соглашения, заключаемые для каждого цеха и каждой местности на разные сроки. Это она воспитала удивительное чудовище — организованного штрейкбрехера, поклоняющегося контракту, как богу.

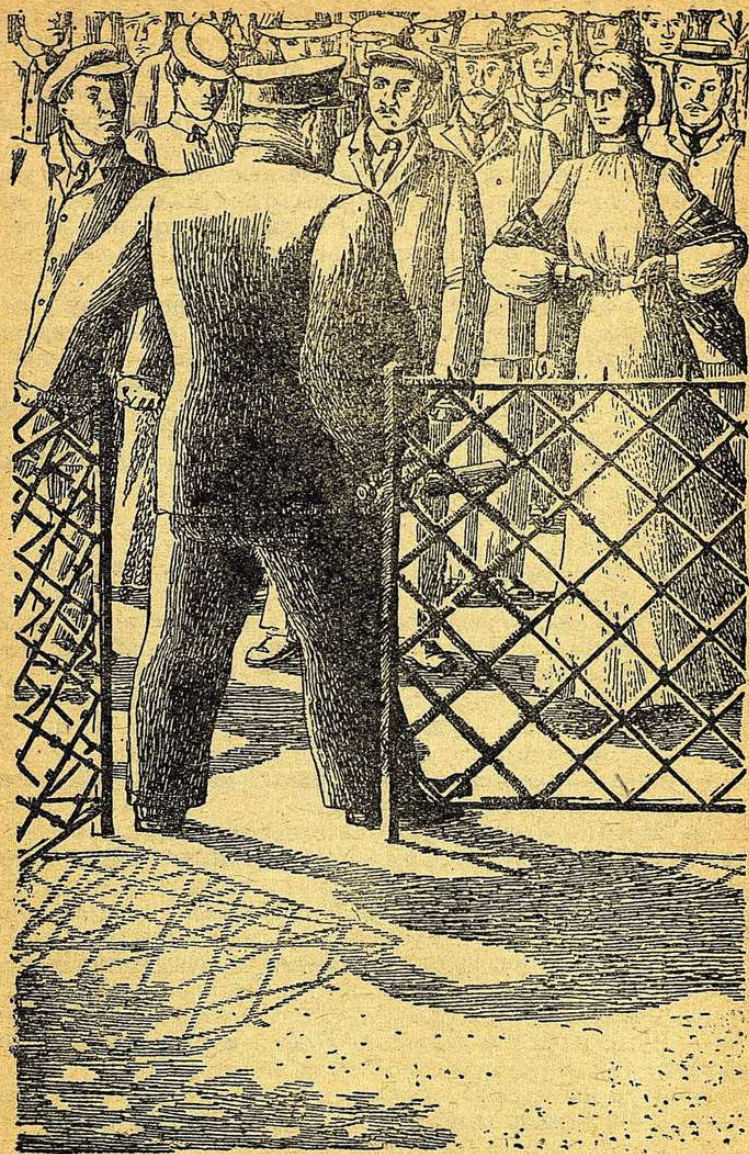
Бастуют машинисты, но в том же предприятии работают организованные котельщики. Бастуют на постройке плотники, но организованные каменщики уважают святость своих контрактов. Грузчики пытаются остановить всю работу в доках, но члены союза моряков обслуживают суда, которые погрузили скэбы. Железнодорожники перевозят уголь, добытый скэбами в угольных копиях. Скэбы добывают руду для наших металлических заводов...

Братья, жертвы, которые здесь готовятся, будут напрасными жертвами, покуда вы не поймете, что дело союза плавильных рабочих № 125 — это дело рабочих всех плавильных заводов, дело рудокопов и углекопов, машинистов и кочегаров, текстильщиков и металлистов, — дело рабочих округа Крипл-крик, рабочих штата Колорадо, рабочих Соединенных штатов Америки, промышленных рабочих всего мира!..

* * *

Крейн продвигался к выходу. Доступ в Джефферсонсквер, по-видимому, решено было прекратить. Вдоль решетки уже стояли и двигались люди с дубинками. Запоздавшие рабочие толпились на дороге. Надсмотрщик тучным телом заполнил калитку.

Девушка в узком синем платье, высокая, очень худая и загорелая, вышла из толпы.

— Пропустите! — сказала девушка зло.

Надсмотрщик покачивался в проходе, то одним, то другим жирным плечом прижимаясь к краю решетки.

— Пропустите, — повторила девушка и сжала руками пояс, — вы не смеете...

Надсмотрщик, не отвечая, улыбался толстыми губами. Крейн подошел совсем близко. Крейн допускал, что можно предать или убить, но оскорблять женщину нельзя было ни при каких обстоятельствах. От омерзения к улыбке надсмотрщика руки у него сжимались в такт рукам девушки в синем платье. Она шла прямо, как будто хотела не останавливаясь пройти сквозь человеческую тушу, ставшую на дороге. Надсмотрщик перестал улыбаться, и его лицо без улыбки оказалось так страшно, что Крейн вдруг закричал. Он крикнул, как на улице невольно кричат прохожему, которого сейчас раздавит автомобиль.

— Молли!.. Молли!.. — позвал кто-то в толпе, но она уже подошла. Не улыбаясь, надсмотрщик отвел назад руку с короткой резиновой дубинкой. Люди с дороги рванулись вперед. Но Крейн стоял уже рядом; Крейну казалось, что сейчас он умрет от раздиравшего его бешенства.

Он раз и второй раз ударил в толстое лицо. Сразу стало легче и сразу Крейна сильно толкнуло в грудь; он качнулся. Сзади кто-то подхватил его за локти. Крейн неясно видел, как люди бежали навстречу друг другу и смешивались у решетки. Кто-то тащил Крейна, прижимая к груди его спину. Ноги Крейна нелепо волочились сбоку по пыльной траве.

Сквер опустел. Прислонясь к дереву, Крейн сидел на земле; над ним стоял белокурый смеющийся парень.

— Ну что, прошло?

— Проходит.

От удара в грудь Крейна тошнило; он с трудом поднялся и стоял, сплевывая слюну.

— Послушай, второй удар в скулу — прелесть! Тот закачался, как травка. Они улизнули сразу, потому что мы мчались не хуже чертей. Ты откуда?

— Из Иллинойса. Там безработица. Теперь я сортировщиком на Плавильном. Меня зовут Джеральд Крейн. Я никого здесь не знаю.

— Ничего, я — Джим, Джим Хорти, откатчик с третьего рудника. Пойдем к нашим, пойдем.

— Зачем? — сказал Крейн, — я чужой человек.

— Молчи! Ты!.. После того, что ты сделал!.. Знаешь, ты можешь у меня ночевать.

— Спасибо, — сказал Крейн, и они пошли по дороге к поселку.

— Ну вот, ты теперь будешь с нами, — решительно сказал Джим.

— С вами... с кем?

— Ну, с нами... с теми, кто хочет... всему положить конец... ты увидишь..

— Куда мы идем?

— К Гарперу, к старику. Ты познакомишься с Молли.

— Молли... она будет у Гарпера?

— Где же ей быть? Мать у нее умерла. Старый Джо взял ее к себе давно, когда отца и двух братьев у нее убило в шахте. А знаешь, ведь она — образованная.

— Вот что! — сказал Крейн.

— Конечно. Она училась в Денвере в школе. И еще Молли — ремингтонистка и стенографистка и все такое, и всякое там счетоводство... Право, в Денвере ей дали бы восемнадцать долларов в неделю. Но она, видишь ли, не хочет бросить старика и... и других.

— А! — сказал Крейн.

— Да, старик совсем плох. Она присматривает за ним и за домом. И берется за плату шить и стирать и переписывать. Это, видишь ли, трудная жизнь. Только никто не смеет ее жалеть, — она дьявольски горда, Молли.

— Она славная девушка, — начал Крейн, — я очень рад...

— А знаешь, признаться, сначала я думал, что ты тоже образованный человек — мастер или конторщик.

— Что ж, — сказал Крейн, — я тоже учился в школе... Ты видишь сам — не всякий получает от жизни то, на что он рассчитывает.

Джим первый вошел в узкую переднюю дома старого Гарпера.

— Молли!..

В синем платье, подвязанная коротким холщовым передником, Молли возилась в отгороженном углу, заменявшем кладовую. Она выпрямилась, сняла с крючка маленькую керосиновую лампу и улыбнулась Джиму.

— Молли, смотри, я привел человека, который за тебя заст... — Джим вовремя вспомнил о том, что Молли дьявольски горда.

Молли стояла очень прямо. Лампа бледно горела у нее в руках. Молли внимательно и равнодушно смотрела на Крейна. Коротким движением бровей она показала, что ей очень жаль, но что она не может одобрить этого человека.

— Если б не вы, он бы меня непременно ударил, — сказала Молли спокойно. — Благодарю вас.

Крейн поклонился молча, с вежливостью, ужаснувшей Джима Хорти, которому в этот вечер хотелось душевной теплоты.

— Крейн, тут что-то не то... Послушай... да ты не знаешь самого главного. Молли — представь себе! — моя невеста. И мы поженимся, когда пройдет тяжелое время. Сейчас ведь никто не думает о себе. Молли, правда?

— Сейчас много дела, — сказала Молли сурово, и Крейн понял, что ее слова обращены к Джиму, а ее суровость к нему.

Гости старого Гарпера, как всегда, сидели у очага на табуретах и опрокинутых ящиках. Они собирались здесь раз или два в неделю; много курили, пили пиво из больших кружек, с усилием жевали соленые сухари.

Старый Гарпер, как женщина, кутался в темную шаль; его мучили кашель и лихорадка. Он сидел, как всегда, в покосившемся кресле, так близко придвинутом к очагу, что, казалось, Гарпер собирается сунуть в огонь худые согнутые колени и локти и обросший выдвинутый вперед подбородок.

Старый Гарпер сердился. Он находил, что его гости и Молли и Джим очень молоды и что это небезопасно. Он был ревностным «объединенным горнорабочим»*. В свое время он участвовал в стачках. Самуэль Гомперс — патриарх — два раза лично беседовал с ним о целях и судьбах рабочего класса, и от обильных и красноречивых слов патриарха у старого Гарпера остались простые формулы:

Хорошая заработная плата за хороший рабочий день.

Тредюнионы не занимаются политикой.

Немцы мечтают о социализме, а свободный американец добивается восьмичасового рабочего дня.

«Ай Даблю-Даблю» — веселое сочетание звуков с некоторых пор беспокоило Гарпера. Слова — прямое действие, солидарность, саботаж особенно беспокоили Гарпера с тех пор, как их научились произносить его гости и Молли и Джим.

Беспорядок производили люди, грубо смеявшиеся над цеховыми объединениями, хотя для Гарпера было ясно, что у рудокопов не может быть общих интересов с текстильщиками, пекарями или парикмахерами; люди, считавшие, что потомственный квалифицированный рабочий, американский гражданин, владеющий домиком и огородом, имеет общие интересы с чернорабочими, иммигрантами, неграми и бродягами.

Беспорядок производил Вильям Хейвуд. Но Билль Хейвуд работал откатчиком у старого Гарпера, когда старый Гарпер был молод и считался лучшим забойщиком графства Гумбольт в штате Невада. Теперь, когда Билль разъезжал по стране и говорил публично в Чикаго, когда его бранили в газетах, хотелось, несмотря ни на что, гордиться Биллем.

— Билль Хейвуд... только и слышишь нынче: Билль Хейвуд, а кто, как не я, двадцать лет знает вашего Билля Хейвуда.. Еще его отчим — пробирер** выписал парня к нам на

* Объединенные горнорабочие — один из крупнейших союзов Американской федерации труда.

** Обязанность пробирера состоит в том, чтобы тут же в копи определять качество образчиков руды.

рудник. Билль приехал и привез в сундучке все необходимое снаряжение: штаны, фуфайку, синюю рубашку, сапоги, два одеяла, ящик с шахматами и перчатки для бокса. Не кто другой, как я, учил его пить виски и обращаться, с лампой и кайлом. Ну, потом обычное дело — взрыв! Многих в тот раз изувечило, а Билль потерял глаз и палец. Пятнадцати лет он был очень хорош собой и ростом с двадцатилетнего. Он не любил вспоминать о своем несчастье... и когда разговаривал с кем-нибудь, особенно с девушками, старался всегда повернуться здоровым боком. От нас Билль ушел в Бруклинские копи. На руднике Блейн в Сильвер-Сити я встретил его уже членом бюро проклятых Западных рудокопов. Синюю рубашку он носил по-старому, но кепи забросил, а купил себе галстук и черную шляпу...

В дверь просунулся Гейс, худой человек с испорченными зубами.

— Алло, Гарпер, я привел к вам Большого Билля.

Гейс посторонился. Крейн со своего места (рядом с Джимом на опрокинутом ящике) следил, от любопытства вытянув шею.

Осторожно переставляя ноги, Хейвуд двигался между людьми и предметами. Хейвуду в комнате было трудно и все, что он делал в комнате, производило впечатление фокуса. На трибуне он. походил на слона; сейчас он походил на слона, берущего хоботом маленькую монету.

— Здравствуй, Джо; давно не видались, старик.

Голос был очень тихий, не имевший почти ничего общего с голосом Вильяма Д. Хейвуда на трибуне.

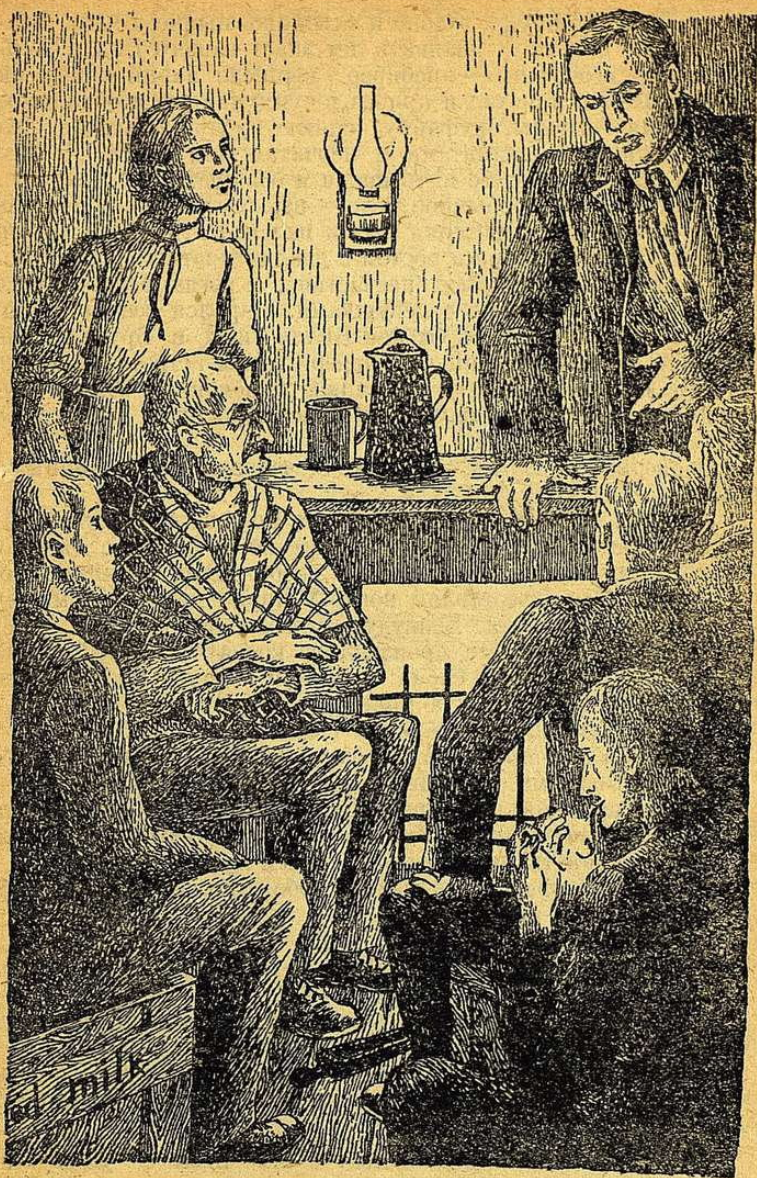
Кто-то придвинул табурет. Хейвуд сел у очага. Он сидел, улыбаясь, круто пригнув голову к левому плечу, чтобы удобнее рассматривать соседа единственным правым глазом.

— Ребята спрашивали меня о тебе, Билль, — сказал Гарпер.

— И что же?

— Я сказал им: хорош был парень Билль Хейвуд, — жаль, что попал в дурную компанию.

— А! — Хейвуд перестал улыбаться. — Ты-то, старик, все еще доволен компанией Сэма Гомперса?

— Да, да, — крикнул Гарпер, — и никто не может сказать, что Джо Гарпер знается с неграми, бродягами и итальянцами!

— Это старая история, Джо... Мы, американцы, медленно учимся понимать, потому что лидеры нас продают, а хозяева нас покупают подачками. Я долго учился в ужасных Бруклинских копиях, учился потом, пересекая страну с безработными «генерала» Кокси. Ты это знаешь. Джо... Голодные люди с Юга и Запада пешком, в товарных поездах, небывалым шествием двинулись на Вашингтон просить помощь или работы у джентльменов, заседающих в Капитолии. Их вели Кокси и Келли — «генералы». По дороге люди болели и попадали в больницу, крали и попадали в тюрьму... В Калифорнии городской судья застрелил предводителя отряда. Я расстался с ними в Уэдсворте. Немногие прошли страшный путь до конца, чтобы принести петицию на лестницах Капитолия. Там их разогнала полиция, а Кокси, Браун и Джонс были избиты и арестованы за нарушение обязательного постановления, воспрещающего в пределах Капитолия ходить по траве...

— Так, — сказал Гарпер и сердито сунул в огонь длинный подбородок, — и ты нашел истину в свином вагоне генерала Кокси?

— Не совсем так. Мне кажется, Джо, я нашел истину — в Кэр д'Алене.

Молодой рудокоп сказал:

— Расскажите о Кэр д'Алене, брат Хейвуд.

— В Кэр д'Алене, ребята, Компании Бэнкер-Хилл и Сьюливан принадлежал рудник «Последний шанс». Вокруг этого рудника было выжжено все до последней травки. Кошки и собаки дохли. Одежда рассыпалась от действия газов. Горняки дышали медью, ели медь, одевались в медь. У людей, отравленных медью и серой, выпадали волосы, синело лицо и зубы выпячивались вперед.

— А Компания? Компания бездействовала, брат Хейвуд?

— Нет. У каждого из получки она предусмотрительно удерживала деньги на больницу. Клянусь богом! Еще лучше было бы удерживать деньги на могилу, потому что гор-

няцкое кладбище — город мертвых, быстро перерастал город живых.

В девяносто девятом Компания Бэнкер-Хилл и Сюлливан объявила о снижении заработной платы на руднике «Последний шанс» и отказалась вести переговоры. После этого плавильный завод компании взлетел на воздух, впрочем, без человеческих жертв. Опытный убийца, губернатор Франк Стейненберг, — он живет теперь на покое в Идаго, — вызвал федеральные войска. По первому требованию губернатора было арестовано тысяча двести рабочих. Десяти предъявили по несколько обвинений, из них виселицу обеспечивало любое.

Старый Гарпер внимательно смотрел в огонь, потому что он не хотел видеть лица своих гостей, слушавших историю Кэр д'Алена.

— Мы с Джоном Вильямсом поехали туда от Федерации рудокопов. Я бродил вокруг отвратительной тюрьмы, где людей одолевали вши и болезни; я думал о том, что эти люди и я — одно и то же. Мы сделали рудники. Каждый фунт руды, добытый когда-либо, был добыт нами. Запад принадлежал нам. «Вред, нанесенный одному, есть вред, нанесенный всем», — это я понял тогда.

Голова Хейвуда двигалась напряженно. Он обводил взглядом людей, полукругом сидевших на ящиках и табуретах.

— Братья, стачка здесь будет, и вам будет трудно. Слишком много дурных вождей и обманутых ими эгоистов. Правда?

— Правда! — неожиданно для себя громко сказала Молли.

Хейвуд с исключительными предосторожностями дотронулся до ее руки.

— Как ваше имя?

— Молли, сэр.

— О, это хорошее имя. Вы слышали о «Молли Магьюр»?

— О, да!

Хейвуд встал.

— Прощайте. Джо, прощай. Помни, — тебе здесь верят.

Он обернулся у двери и крикнул голосом сильным, как на трибуне:

— Одумайся, Джо, пока не случилась беда!

ГЛАВА II

БЕССОННАЯ НОЧЬ

Мак-Парланд. — Инструкция. — На мосту. — Джим.

Гости старого Гарпера расходились. Крейн с Джимом вышли последними. У самой калитки под фонарем локоть Крейна сжала грубая рука.

— Э! Вас-то я и ищущу! — Человек в больших сапогах, в коротком резиновом плаще держал Крейна за локоть.

— Надсмотрщик, — тихо сказал Джим, — это все из-за Молли...

Мужчина в больших сапогах посмотрел на Джима.

— Что касается вас, парнишка, то не лучше ли вам отправляться своей дорогой, а?

— Я буду ждать, — сказал Джим, — мы еще поговорим, мы поговорим с ними, если тебя не отпустят.

Надсмотрщик впереди покачивал тусклым ручным фонарем. Крейн шел за надсмотрщиком. Поставив в Чикаго свою организацию в двусмысленное положение, Крейн в Колорадо сразу оказал содействие нарушителям законности и порядка.

Вид запущенного деревянного здания заводской конторы, казалось, не оставлял места просьбам и оправданиям. Небольшая комната в конце пустынного, дурно освещенного коридора. Два стола, испачканных клеем и чернилами, конторка с высоким табуретом; клеенчатый канцелярский диван — из тех диванов, на которых мухи сидят охотнее, чем люди.

Спиной к двери человек в мягкой шляпе читал письмо. Когда скрипучая дверь наконец затворилась, человек, кото-

рый должен был покарать Крейна именем Колорадской компании топлива и железа, обернулся и положил шляпу на стол.

Крейн прислонился к стенке, не доверяя внезапно ослабевшим ногам. Прямо перед собой он увидел круглые очки, большие бритые щеки и замечательные усы любимого ученика Ната Пинкертона. Впрочем, знаменитый сыщик до известной степени отличался от своего портрета: широкие плечи слегка сутулились, бритые щеки слегка обвисли, прямой рот чуть заметно впал под усами. Знаменитый сыщик был стар и не хотел в этом признаться.

— Ну, — сказал Мак-Парланд, — я не имею обыкновения говорить людям приятное, но — что хорошо, то хорошо. К концу вашего первого рабочего дня вы приобрели репутацию мученика. Я доволен. Всякий знает, что Мак-Парланд редко бывает доволен.

Крейн скромно поклонился.

— Теперь вы скажете им... Ну-ка, что вы им скажете?

— Сэр, я скажу, что в конторе на меня страшно кричали и грозили расправиться при первом удобном случае.

— Дальше!

— Я скажу, — Крейн задумался на минуту, — что надсмотрщик, как видно, поторопился с дубинкой. Это пока не входило в расчеты... Поэтому меня отпустили...

Мак-Парланд кивнул.

— Очень возможно, что я сделаю из вас человека. В Чикаго вы зажирели бы, как другие. Они там жиреют со дня смерти принцепала в 1884 году. Конечно, микрохимическая лаборатория способствует успеху наших железнодорожных операций; конечно, нам необходима галерея преступников, составленная преимущественно из более или менее удачных фотографий наших агентов... Я не шучу. Музей Ната Пинкертона — самое дельное из всего, что можно увидеть в Чикагской областной конторе. Вывеска нужна в каждом деле. Наша вывеска находится в Чикаго, а дело — в Пенсильвании, Виргинии или Колорадо. Это — особенность фирмы. Вы хорошо начали. Это обязывает. Не позже, чем

через две недели, я хотел бы вас видеть секретарем местного союза.

— Но, сэр...

— Не собираетесь ли вы возражать? Бесполезно! Все люди, когда-либо возражавшие Мак-Парланду, успели в этом раскаяться. Запомните, — наши агенты на посту секретарей и председателей местных союзов, членов стачечных комитетов, руководителей рабочих банков и делегатов на профессиональные конференции — явление самое заурядное. На днях в Западной Виргинии умер № 9, прослуживший у нас двадцать два года. Союз металлистов хоронил его с музыкой и назначил пенсию вдове. Этой женщине решительно повезло, потому что она, кроме того, получает пенсию от агентства.

— Сэр...

— Вы хотите заговорить? Это в высшей степени бесполезно, — потому что Мак-Парланд не признает возражений и не отвечает на вопросы.

Мак-Парланд встал.

— Теперь вы — № 43. Здесь предстоят большие дела. Здесь предстоят дела, которых я жду тридцать лет... со времени «Молли». Меня здесь забыли, — Мак-Парланд улыбнулся впалым ртом. — Пора, пора кое-кому вспомнить старого Мак-Парланда...

Мак-Парланд положил на стол сложенный вчетверо лист.

— Прежде чем выйти отсюда, вы прочтете эту инструкцию. В ней есть все, что вам нужно знать, за исключением самого главного. Самое главное говорю вам я — человек, пославший девять «Молли» на виселицу и четырнадцать в долгосрочную каторгу... Помните: рабочие организации преступны по своей природе! По своей природе... — повторил Мак-Парланд и вышел из комнаты.

Крейн покорно приступил к чтению сложенного вчетверо листа.

Краткая секретная инструкция

«Мы никогда не спим»

Вы, как наш сотрудник, именуется «представителем». Вы будете обозначены определенным числом и в качестве такового известны только нам; этим же числом вы должны подписывать счета, доклады, донесения, а также всякие документы, кроме телеграмм.

Вам будет дан номер одного из наших многочисленных почтовых ящиков. Вы в свою очередь берете на почте ящик для получения наших инструкций. Тщательно ознакомившись с содержанием этих инструкций, вы должны немедленно отсылать их обратно в обыкновенном конверте. Вы ничего не должны ни удерживать, ни хранить у себя более двенадцати часов.

Если в той местности, где вы работаете, менее пятидесяти тысяч населения, вы не должны ни при каких обстоятельствах пользоваться телефоном. Точно также правила агентства строжайше воспрещают печатать письма на машинке, так как это может привлечь нежелательное внимание.

Владелец или управляющий фабрикой известен обычно под именем *клиента*. Очень часто клиент знает только номер представителя, услуги которого он оплачивает. Вообще мы предпочитаем, чтобы наши агенты доставали работу через контору завода, как все другие рабочие. Только если усилия агента окажутся бесплодными, агентство бывает вынуждено обратить внимание клиента на ту или иную кандидатуру.

Вы получаете от нас восемнадцать долларов в неделю, сверх того клиент оплачивает ваше содержание и деловые расходы, что, при разумной экономии, дает вам возможность сохранить ваше жалование целиком. Заработная плата, получаемая вами на заводе, остается на руках у клиента. Тем не менее вы обязаны работать на заводе, в руднике или шахте так же прилежно, как все другие рабочие, и даже прилежнее других.

Ваша главная обязанность — *ежедневный отчет агента*. Он составляется примерно по следующей схеме:

- Вы начали работу в часов; кончили в часов.
- Вы завтракали с часов до часов.
- Кого вы встретили, когда шли на работу?

— Укажите имена, номера рабочих и номера их машин.
— Что он (или она) вам сказал?
— Что вы ответили?
— С кем вы разговаривали в предобеденные часы?
— Укажите подробности каждого отдельного разговора.
— Отметьте, не отходят ли рабочие от машин до гудка?
— Укажите имена и номера машин недовольных рабочих и изложите причины их недовольства.

— Укажите имена и номера машин пьяниц, бездельников, организаторов, агитаторов и нелояльных людей, которые занимают рабочих вопросом или интересуются анархизмом, индустриализмом, социализмом или какими-нибудь иными словами, оканчивающимися на «изм».

Ежедневный отчет должен дать помощнику заведующего полную картину жизни агента. Помощник заведующего должен знать, когда вы кончили работу, когда ужинали, провели ли вечер с пользой для дела, когда вернулись домой, сколько издержали денег и для чего.

Лучший способ не выделяться среди других — это приносить свой завтрак в корзиночке и завтракать, присоединившись к какой-нибудь группе рабочих.

Рекомендуется время от времени посещать кафе и салуны*, угощать, но в скромных размерах, а также принимать угощение. Не будьте щедрым, но не проявляйте скупости. Если только это может вызвать на откровенность, — не жалейте денег на выпивку. Занимайте официальные места и держитесь поближе к лидерам.

Все, что вы делаете, делайте просто и естественно.

Пустыми, светлыми от луны улицами Крейн спустился к реке. Над самой рекой город, совсем уже не похожий на город, обрывался последними нищими домами. По отлогому скату стлалась затоптанная трава. В домах не было света, в воздухе не было ни звука ни движения. Отражение луны так спокойно лежало на темной воде, что казалось — вода стоит неподвижно. Крейн с моста смотрел, как лунная полоса быстро мигает множеством огненных пятен. Тонкие

* Салуны — дешевые трактиры.

доски качнулись и закрипели, будто под непосильной тяжестью. На мост поднимался человек.

«Хейвуд! Скорее уйти»!

Но Хейвуд уже смотрел Крейну в лицо, освещенное луной.

— Я вас видел у Гарпера.

Огромной мягкой рукой он притянул Крейна, и Крейн с удивлением почувствовал себя маленьким и очень легким. Он стоял перед Хейвудом, как мальчик, который, разговаривая с мужчиной, смотрит собеседнику в жилет. Он невольно следил, как извилистая полоска галстука сбегает вниз по синей рубашке.

Хейвуд был без шляпы, так же, как утром на трибуне. Прямые волосы, слегка спутанные ветром, так же свисали на высокий лоб. Не было только утреннего жестокого напряжения, от которого твердело лицо. Он казался теперь взволнованным и утомленным; он был доволен, что в бессонную ночь его рука легла на плечо младшего брата.

— Будем бастовать, мальчик?

Крейн наклонил голову.

— Стачка будет из самых долгих, вероятно, из самых кровавых... У тебя есть семья?

Крейн покачал головой.

— В такие дни хорошо быть одиноким. Ты видел когда-нибудь настоящую стачку?

— Нет.

— Так вот, ты увидишь, как люди со своими детьми и пожитками будут жить на большой дороге, потому что О'Нейл выгонит их из домов, принадлежащих Компании... как семья из шести-семи человек будет получать на неделю паек стачечного комитета: десять фунтов плохой муки, восемь фунтов молотого маиса, фунт кофе, фунт риса и полфунта бобов — и ничего лишнего для детей. Двадцать лет подряд я участвую в стачках, и я понял, — нельзя привыкнуть к тому, что умирают дети.

Рука на плече Крейна задрожала и стала тяжелой.

— Все равно. Ни одного шага назад. Если мы ослабеем, нас разорвут. Ты понял?

Крейн молчал. Он знал, что нужно заговорить, и от страха он неосторожно молчал. Страх рос и уже почти ничем не отличался от ненависти. «Можно, например, вытащить револьвер и застрелить Хейвуда сразу... Все равно, пока Хейвуд жив — отвратительный страх никогда не оставит Крейна».

— Здесь слишком много стариков. Я беспокоен. Слишком многие здесь слушали Сэма Гомперса. Теперь у них гнилые сердца... Вот у Джо я видел славную девушку... О! — Хейвуд вдруг рассмеялся, — будь я проклят, если она не твоя невеста!

— Вовсе нет, — сказал Крейн сердито; — она невеста Джима.

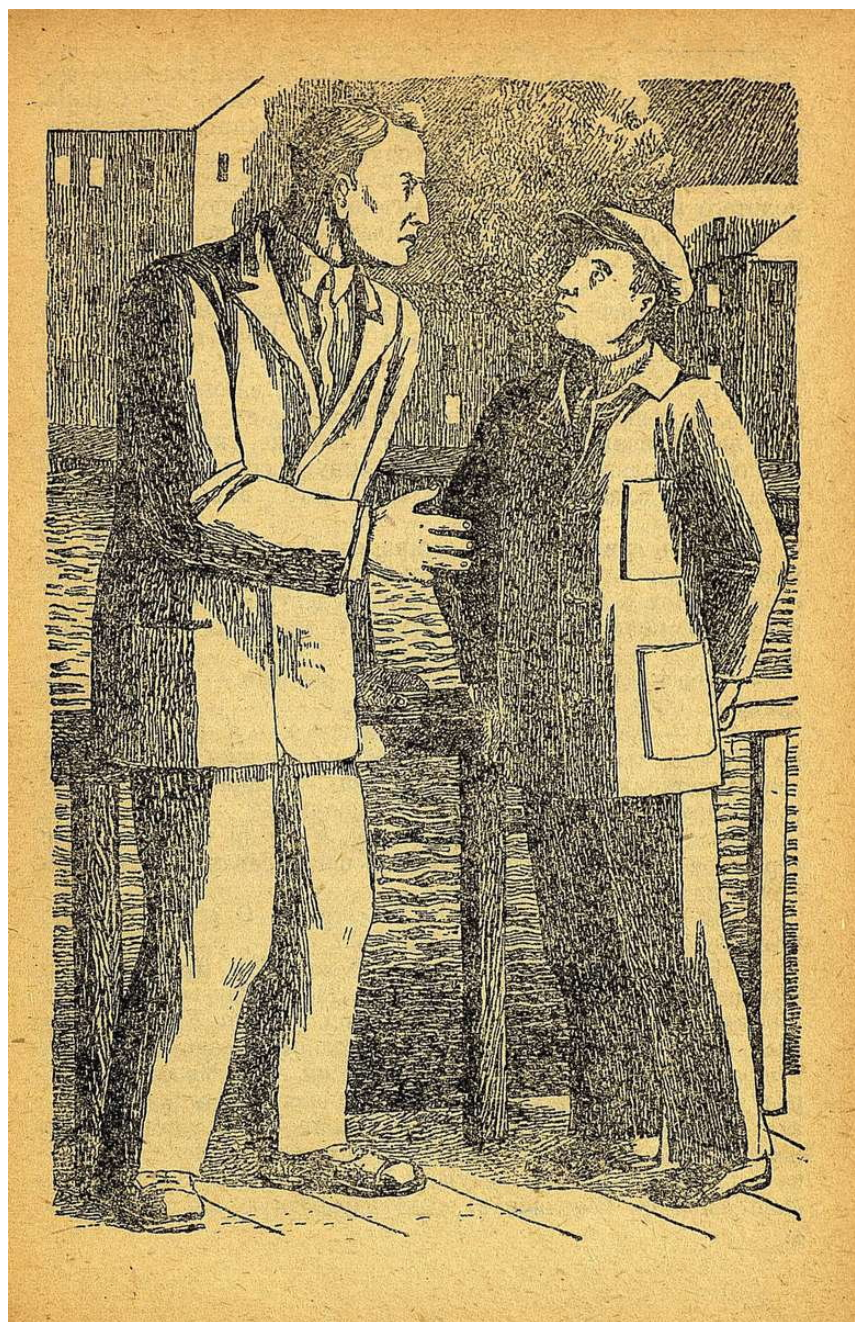
— А! — сказал разочарованно Хейвуд, — я не знаю Джима. Ничего, ты и твой Джим и ваши девушки, вы должны толкать стариков... О чем ты думаешь? Скажи, — голос Хейвуда вдруг отвердел, — почему ты молчишь?

Сейчас Хейвуд повернется лицом, и Крейн увидит слепое страшное веко, скрытое линией профиля. Молчать стало нестерпимо.

— Я думал о том, что узнал сегодня. О «деле Молли», брат Хейвуд. Я хотел вас спросить...

— Вот что, — сказал ласково Хейвуд (и Крейн понял: опасность прошла), ты не знаешь о «Моли Магьюр»? Старые горняки рассказывают про это вечером у очага. Есть ирландская песня о девушке Молли. Злые люди бросают ее в воду, выбрасывают из окна, режут ее на куски, — но Молли не умирает и не перестает улыбаться. Тридцать два года тому назад пенсильванские антрацитовые копи были адом, какого нельзя себе вообразить. Тайное сообщество углекопов назвалось именем веселой девушки Молли Магьюр. Пенсильванские «Молли» боролись за свою заработную плату. Скэбам они посылали записки: «Каждого мошенника, занявшего место члена трэд-юниона, ожидает участь, которую он сам себе приготовил».

Однажды в Потсвиле пришел человек по имени Джемс Мак-Кенна. Он шел по городу пешком, перекинув через плечо узелок, надетый на палку. Вечером Мак-Кенна пил в трактире у Барни Хогля. Он пил виски и всех угощал, и

вскользь спросил у хозяина, нет ли в этих местах работы. Барни Хогль, трактирщик, тоже был «Молли»; он ответил, что «здесь найдется работа только для настоящего парня». — «Какого вам еще надо парня, — сказал Мак-Кенна, — я спою песню, спляшу джигу и вызову на бокс любого из ваших гостей. Побезденный ставит виски на всех». Он спел ирландскую песню, протанцевал ирландскую джигу. Через месяц его посвятили. У «Молли» низшие ничего не знали о высших, и только капитан знал все. Мак-Кенна проходил ступень за ступенью; через три года он стал капитаном.

Вот тогда-то и был убит англичанин Сангер, мастер из рудника. Человек на улице прострелил ему плечо. Сангер все-таки дошел до соседнего дома, где его ждал второй человек с пистолетом в руке. Сангер бросился в сторону, но подбежал третий и ранил его смертельно. Четвертый повернул мертвое тело и выстрелил еще раз в упор. Порядок выстрелов капитан Мак-Кенна утвердил накануне. На другой день капитан выдал этих четырех и всех остальных. В качестве главного свидетеля обвинения он назвал свое имя: Джеймс Мак-Парланд, агент Пинкертона.

— Мак-Парланд? — повторил Крейн.

— Мак-Парланд. Запомни. Эта проклятая развалина заведует сейчас всеми шпионами от Денвера до Крипл-крика... Девять Молли были осуждены на смерть и четырнадцать — в каторжные работы. На суде их называли шайкой убийц. Обвинитель сказал на суде: «Теперь население подняло голову. Теперь наконец мы свободны, и я хожу по дорогам этого графства так же спокойно, как по самым людным улицам Филадельфии».

Никто не сказал на этом суде о том, что до посвящения Мак-Кенна в копиях Пенсильвании за много лет совершились три преступления. При Мак-Кенна — двадцать три за три года! Двадцать три раза при Мак-Кенна взрывались шахты, люди умирали неестественной смертью; деньги исчезали из ящиков с секретнейшими замками... Ты понял? — Пойди отдохни. Мы встретимся скоро... Запомни: — здесь действуют...

Хейвуд вытянул левую -руку.

— О'Нейл — раз (Хейвуд загнул палец). Это страшный человек, приставленный стеречь добро страшного человека — Реджа. Два: Союз граждан — это тоже О'Нейл и сотня убийц-любителей в придачу. Ассоциация владельцев — три (Хейвуд загнул третий палец). Четыре: губернатор и генерал. Губернатор — дурак... Случалось тебе видеть дурака, который дурачится заряженными пушками? — Скверная штука. Четыре... Пять. — Для пятого у меня на руке не хватает пальца. Дай твою руку. Так.

Хейвуд больно пригнул палец Крейна к ладони.

— Пять — это молодцы Мак-Парланда. Шериф графства Теллер открыто сказал: «Профессиональные разбойники — джентльмены по сравнению с этими негодьями». О таких вещах ты еще не имеешь понятия... Запомни — каждого из них, кто попадет в твои руки, ты должен заставить раскаяться в том, что он родился.

* * *

На столе горела лампа с прикрученным фитилем, стояли хлеб, сыр и полбутылки пива. Джим ждал.

Крейн должен был рассказать о том, как грубо о нем обошлись в конторе, съесть ужин Джима и лечь на кровать Джима.

— Не спорь, не спорь, — говорил Джим, — я — на полу... у меня отличная подстилка.

Джим с шумом сбросил сапоги.

Крейн, раздеваясь, аккуратно складывал вещи; он встряхнул свой пиджак и повесил его на спинку стула.

— Знаешь что, — сказал Джим (второй сапог почему-то давался ему с трудом) — здесь скучные люди. Поеду к Хейвуду в Денвер, если начнется стачка. Я сказал Молли об этом, и Молли сказала: «Джим, поезжай».

Крейн лег. Днем Крейн лгал, трудился, прятался и ощупывал револьвер в кармане. Он жил, не останавливаясь, с тех пор, как прочитал: «Требуется толковый опытный человек для работы в выгодном деле...» Ночью в постели прерывался ход невероятных событий; как в круто заторможенном вагоне — все сразу путалось и теряло место, и Крейн замечал с испугом, что он начинает думать. Что он думает о страшном труде и о нищете, о силе ненависти и о силе упорства людей, которых он видел сегодня.

Средством против путаницы служила точность формулировок:

— Во-первых, они враги национальной промышленности и личной удачи. Это — вредные люди (Крейн вспомнил Хейвуда на мосту), которые, как говорит мистер Джил, сами избрали свою участь. Во-вторых, они живут и даже хотят жить иначе, чем хочет жить Крейн. В-третьих, паразитическое будущее Крейна назначено наградой за гибель этих безумных и вредных людей... Комфортабельное и горделивое будущее человека, который сам себя сделал.

Крейн взволнованно приподнялся на кровати. Джим спал не раздеваясь. Отличная подстилка походила скорее на небольшую тряпку, сбившуюся под Джимом. Его ноги были неудобно подвернуты; белокурая голова сползла на пол. Теперь только при свете луны Крейн заметил, что у Джима нет подушки и в изголовье у него лежит свернутая рабочая куртка.

«Он славный малый, — подумал Крейн, — хотя не особенно умный. Без особой необходимости я не буду упоминать о нем в ежедневном отчете агента».

Крейн положил голову на подушку и быстро заснул.

ГЛАВА III

ТОВАРИЩ ИЗ ДЕНВЕРА

№ 5 и № 43. — Беседа в рабочем клубе.

Агент № 5. Отчет.

Г. Денвер, штат Колорадо, 22 июля 1905 г.

Дорогой сэр,

Сегодня утром я отправился на конференцию Западной федерации рудокопов. Все делегаты говорили о стачке. Секретарь-казначей федерации Хейвуд сказал, что апеллировать к правительству штата бесполезно, с тех пор как губернатор Пибоди представляет войска любой промышленной корпорации, согласившейся за них заплатить. Сообщая о положении в Пуэбло, Викторе и Людвиле, Хейвуд заставил говорить одного молодого человека, Джима Хорти, который недавно приехал из Виктора и теперь ходит за Хейвудом по пятам.

Собрание закрылось в десять часов тридцать минут. В двенадцатом часу я пробрался к Гавкинсу, директору завода «Стандарт». Гавкинс говорит, что если администрация сейчас не настоит на своем, то в дальнейшем придется выслушивать пожелания союза относительно заработной платы и что это — настоящий социализм. Он сказал еще, что кое-кого надо убрать и что О'Нейл с этим согласен.

Я заметил, что убрать следует Мойера и Хейвуда и, пожалуй, молодого Хорти, потому что сейчас это самое подходящее лицо для выполнения тайных поручений Хейвуда. Завтра он уже едет в Идаго просить у тамошнего союза денежной помощи бастующим.

Гавкинс обеспокоен вопросом о черных списках. Я сказал ему, что если только мое положение в союзе упрочится, то у него будут самые лучшие списки на Западе.

В двенадцать часов двадцать минут я окончил работу.

С совершенным почтением
№ 5.

Агент № 43. Отчет.

Г. Виктор, штат Колорадо, 24 июля 1905 г.

Дорогой сэръ,

Я пошел на завод в семь часов тридцать пять минут и накладывал руду в бочонок вместе с Мангоном и Смитом. Мангон сказал между прочим, что О'Нейл — свинья, так как он ни с чем не хочет считаться. К концу дня мы тоже выставили пикеты. После ужина я бродил по улицам, разговаривая с рабочими. Согласно вашей инструкции, я объяснял им, что каждый имеет право на пособие от ЗФР и что два с половиной доллара в день представляются мне подходящей цифрой. Они слушали с интересом. Я узнал, что сегодня забойщик Дж. Гарпер уговаривал «Объединенных горнорабочих» из АФТ не присоединяться к стачке. Эта стачка, по его словам, частное дело Союза № 125. С ним согласились.

Я пришел на собрание нашего союза, когда уже называли кандидатов, в том числе меня, на должность председателя «комитета вспомоществования забастовщикам». Из этого я заключаю, что разговор о двух с половиной долларах возымел нужное действие. Я возвращался вместе с Мангоном, который с большим одобрением говорит об убийстве тайного сыщика Грегори в Монтане. По его словам, в Денвере подозревают кого-то, потому что опять появились черные списки. Но большинство рабочих думает, что это случайность. Мы поговорили некоторое время, и я согласился с тем, что это случайность.

Я вернулся домой в два часа двадцать пять и приводил в порядок свои заметки.

С совершенным почтением
№ 43.

Отчет тайного сыщика стоит клиенту не менее десяти долларов в день, — вот почему в рядовой конторе агентства на тридцать постоянных сотрудников приходится примерно пять помощников заведующего. Каждый из них редактирует шесть ежедневных отчетов. Зато отчет перепечатывается и отсылается по принадлежности не раньше,

чем он доведен до той степени совершенства, когда любая его строчка неопровержимо доказывает клиенту: во-первых — необходимость борьбы с рабочими союзами, во-вторых — неизбежность дальнейшего пользования услугами агентства.

Раз в две недели помощник заведующего составляет сводку работы каждого из подведомственных ему агентов. Заведующий дает такой же отчет о деятельности всей конторы. Эти документы, известные под именем о б щ е г о д е л о в о г о п и с ь м а, содержат от шестидесяти до шестидесяти пяти страниц. К ним прилагается полный перечень проектов, инструкций и мероприятий, исходивших от заведующего и его помощников, отчет бухгалтера с цифрами прихода и расхода и расписка банка о сумме, имеющейся в распоряжении конторы.

Областной управляющий, получив общее деловое письмо, пишет на него комментарии, в которых анализ текущих операций чередуется с практическими предложениями. Практические предложения имеют целью и впредь обеспечить агентство текущими операциями.

К о м м е н т а р и и управляющего областной конторой поступают к мистеру Бангсу. Братья Роберт и Вильям Пинкертон получают сведения непосредственно от мистера Бангса и в большинстве случаев соглашаются с его мнением.

Четыре помощника молчали, окончив свои доклады. Старший помощник, по имени Кэри, стоял перед столом управляющего Денверской областной конторой. Кэри был еще сравнительно молодой человек, обуреваемый страстью быть похожим на Мак-Парланда. Он сутулил плечи, носил очки и растил усы вниз. Но усы не удавались, и это мучило Кэри.

В ведении Кэри, между прочим, находились агенты № 5 и № 43: Он стоял перед столом и смотрел, как Мак-Парланд задумчиво перелистывал отчеты двух этих агентов.

— Хотел бы я знать, Кэри, — сказал Мак-Парланд, — хотел бы я знать...

— Слушаю, сэр.

— ...удается ли вам, Кэри, осознать во всей полноте значение документов, проходящих через ваши руки?

— Да, сэр, — сказал Кэри после минутного размышления.

— Джентльмены! — Мак-Парланд посмотрел на четырех помощников, — самые дьявольские преступления «Молли», быть может, были детской игрой по сравнению с планами, взлелеянными... взлелеянными сейчас Федерацией рудокопов. Прошу вас, джентльмены, заметьте себе эту фразу: детской игрой...

— О, сэр, — сказал Кэри с оттенком испуга, — три года вы работали над раскрытием дьявольских преступлений, которые были детской игрой... Сколько же лет?..

— Кэри, вы хороший работник, но вы еще не знаете жизни... — Мак-Парланд глазами прошелся по полю календаря, усеянному черными и красными датами; какому-то из черных чисел он приветливо кивнул головой.

— Очень возможно, что я раскрою тайный кружок рудокопов... в три недели... — сказал Мак-Парланд и потрогал рукой усы.

— Без всякого сомнения, сэр, — ответил Кэри и тоже потрогал рукой усы.

* * *

— Произнес он им речь, черт возьми, по всей форме, со всеми десятью заповедями из Гомперса. «Не ставь свой профсоюзный билет выше национального флага». Фу ты! Это им так понравилось, что они тут же прокричали «ура»!.. Хоть бы ты своего старика на замок запирала, Молли.

Молли только что вошла в помещение рабочего клуба.

— Оставьте ее, — сказал Крейн Гейсу, — она сейчас заплачет.

— Мой старик, — Молли не оглянулась на Крейна, — по крайней мере, честный человек. Тем хуже... потому что ко-

гда-нибудь он поймет.

— Ладно. Ты хотел сказать что-то, Мангон?

Мангон был тяжеловесен и молчалив. Он расстегивал на груди рубашку и часто обтирал большим платком лицо.

— Я уже сказал. Во-первых — дело плохо. Во-вторых — надо продолжать это дело.

— Да, да. Что-то было еще... Да, пособия, Крейн.

Крейн движением головы указал брошенную на стол бумагу.

— Да, — смета. Я мало тут смыслю... но только вы ошиблись, — это слишком хорошо, Крейн!

— Я повторяю, — Крейн говорил отдельно и утомленно, как говорят с людьми, мешающими серьезной работе, — все цифры...

— Гейс! — перебила Молли.

Всякий раз, как говорить начинала Молли, Крейн испытывал внезапное беспокойство.

— Гейс, знаете, где я была? Товарищ из Денвера приехал.

— О! Что ж ты молчишь?

— Мы с ним говорили. Я не сказала сразу, потому что... мне вдруг стало обидно... за старика. Глупости, Гейс. Товарищ из Денвера спрашивает обо всем и о пособиях. Он придет.

Крейну казалось, что люди из Денвера все похожи на Хейвуда. Крейн повернулся лицом к окну; ему нужно было приготовить свои нервы и лицо к отступлению. Гейс вышел из комнаты.

«Провал!» — тоскливо подумал Крейн и взялся руками за раскрытые створки окна, — «так скоро...»

— А мы как раз спорили тут о размерах пособий, — говорил Гейс, возвращаясь с новым секретарем союза плавильных рабочих № 125, — я уверен... Федерация не выдержит двух с половиной долларов в день.

— Отчего же? — немного ленивым голосом сказал секретарь. — Я уже говорил с рабочими. Превосходно. Стаечный фонд Федерации настолько окреп, что... ваша смета потребует самых незначительных сокращений...

Знакомым голосом говорил секретарь.

Крейн обернулся и посмотрел глазами лунатика. Он увидел помещение рабочего клуба с дощатыми стенами, большой стол, на котором лежали шахматы и смятые газеты... Он увидел, что Гейс расставил треугольником тощие ноги, что Мангон вытирает шею платком, что Молли внимательно следит за тем, как у стола с шахматами и газетами Даниэль Сайлас, агент № 5, читает смету пособий, составленную агентом № 43 — Крейном.

Крейн дошел до стола и сел, сосредоточенно думая о своем лице, которое должно было выражать спокойствие. В крайнем случае, оно могло выразить легкую озабоченность..

— Ваша правда, Крейн, — сказал Гейс.

— Крейн! — с удовольствием повторил секретарь, — Крейн! — Через стол он длительно пожал руку Крейна своей несколько влажной рукой. — Рад познакомиться! Мне как раз поручено увезти вас сегодня в Денвер.

— Что ж это, — сказал Гейс, — всех в Денвер. Джим Хорти...

— Нет, нет. Крейн нужен нам на два, на три дня. Ознакомление с обстоятельствами... Хейвуд о вас отзывался отлично.

Все сидели вокруг стола. В последний раз Крейн видел Сайласа в клетчатом полуспортивном костюме корреспондента видной нью-йоркской газеты. Теперь он, с ощущением совершившегося несчастья, рассматривал синий пиджачок секретаря Союза № 125.

Гейс кашлял и говорил:

— Они совсем озверели с тех пор, как Западная федерация приняла социалистическую программу. Если здесь не будут все как один — с нами сделают то, что сделал Франк Стейненберг в Кэр д'Алене...

— Франк Стейненберг, — повторил Сайлас, — знаете, Франк Стейненберг...

— Что?

— Бывший губернатор Стейненберг...

— Что?

— ...убит.

Все смотрели на Сайласа.

— Да, в Идаго. В Денвере об этом узнали сегодня ночью. У него под калиткой взорвалась динамитная бомба. Он умер через двадцать минут.

Пауза.

— И кто же его убил, этого бывшего губернатора? — безразлично сказал Мангон.

Сайлас постучал по столу ногтями.

— Неясно. Некто Орчард арестован по подозрению. Орчард этот — какой-то идиот. Газеты будут лгать, как всегда.

— Джим все узнает... — сказала вдруг Молли Гейсу. — Хорошо, что Джима как раз послали в Идаго.

— Очень кстати, — сказал Сайлас и встал. — Мы еще встретимся. Крейн, пойдите со мной.

Г Л А В А IV

ПОХИТИТЕЛИ

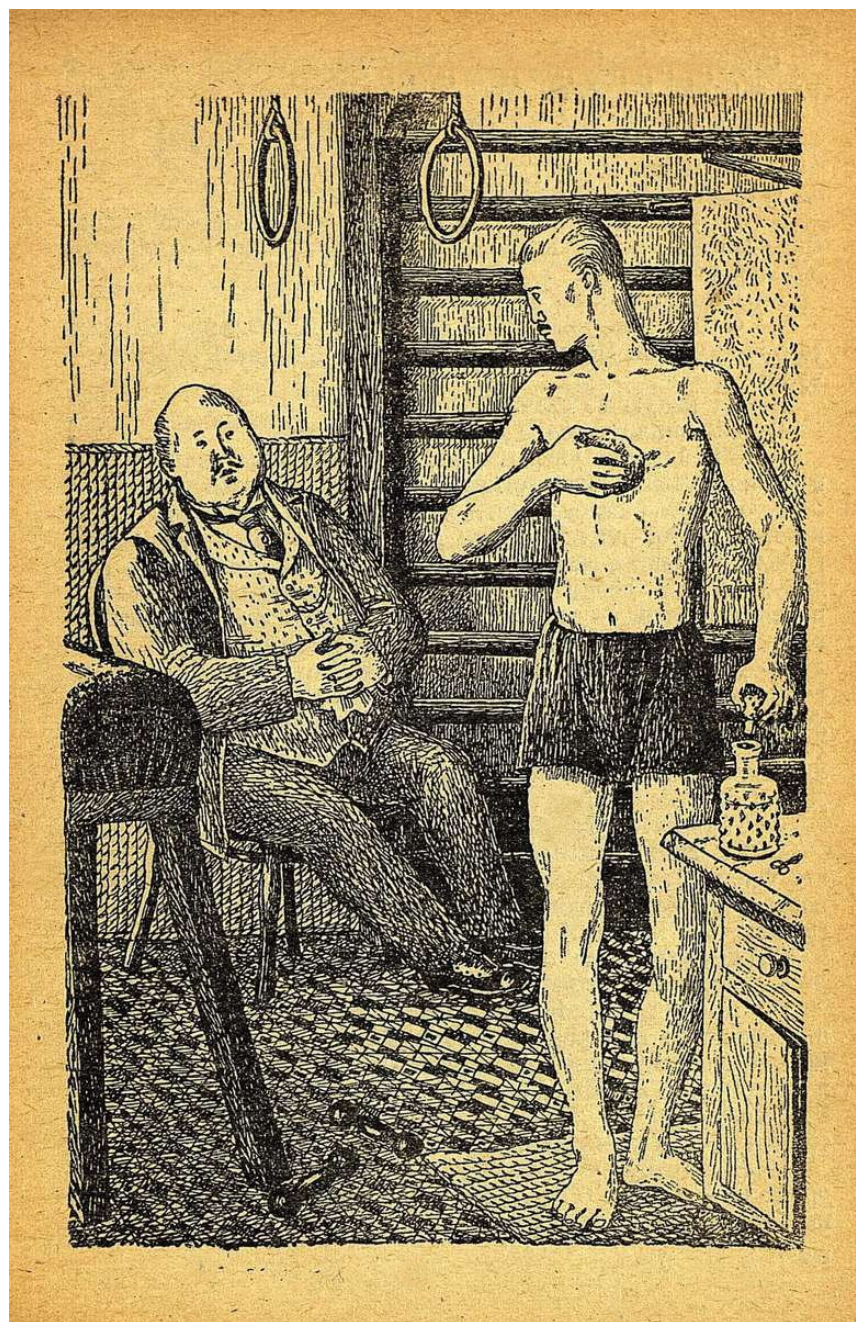
О'Нейл делает гимнастику. — Арест. — Адвокат Ричардсон и Habeas Corpus. — Путешествие с шерифом.

Кольца, только что отпущенные на свободу, тихо покачивались в воздухе. О'Нейл с удовольствием хрустнул суставами.

Камердинер-негр доложил:

— Мистер Вашингтон Порджери.

Костюм О'Нейла состоял из коротких гимнастических штанов. О'Нейл улыбнулся. Мистер В. Порджери, президент Ассоциации владельцев копеек, вошел животом вперед. У него были удивительно круглые глаза, маленький рот и маленький нос, зажатый между большими бледными щеками.

— Сэр, — сказал О'Нейл тоном, не допускающим возражений, — я занимался гимнастикой. Вы можете говорить в присутствии этого молодого человека.

Это относилось к Крейну. Крейн уже в течение сорока минут занимал половину стула, приставленного к стенке.

М-р Порджери сел и обхватил руками живот.

— Ужасно! Оказывается, у них—тайный кружок.

— А! И что же он делает, тайный кружок?

О'Нейл быстро обтирался одеколоном.

— Не знаю. Он — тайный и поэтому делает все, что угодно. Оказывается, самые дьявольские преступления Молли были детской игрой...

— Кто вам сказал об этом?

— О, никто не говорит ни о чем другом. Ужасно! Епископ того же мнения. Последняя воскресная проповедь епископа — чудо!

— На какую из евангельских тем?

О'Нейл снял с крючка толстое полотенце.

— О'Нейл, я не уверен, в том, что тема была евангельской в полном смысле этого слова... «Социализм — это враг и зло нашего века», — сказал епископ. «Неверие, — продолжал он, — которое святой апостол Фома называет величайшим из Всех грехов, похитив у человека надежды на рай и опасения ада, побудило его добиваться небесных благ преждевременно... в связи с этим, — добавил епископ, — общество должно наконец пробудиться и приготовиться к самозащите».

— Дорогой мистер Порджери, если то, что епископ Матц воссылает к небу, можно назвать молитвами, то его молитвы услышаны. Общество пробуждается с замечательной быстротой. Пробуждению общества способствует Джемс Мак-Парланд, возможности которого я недооценивал в свое время. Для начала — убийцы бывшего губернатора...

— Тайный кружок! — прошептал Порджери.

— На днях Мак-Парланд доведет до сведения публики, что Франк Стейненберг убит по поручению Хейвуда. Переговоры с убийцей велись через рудокопа Хорти, специально ездившего в Идаго...

О'Нейл оглянулся мельком на страшно бледного Крейна.

— Какое несчастье! — сказал Порджери.

— Отчего же? Заметьте, что рука провидения настигает преступников как раз в тот момент, когда они возглавили крайне опасное стачечное движение. Настолько опасное, что я не поручусь за исход, если рука провидения будет медлить. Это совпадение... Впрочем, не нам рассуждать о тайном смысле этого совпадения... Поговорите с епископом,

— Я поговорю с епископом, — мистер Порджери заметно дрожал, — дорогой О'Нейл, мы все и епископ... надеемся, что вы, воплощая в одном лице... что вы, будучи директором Компании топлива и железа, председателем Союза граждан города Виктора, капитаном милиции штата... тройне являясь оплотом...

— Мистер Порджери, — сказал О'Нейл торжественно, — директор Компании топлива и железа намерен отстаивать интересы своего предприятия; капитан милиции обязан поддерживать порядок в штате Колорадо. Председатель Союза граждан города Виктора считает, что бывают минуты, когда нужно братья за оружие и отправлять своих ближних в царство небесное. Я хочу надеяться, что этот проект не встретит возражений со стороны его высокопреподобия епископа Матца.

Вашингтон Порджери, выходявший из гимнастического кабинета О'Нейла, был почти так же бледен, как Крейн, оставшийся в кабинете.

— Каждый шпион, который работает на меня, может работать на моего врага с таким же успехом... Я никогда не любил шпионов. — О'Нейл оттянул вниз уголки только что надетого жилета. — Но этот сумасшедший великолепен!

— Сумасшедший, сэр?

— Да. Мак-Парланд.

— Разве мистер Мак-Парланд... сумасшедший, сэр?

— Разумеется, — О'Нейл поднял прямые брови, — со времени «Молли» он бредит тридцать два года под ряд.

— Однако... мистер Мак-Парланд не мог бы стать знаменитым сыщиком...

— Напротив того, он иногда верит тому, что он говорит, — это род сумасшествия, почти необходимый для знаменитого сыщика. Он прогуливается под руку с бреднями и садится с измышлениями за стол. Любопытно. Кроме того — он прогнул.

— Прогнул?

— Изнутри. Он рухнет при первом толчке.

О'Нейл посмотрел в окно.

— Машина моего друга Мак-Парланда въезжает во двор. Нет, нет — вы останетесь. Мистер Редж утверждает, что вы при случае окручиваете людей подтяжками и останавливаете поезда на ходу. Здесь, кажется, понадобится что-нибудь в этом роде.

— Дорогой Мак-Парланд, это — ваш сотрудник № 43, с которым я давно хотел познакомиться. Ваш сотрудник № 5 любезно вывез его из города Виктора.

— О'Нейл, — сказал Мак-Парланд, — не позже чем послезавтра вот это появится в газетах.

О'Нейл прочитал:

«Должностные лица Западной федерации рудокопов и члены исполнительного бюро, посвященные в тайные умыслы лидеров, никогда не оставят Колорадо живыми.

Они не останутся в живых уже потому, что я докажу их связь с десятком ужасных злодейств, совершенных на территории этого штата.

Я работал одни в деле “Молли” (О'Нейл поморщился, потому что с некоторых пор ему надоело слушать о деле “Молли”); один работал и здесь, и я знаю все ухищрения тех и других. Я позволю себе сказать, что самые дьявольские преступления Молли были детской игрой (— Какая знакомая фраза! — заметил О'Нейл) по сравнению с планами Федерации.

На моей обязанности гражданина Колорадо лежит истребление этой шайки. Эти молодцы решили, что прошло сли-

шком много времени с тех пор, как я расправился с “Молли”, что, пожалуй, я впал теперь в детство».

— Крайне опасный полемический ход, — негромко заметил О'Нейл.

— «Они не боялись меня, — читал Мак-Парланд. — Они забыли, что даже в каменной кладке всегда найдется слабое место. Я открыл брешь в фундаменте, на котором зиждется Западная федерация рудокопов. Это будет стоить Хейвуду, Мойеру и многим другим их преступной жизни».

— Прекрасный слог! — сказал О'Нейл. — У вас есть предписание об аресте?

— Разумеется.

— Подписанное?

— Губернатором, — нетерпеливо сказал Мак-Парланд.

— Губернатором... какого штата?

— Колорадо. О'Нейл, вы, кажется, надо мной смеетесь?..

— Нисколько. Я вас предупреждаю... о том, что должностные лица Западной федерации рудокопов, по всей вероятности, оставят Колорадо живыми.

— Нет!

— Дорогой друг, будьте благоразумны. Ваше обвинение в подстрекательстве к убийству выглядит довольно бледно, особенно по сравнению с десятком ужасных злодейств, о которых вы упоминаете вскользь.

— Поверьте, веские основания...

— Я в этом уверен. Но, по досадному недосмотру, законы штата Колорадо не карают смертью за соучастие в убийстве.

— Какие же законы, — медленно сказал Мак-Парланд, — карают смертью за соучастие в убийстве?

— Целого ряда штатов: Алабамы, Монтаны, Идаго, Коннект...

— Идаго?!

— Без сомнения. По образованию я — юрист. Вы же, дорогой друг, иногда слишком поглощены событиями, имевшими место тридцать два года тому назад.

— Идаго! — не слушая, повторил Мак-Парланд. — О, я понял!

Он стиснул локоть О'Нейла.

— Я понял... Итак, два губернатора вместо одного.

О'Нейл кивнул.

— ...шериф...

— Трое-четверо молодых людей — на всякий случай.

— ...и поезд...

— Да, правда, — поезд!

— Кроме двух губернаторов, трех пинкертоновцев, шерифа и поезда, необходима поправка в тексте.

— В тексте?

— Дорогой друг, вы стали рассеянны. — О'Нейл разместил по карманам бумажник, револьвер и золотую зубочистку, — смотрите: «никогда не оставят Колорадо живыми». — Я зачеркиваю «Колорадо» и пишу сверху: «Идаго». Вот так: «Никогда не оставят Идаго живыми».

— Мой друг Мак-Парланд ушел, не оставив вам надлежащих инструкций. Он озабочен необходимостью согласовать при помощи телеграфа и телефона намерения двух губернаторов. Я беру на себя поезд. Это проще. В худшем случае мне предстоит беседа с мистером Гульдом-младшим, заведующим западными путями Северной тихоокеанской дороги. Он иногда посещает Денверскую контору.

— Мой бог! — сказал Крейн.

— Да. Когда обстоятельства, до сих пор загадочные для публики, вынудили Перси Гульда выйти навсегда из состава правления железной дороги Чикаго — Барлингтон — Квинси, мистер Редж предложил ему участие в делах Северной тихоокеанской... Крейн, я вам дам работу.

— Сэр, я должен предупредить. Меня здесь знают в лицо.

— Лицо можно закрыть. — О'Нейл задумался. — Вас могут узнать... Зато и вы можете узнать... одного человека. Только Сайлас и вы. Сайлас занят в союзе... Я вас извещу о часе и месте, Крейн.

— Мы сразу начнем. В качестве местного жителя я распоряжаюсь нашей маленькой экспедицией. Вы позволите, шериф?

— Прошу вас, — солидно сказал шериф.

— Все предусмотрено: вы — представитель правосудия штата Идаго. Я — представитель частной юридической инициативы. И несколько молодых людей, на всякий случай.

— Мистер Кэри, вы превосходный организатор, — сказал шериф из Идаго.

— Шериф, я ученик Мак-Парланда. Этим сказано все самое лучшее, что я могу о себе сказать. Выходите, господа.

За плотно сдвинутыми занавесками автомобиля — темнота, листва, неровные, широко расставленные дома провинциального пригорода.

Маленький фонарь, горящий над доской:

**Клуб Союза плавильных
рабочих № 125**

— Здесь?

— С начала конференции они здесь ночуют.

Из передней лестница круто шла вверх. Кэри остановил Крейна.

— Не пропускать никого...

Крейн один остался у лестницы.

Поднятый воротник пальто и козырек кепи, опущенный на переносицу, встречались на его лице, заменяя маску. Ночь. Тишина. В десяти шагах дышит автомобиль с потушенными огнями.

Как вспоминают юность, Крейн вспомнил себя у дверей мистера Бангса с голубой карточкой в руке. Входной билет в будущее... Последняя в мире романтика? Что ж, — ночь, поднятый воротник, металлическая тяжесть револьвера в кармане, тонкое звяканье наручников в кармане, ступеньки, по которым сойдет, звякая наручниками, убийца... романтика голубой карточки?

Нет, просто вещи из сукна, металла и дерева.

Романтика — волнение крови. Но у Крейна — только тяжесть в груди и в голове пустота.

Будущее, обещанное Крейну, обманывает, как черта горизонта. Она виднеется, но ее нет; к ней приближаются, но она не становится ближе. Впрочем, Крейну только кажется, что он плывет к горизонту. На самом деле, он служит за восемнадцать долларов в неделю, как служат телеграфисты и клерки... Только клерки безвредны и долговечны, а Крейна сейчас, быть может, убьют или сейчас он убьет.

Короткий грохот послышался наверху и затих. Крейн встряхнул головой.

Опять вздорные мысли. И на работе! Нервы.... Надо обтираться льдом по уграм.

Молодые люди спускались по лестнице, тесня перед собой небольшого бледного человека в сюртуке.

— Я еще раз требую объяснений, шериф, — выкрикнул бледный человек.

— Мистер Мойер, я повторяю еще раз: по закону обвинение должно быть предъявлено не позже чем через сутки. Пока налицо предписание об аресте губернатора штата Идаго и предписание о выдаче губернатора штата Колорадо. Люди довольствуются меньшим.

— Я еще раз прошу дать мне возможность известить по телефону адвоката или друзей.

— Я повторяю еще раз: сейчас двенадцать часов. Это время не кажется мне подходящим для разговоров по телефону.

— Какого черта вы тратите красноречие, Мойер! — ощупывая ступеньки вытянутой ногой, Хейвуд боком спускался по узкой лестнице.

— Будьте покойны, нам не позволят проявить невоспитанность. В двенадцатом часу ночи телефонный звонок ни в коем случае не нарушит покой нашего адвоката.

Хейвуд стоял среди молодых людей в клетчатых кеппи.

— Вот что, ребята. Скажу прямо: я не доставлю вам удовольствия пристрелить Билля Хейвуда, оказавшего сопротивление при аресте.

Хейвуд усмехнулся и поднял руки над головой.

— Вам придется еще повозиться со мной, ребята.

Кэри рванул Крейна вверх по лестнице.

— Джим Хорти... его надо найти.

Площадка, коридор, бледные лампочки, открытые и закрытые двери. Крейн разглядел на ходу стену с портретами, потом помещение, где тесно стояли пустые стулья, вытянутые в ряды. Карманным фонариком Кэри осторожно осветил человека, спавшего на скамье.

— Нет, — сказал Крейн.

Они бежали к соседней двери. Дверь отворилась. В узком, изнутри освещенном пространстве Джим Хорти стоял, застегивая подтяжки. Белокурые волосы клубились на лбу.

Крейн в непонятном ожидании пропускал секунды; но секунды приближали к измене.

Мигая сонными глазами, Джим всматривался в темноту коридора.

— Он! — сказал Крейн.

— Рудокоп Джемс Хорти, я арестую вас именем закона.

— Вот еще! — сказал Джим, — не может этого быть.

— Быть может, предписание губернатора о выдаче вас и ваших сообщников, Хейвуда и Мойера, штату Идаго покажется вам убедительным?

— Как это? — спросил Джим. — Нас увезут в Идаго?

— Следуйте за мной.

— Сейчас.

Джим сделал два шага назад, закрыл дверь и замкнул ее изнутри.

— Шериф! Шериф! Какое несчастье! Он непременно выбросится в окно. Если бы здесь был мистер Мак-Парланд, он приказал бы выломать дверь, и, клянусь богом, я, Кэри, сделаю то же самое! Скорей! Вот этот конец между створками. Нажимайте. Так.

.

Дверь отворилась, потому что ее отпер Джим — в куртке, причесанный, с узелком в руке.

— Какого же черта?..

— Ничего. Я не люблю собираться в дорогу, когда все на меня глазают. Я готов, господа.

Мойера уже увезли. Хейвуд и Джим сели рядом.

— По-видимому, нас везут пока в городскую тюрьму.

— По-видимому.

— Мне жаль, — сказал Джим, — моей спальни в клубе. Правда, там нет кровати или дивана, но зато бильярд, большая карта Соединенных штатов, телефон... Очень нужные вещи.

Они помолчали, потом Хейвуд сказал:

— Джим, мы — в руках правосудия. Это крайне опасно. Порджери до того глуп, что, исчисляя в последний раз заслуги Ассоциации владельцев копеек, прямо сказал: «Попытки навязать стране только союзный труд были пресечены судебными решениями, которых мы добились за свой счет». Джим, я не знаю, в чем нас обвинят и за чей счет будут судить... Если за счет Вильфрида Реджа, то, милый Джим, мы можем заранее признать себя повешенными.

* * *

Крейн ждал инструкций в грязном салуне у вокзала. За окнами поднимался медленный и мутный рассвет.

Пятнадцать минут тому назад в салуне появился еще один посетитель — джентльмен с нервным лицом и довольно длинными волосами. Он пил виски, вертел на пальце

кольцо и смотрел на Крейна почти вопросительно. Это утомляло. У человека, скрывающего свое лицо, свое имя или профессию — под чужим взглядом неприятно натягиваются нервы.

Хозяин салуна, опытный вестник и хранитель оплаченных тайн, сунул Крейну записку, слегка пахнущую духами.

«Дорогой Крейн,

Мак-Парланд вами доволен и находит, что вам пора возвращаться в Виктор, так как денверские дела, как более ответственные, будут впредь поручаться мне.

Я тоже приеду в Виктор, как только проведу в союзе демонстрацию протеста по случаю незаконного похищения лидеров.

Постарайтесь закончить интересную операцию с распределением стачечных пособий.

Кланяйтесь мисс Молли. Кажется, ее жених скоро переселится в лучший мир.

Д. С.»

Крейн пошел к выходу, застегивая пальто. Беспокойный сосед решительно встал навстречу.

— Вы рабочий?

— Да.

— Мог я вас видеть здесь на собрании рудокопов?

— Конечно. В Викторе, я член исполнительного бюро.

— В таком случае, сядьте. Налейте виски. Слушайте. Я — адвокат Ричардсон, поверенный Западной федерации рудокопов. Здесь происходят невероятные вещи. Сегодня ночью — вы не поверите — арестованы Хейвуд, Мойер и еще один молодой рудокоп. Я выразился неточно: похищены! Украдены, если хотите.

Усталость одолевала Крейна. Он с трудом привел мускулы лица в положение, выражающее смесь удивления с испугом.

— Я знаю очень мало, не больше того, что молодой Хорти во время ареста успел рассказать по телефону.

На этот раз выражение удивления далось Крейну без всякого труда.

— Он сообщил, что на минуту заперся от шерифа, что их, как видно, увозят в Идаго. Это — рука пинкертоновцев.

— А полиция?

— Полиция мелко плавает. Послушайте, в Идаго они погибнут...

— Вы сообщили в союз?

— Нет, я знаю своих ребят. Ради Хейвуда они возьмутся за револьверы. О'Нейлу только того и надо. Нет. Вместо этого я посетил достопримечательность города Денвера. Город Денвер славится мягким климатом и судьей Сэнли, который не продается. Замечательный судья принял меня в ночном колпаке и согласился выдать приказ *Habeas Corpus**. Я жду здесь шерифа Фрезера с приказом.

— Шериф тоже не продается?

— Это неважно. Он полон рвения, потому что шерифы из Колорадо враждуют с шерифами из Идаго; это — ненависть, освященная десятилетиями.

Адвокат Ричардсон налил виски и рассмеялся.

— Вот и он... Выпейте виски, шериф.

Шериф Фрезер, полный, румяный, с прямым носом, с прямым пробором подсел к столу.

— Этот молодой человек нам поможет, — Крейн поклонился, — он отъявленный враг шерифов из Идаго.

* Процедура *Habeas Corpus* — одна из основных в американском законодательстве. Каждый арестованный военными или гражданскими властями без предписания суда имеет право требовать через своего поверенного, родственника или даже постороннее лицо выдачи судебного приказа *Habeas Corpus* (буквально: «имей тело»), предписывающего доставить просителя без промедления в суд. Неисполнение должностным лицом приказа «*Habeas Corpus*» рассматривается как «неповиновение суду» и карается штрафом и отрешением от должности.

Адвокат Ричардсон разложил на столе карманную карту западных штатов.

— На станции готовят экстренный поезд. Назначение — ясно. Помните, за пределами Колорадо наш Habeas Corpus теряет силу.

Адвокат Ричардсон ногтем провел по оранжевой плоскости штата Колорадо, через острый край желтого штата Вуминг в темно-голубое Идаго.

— На станции Денвер им легко ускользнуть. Дальше... экстренный поезд может идти без остановки до самого Эванса. Там придется менять паровоз. Значит — там они в наших руках.

— А если... специальный поезд минует линию Эванс — Боиз...

— Нет, им осталось бы направление на Огден-Сити, — адвокат Ричардсон царапнул ногтем на границе желтого Вуминга, — оттуда в Идаго переправляться на лошадях. Это нелепо. Итак, двое из нас и приказ Habeas Corpus отправляются в Эванс с пассажирским поездом, который будет здесь через восемь минут. Мы их опередим. Один из нас остается в Денвере искать поручителей и на всякий случай присматривать за неподкупным судьей. Останусь я. Вы возьмете с собой молодого человека, шериф. Что касается вас, если вы рудокоп, товарищ...

— Я плавильщик...

— Если вы плавильщик, товарищ, — вы сделаете это для Билля Хейвуда.

* * *

У шерифа Фрезера в чемоданчике были бутерброды; он ел и угощал Крейна. Крейн ел и думал о том, не предъявить ли шерифу голубую карточку?

— Как это похоже на господ из Идаго!.. У меня арестованные ведут себя прилично и не болтают по телефону. Ничего. Мой покойный отец (шериф в Теллюрайде) говори-

вал: после удовольствия арестовать человека, самое большое удовольствие — освободить человека, арестованного другим шерифом.

«Нет, — подумал Крейн, — голубая карточка не годится».

На станции Эванс шериф быстро отыскал помещение ресторана. Крейн отправился на телеграф. В окно № 1 он подал телеграмму на имя адвоката Ричардсона:

«Прибыли Эванс ждем поезда».

В окне № 2 сидел телеграфист, полный, румяный, с прямым носом.

Крейн подумал немного и медленно отделил два бланка от серой пачки. Он написал телеграмму, адресованную на одну из промежуточных станций, и телеграмму, адресованную на почтовый ящик Мак-Парланда. В обеих шла речь об экстренном поезде и об обстоятельствах, которые могут повлиять на его дальнейший маршрут.

Крейн встретил шерифа Фрезера в коридоре.

— Пойдемте. Я дал телеграмму мистеру Ричардсону.

— А... все равно, я хочу повидаться с Бобом.

— С кем?

— Боб — мой брат, он здесь служит телеграфистом.

— Вот что, — и Крейн вспомнил с испугом прямой нос и румянец в окне № 2.

Шериф возвратился стремительно.

— Проклятье! Экстренный поезд только что предупрежден телеграммой. Они изменяют маршрут! Молчите об этом, потому что Боб может лишиться места.

— Ваш брат разглядел человека, который..?

— Нет....А вы?.. вы?..

— Действительно, там стоял... как будто бы серый пиджак...

— К черту! Мы едем на Огден-Сити!

— Шериф, — сказал Крейн, очень бледный, — они нас опередят. Требуйте поезд, место в поезде, спешной отправки поезда, — что хотите. Я загляну на телеграф. Вдруг серый пиджак...

Крейн подошел к окну № 1, которое занимал телеграфист, не связанный с шерифом Фрезером тесными родственными узами.

Телеграмма Мак-Парланду гласила:

«Шериф неукротим. Выезжаем Огден-Сити. Обратитесь губернатору».

Шериф Фрезер превратился в вихревое движение, в котором исчезли его полнота, румянец и чемодан с бутербродами. Вихревое движение повлекло Крейна через кабинет начальника станции, где вобрало в себя служебную записку, прямо к поезду, отходящему на Огден-Сити через полторы минуты.

Поезд неся мимо низких и жестких холмов, мимо плоских равнин с желтыми, рыжими, серыми, тускло-зелеными прямоугольниками посевов. Шериф Фрезер томился на диване, потому что его внутренняя скорость значительно превышала скорость движения поезда.

— Да. Экстренный поезд из Денвера час тому назад прибыл в Огден-Сити. Да. Они отправились на лошадях за соток километров на станцию Вэбс. Вот именно, к границе Идаго.

— На лошадях?!

Шериф Фрезер, сметая все на своем пути, надвигался на дежурного по станции.

Дальнейшее представлялось Крейну отчетливым и неизбежным: шериф мощным напором вырывает у дежурного по станции единственную машину. Шофер развивает высшую скорость по приказанию шерифа.

Они мчатся длинной каменистой дорогой. Они настигают крытую повозку, окруженную всадниками.

— Что вам угодно, коллега? — спрашивает шериф из Идаго, сверкая глазами.

— Вручить вам приказ *Nabeas Corpus*, коллега, — отвечает шериф из Колорадо, тоже сверкая глазами.

— Выслушайте же, наконец! — закричал дежурный по станции, — хорошо, я вам дам машину, которую вы непре-

менно испортите. Только скажите, вы — денверский шериф Фрезер?

— Да, да.

— Шериф из Боиза в Идаго — ваш приятель, как видно? Он предупредил, что вам понадобится машина, просил кланяться и взял с меня слово, что я дам вам прочесть последний указ губернатора.

— Зачем?

— Не знаю. Указ сообщили по телеграфу в присутствии вашего друга, шерифа из Идаго.

«Я, Джемс Пибоди, губернатор штата Колорадо, властью, возложенной на меня конституцией штата Колорадо, и ее законами, объявляю и заявляю, что, по случаю раскрытия нескольких тайных кружков, руководимых самыми ужасными людьми, общественная безопасность требует приостановки акта Habeas Corpus. Habeas Corpus должен быть оставлен без ответа, и рудокопы Чарльз Мойер, Вильям Хейвуд и Джемс Хорти должны находиться под арестом на территории Колорадо и быть препровождены к месту своего заключения в город Боиз, штата Идаго.

В удостоверение чего руку свою прилагаю и налагаю печать штата Колорадо в г. Денвере 2 августа сего 1905 года».

— Вы удивлены? Что делать, — мы почти на войне! По крайней мере, военное положение сегодня объявлено в округе Крипл-крик. Вы еще не знали об этом? Кстати, ваша машина готова.

— Мне не нужна машина, — тихо сказал шериф Фрезер.

ГЛАВА V

ИСЧЕЗНУВШИЙ ГОРОД

Террор. — «Виктор Рекорд». — Союз граждан за работой. — Ночная беседа.

Много лет под ряд мистеру Реджу, в его контору на Мадисон-авеню, приносили завтрак из соседнего ресторана. Еженедельно мистер Редж проверял счет.

29 июля Редж, проверяя счет, покачал головой.

— Кларк! Был я здесь в прошлый вторник?

— Нет, сэр, вы оставались дома.

— Так я и думал, — сказал Редж и вычеркнул один день из счета.

— Ммм... кофе... помнится, я вовсе не пил кофе в четверг.

И Редж вычеркнул из счета одну строчку.

Через двадцать минут Вильфрид Редж еще раз покачал головой.

— Кларк, из Колорадо пишут: пятьсот рудокопов копи «Портланд» обложены для поддержки бастующих. Это надолго! Дурак Пибоди боится расходов. Кларк, вы напишите кому следует: несчастный округ Крипл-крик, по мнению мистера Реджа, нуждается в успокоении. Мистер Редж желает довести до сведения его превосходительства, что он готов снять... скажем, что Компания топлива и железа готова снять с правительства штата бремя расходов по содержанию федеральных войск. Разумеется, в надежде, что войска оправдают затраченные на них средства.

Предложение мистера Вильфрида Реджа с исключительной быстротой прошло все инстанции, отделявшие его от губернатора Пибоди. Губернатор немедленно приказал четырем полкам собраться в поход, договорился о специальных поездках с мистером Перси Гульдом-младшим и, закончив приготовления, отправил в г. Виктор следственную комиссию из генерального прокурора, бригадного генерала

штатной милиции, секретаря денверского отделения Союза граждан, одного офицера и одного адвоката. Шериф графства Теллер встретил комиссию на вокзале и доложил, что в округе все спокойно. Выслушав на вокзале шерифа, комиссия отправилась в помещение одной частной конторы, где имела совещание с представителями Ассоциации владельцев копей. После этого совещания комиссия спешно выехала в Денвер. Перед отъездом она телеграфировала губернатору, что в округе господствует террор и гражданские власти не в состоянии справиться с положением. Энергия следственной комиссии была так велика, что от момента ее формирования и до того момента, как из Денвера в Крипл-крик выступил отряд под предводительством генерала Белла, прошло менее двадцати четырех часов.

* * *

В первых числах августа 1905 года город Виктор, к удивлению жителей штата Колорадо, исчез. Город Виктор перестал говорить голосом газет, телефона и телеграфа; от него не осталось ничего, кроме кружка на географической карте.

Впрочем, через центральную почту Соединенных штатов поступали успокоительные сведения. По этим сведениям, в исчезнувшем городе вводился порядок.

Станция Виктор, под охраной солдат, выглядела уныло. На стенах, заборах и фонарных столбах белел указ губернатора. Крейн шел от вокзала в город; ему казалось, что тихие улицы с запертыми окнами и дверьми по ошибке освещены солнцем.

Крейн быстро свернул на шум голосов. В конце переулка, на затоптанном пустыре, рабочие столпились вокруг ораатора, взобравшегося на бочку. Крейн чуть не вскрикнул, — на бочке, потряхивая длинными волосами, стоял адвокат Ричардсон.

— Товарищи, адъютант генерала Белла посетил меня тотчас по моем приезде в этот город, благословенный богом. Он спросил, действительно ли я собираюсь говорить? «Разумеется, — сказал я, — ибо я адвокат...» — «О чем же именно?» — спросил адъютант. — «О вещах, которые нас всех интересуют в настоящее время». — «Вы не должны делать ничего подобного, — сказал адъютант, — вы никоим образом не должны упоминать о стачке, о деле Хейвуда и Мойера, о приказах губернатора Пибоди, об угольной промышленности и железных дорогах... и вообще ни о чем таком, что может побудить кого-либо из присутствующих думать об этих вещах».

Товарищи, то небольшое, что мне остается сказать после того, как я перечислил вам все, о чем мне запрещено говорить...

В переулке свистки и топот. Адвокат Ричардсон оглянулся.

— ...Я доскажу вам при следующей встрече...

Он спрыгнул с бочки в расступившуюся толпу.

— Вы? Прекрасно! — Это относилось к Крейну.

Адвокат Ричардсон продел руку под локоть Крейна на полном ходу.

— Бедняжка Фрезер... шерифы из Идаго показывают на него пальцами. Его потомки до четвертого поколения станут посмешищем шерифов из Идаго... А дело Хейвуда — скверное дело, Крейн.

— Скажите, что здесь происходит?

— Здесь? Вводится порядок. С этой целью вчера привезли штрейкбрехеров в спальных вагонах. Сегодня арестована редакция «Виктор рекорда». Это была славная газета. Она напечатала последнюю воскресную проповедь епископа с библейским примечанием: «Епископ Матц порицает социализм, потому что “бык знает своего хозяина и осел — житницу своего господина”». Но, дорогой мой, ничто не может сравниться с судом над Гейсом и Гарпером. Он состоялся позавчера.

— Как над Гарпером? — сказал Крейн, — ведь он...

— Ну да, АФТ... Можно сказать, Ассоциация владельцев

обязана ему срывом всеобщей стачки. Неблагодарные!

— Расскажите же...

— Старика прорвало от методов введения порядка. Кажется, он вслух пожалел о том, что всеобщая стачка не состоялась. Его мигом обвинили в заговоре, вместе с Гейсом, которого он терпеть не мог до этого случая. Суд в конце концов затребовал их от военных властей. Тогда... вообразите картину: здание суда с утра оцепила пехота; на соседних крышах — легкие стрелки; Гейс и Гарпер под конвоем кавалерии с полковником Чейзом во главе. Полковник из уважения к конституции оставил лошадей на дворе, но зато в зале расставил солдат, спиной к судье и с ружьями наготове. Это было грандиозное зрелище! Судья оправдал обвиняемых. Чейз поднялся с места и заявил, что он не освобождает никого без приказа «его превосходительства губернатора и главного начальника войск». К вечеру пришел приказ. А через полтора часа после освобождения комиссия выслала обоих в общем порядке.

— Какая комиссия?

— Военная комиссия по высылке. Я вам ее покажу. В серьезных случаях, мой дорогой, Америка управляется военными приказами и судебными запрещениями; в остальных случаях — народом.

— Я не знал этого, — сказал Крейн и провел по лбу рукой. — О, иногда мне кажется, что я ничего не знал...

* * *

Полковник Чейз, председатель военной комиссии по высылке, встал и расправил красивые усы.

— В графстве Теллер, — сказал полковник, — согласно указу губернатора, находящемся в состоянии волнения и бунта, более двух тысяч человек отказались от своих обычных занятий. На все уверения в том, что эти лица пользуются поддержкой стачечного комитета Западной федерации рудокопов, мы отвечаем: стачечный комитет — это факт,

который военные власти могут в лучшем случае игнорировать. Игнорируя же этот факт, военные власти вынуждены всех лиц, которые остались без видимых средств к существованию, рассматривать как бродяг, подлежащих высылке за пределы штата. Дежурный, огласите список задержанных на основании применения схемы ареста бродяг генерала Белла!

Дежурный откашлялся и довольно быстро перечислил около восьмидесяти фамилий.

— Некоторые из этих граждан, сэр, подали заявление о том, что они владеют недвижимым имуществом, сэр, в силу чего не могут считаться бродягами.

— Я полагаю, — сказал полковник Чейз, — и вместе со мной вся комиссия полагает, что заявления частных лиц не могут быть приняты во внимание по вопросу, разрешаемому военной властью. Впрочем... высылка будет отменена в случае согласия арестованных немедленно вернуться на работу. Дежурный, комиссия переходит к очередным делам.

.

— Рудокоп Джон Смит, вы — член местного союза?

— Да.

— В таком случае, вы обвиняетесь в заговоре.

— Почему?

— Потому что по принятому определению заговор есть соединение двух и более лиц для достижения какой-либо преступной или незаконной цели; или же для достижения не преступной и не незаконной цели путем применения преступных или незаконных средств. На основании всего вышеизложенного я приговариваю вас к высылке из этого округа. Не возвращайтесь никогда, потому что с вами может случиться несчастье.

.

— Том Питс, правда ли, что, проходя мимо вновь прибывших рабочих, вы громко называли их «скэбами»?

— Конечно.

— И добавили, что «нежные души штрейкбрехеров алчут трех трапез в день, места, где можно поспать, и в особенности охраны?»

— Именно так. Кто когда-либо слышал, сэр, чтобы штрейкбрехер работал?

— Вы будете высланы из округа, потому что судебный приказ, выданный по просьбе директора Компании топлива и железа, строжайше запрещает поносить, задевать, оскорблять или высмеивать рабочих или служащих истца*.

.

— Джемс Вильсон, находясь под арестом, не говорили ли вы с членом Западной федерации рудокопов?

— Да, говорил.

— Знаете ли вы, что совершили проступок против военного устава?

— Возможно; но человек, с которым я говорил, был мой родной брат Чарльз Вильсон.

— Довольно. Вы сознаетесь. Я приговариваю вас к высылке. При этом я выражаю надежду на то, что никогда в жизни больше вас не увижу.

Полковник Чейз опять встал.

— Внимание! Получен последний судебный приказ, выданный по просьбе директора Компании топлива и железа.

«Федеральный окружной суд округа Крипл-крик — всем, кого, это может касаться.

Мы запрещаем вам посылать письма и телеграммы, проносить и печатать речи, имеющие целью направлять, побуждать, поощрять каких-либо лиц к совершению одних действий, равно как отклонять, удерживать, отговаривать

* Американский суд, при помощи особого приказа («injunction»), может запретить те или иные действия любой организации или частному лицу. Нарушение такого «запрещения» карается судебным порядком.

этих лиц от совершения других действий.

Мы требуем и повелеваем, чтобы настоящее “запрещение” стало обязательным для всех, кого это может касаться после вручения его им, после объявления его им, после расклейки его в пределах данного города.

3 августа 1905 г. по Р. Х. и 129 года независимости Соединенных штатов ».

— Это четко сформулированное постановление, — сказал полковник, — я с особым удовольствием кладу в основу дальнейших действий военной комиссии по высылке.

— Изумительно... изумительно! — бормотал адвокат Ричардсон, потряхивая длинными волосами. Он стоял рядом с Крейном в толпе, перед ним было военно-судебное зрелище, еще невиданное ни одним адвокатом.

В сумерках Крейн один вышел на улицу. Прохожих почти что не было. Кучка штатских двигалась в кольце мундиров, — солдаты вели рабочих в тюрьму. Еще одна кучка штатских двигалась в кольце мундиров, — солдаты провожали штрейкбрехеров с работы.

— Простите...

Крейн столкнулся с женщиной, почти бежавшей навстречу. Она была в легком платье в этот холодный вечер и только плечи и голову кутала в шаль, как будто знакомую Крейну. Женщина раздвинула концы шали.

— Молли, вы?

Молли еще похудела. Крейн разглядел сухие губы и беспокойные глаза.

— Вы?.. — сказала Молли без всякого оттенка удовольствия, — откуда?

— Прямо из Денвера. И вот... — Крейн развел руками.

— Вы знаете все?

— Несчастье с вашим отцом...

— Это совсем не несчастье, — с неприязнью сказала Молли. — Неужели вам нужно объяснять?.. Это большая радость, что он понял...

На слове «радость» Молли сжала рот, будто удерживая рыдание. Они смотрели друг на друга.

— Крейн, я не знаю... но раз я вас встретила... — И вдруг бесповоротно: — Вы пойдете со мной.

— Молли, куда?

— Молчите. Идите за мной. Молчите. Это страшно важно — то, куда мы идем.

Молли задернула концы шали, как занавеску. Крейн невольно сдвинул кепи на переносицу, и это движение напомнило ему ночь, когда в чужих комнатах и коридорах он искал Джима Хорти, именем закона..

Молли быстро вела Крейна зигзагами коротких, цепляющихся друг за друга переулков.

— Тише теперь... как можно тише... Дайте руку.

Тонкая, жесткая от работы, холодная от волнения рука Молли взяла в темноте руку Крейна. Крейн довольно долго бился голенью о железные ступеньки; потом больно ударился о низкую притолоку головой.

— Как вы шумите! — сказала Молли с досадой.

Крейн скорее нащупал, чем разглядел характерный и неестественный беспорядок.

— А! Здесь был обыск...

Они спустились по двум или трем ступенькам куда-то, где стояли большие и непонятные в темноте предметы. Крейн водил по стене ладонью, отыскивая выключатель.

— Не надо, — сказала Молли. Она взяла Крейна за отвороты пальто. — Снимите.

Пальто Крейна повисло на оконной раме. Молли бросила на лампу темную шаль.

— Зажгите.

Они находились в небольшой типографии.

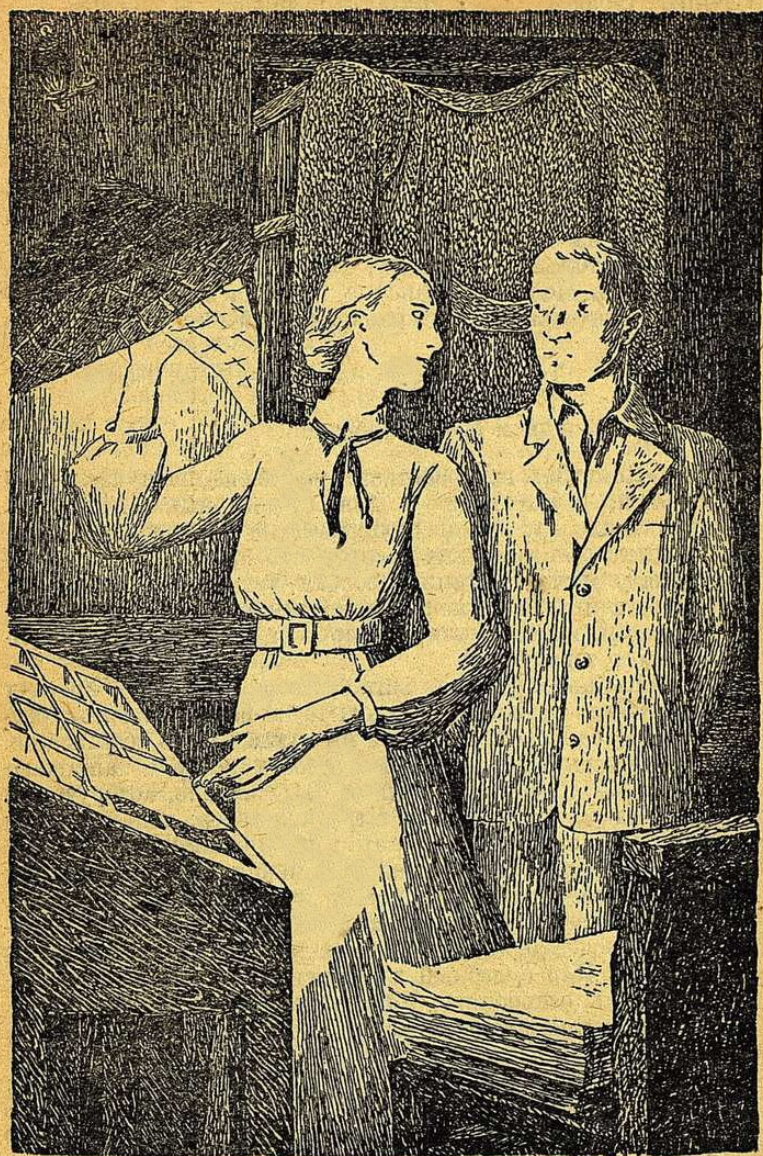
— «Виктор рекорд», — сказала Молли, осматриваясь, — как раз сегодня получил письмо Хейвуда из тюрьмы.

— Что здесь готовится, Молли?

— Здесь?.. Готовится номер «Рекорда», Крейн. Вы и я приготовим этот номер сегодня ночью, потому что наборщики разбежались. Я умею... немного.

— Бог мой!

Наборная касса покато стояла под лампой. В глубоких деревянных гнездах темнел спутанный шрифт.

Молли вложила верстатку в левую руку Крейна.

— Сверху большим пальцем, — вот так, — вы придерживаете подвижную стенку. Наш «Рекорд» будет в одну страницу и с ужасными опечатками, Крейн! Большим и указательным пальцем правой руки наборщик выбирает нужную литературу....

Крейн понял. Большим и указательным пальцем правой руки он ставил литеры справа налево. Готовую строку он выравнивал наборной линейкой. Десять-двенадцать набранных строк осторожно переносил на наборную доску. Они работали рядом. Молли поправляла, сердилась или кивала головой одобрительно. Они набирали письмо Хейвуда из тюрьмы:

Тюрьма графства Ада. Идаго, Боиз, 1 июля 1905 г.

Товарищи и братья-рабочие!

«Помните: вы работаете по двенадцати часов под землей, среди воды и динамитного дыма; в камерах таких низких, что двенадцать часов подряд нельзя выпрямить спину, таких тесных, что приходится держать лопату между ногами. Десятки лет вы работаете, подстерегаемые чахоткой и воспалением легких, взрывом, обвалом, наводнением, пожаром и смертью от электрического тока.

Помните: рабочие спят вчетвером на одной кровати и никогда не наедаются досыта, а фабриканты, одуревшие от барышей, советуют им откладывать сбережения.

Не верьте никому. Собственность, которую защищают суды, — это собственность богатых; жизнь, которую они охраняют, — это жизнь штрейкбрехеров; мир, который поддерживают войска, — это мир барышников.

Последние судебные запрещения предусматривают число стачечников, стоящих у каждой двери завода. Видал ли кто-нибудь судебный приказ, предписывающий хозяевам, сколько им выставлять стражников или скэбов? Или судебный запрет скэбам и стражникам запугивать, оскорблять,

убивать рабочих? Нет речи о том, где и в каком количестве должны стоять полицейские, когда они в нас стреляют.

Братья, я напоминаю вам о ненависти, — это все, что я могу сейчас для вас сделать. Боритесь; потому что вы не владеете здесь ничем, кроме вашей шкуры: все остальное в этом городе — и методистско-епископальная церковь в том числе — принадлежит Компании топлива и железа.

Билль Хейвуд».

— Молли, профессиональный наборщик делает пятнадцать букв в минуту. Кажется, я дошел до четырех.

— Хорошо. Я закончу одна.

— Молли?!

— Не спорьте. Мангон придет, если его не схватили. Он поможет. Вам надо идти.

Молли осторожно раздвинула полы пальто, висевшего на окне. Крейн под ее рукой наклонился к тонкой суконной щели.

— Смотрите, налево река... Видите, блеснуло. Еще раз... Крейн, они возвращаются.

— Возвращаются?

— Высланные. Многие решили вернуться, потому что сегодня будто бы уходят войска. Вот... вот... опять. Минутная заставу, понимаете... они спускаются в лодках. Если здесь неспокойно, вы остановите передовых. Вас знают. Идите.

Крейн оглянулся медленно, как человек, который хочет запомнить надолго то, что он видит сейчас. Под обвисшими крыльями шали горела лампа. Наборные доски лежали, залитые до краев тускло лоснящимся шрифтом; руки и волосы Молли были испачканы краской.

— Крейн, — сказала вдруг Молли, — вы из Денвера... Как вам кажется... этот процесс?..

— Молли, — сказал Крейн очень мягко, — право, у них не будет серьезных улик против Джима...

Молли быстро сдвинула брови.

— Я не спрашивала об этом.

Она опять смотрела враждебно.

— Вы еще раз не поняли. О, мне казалось всегда, что вам не хватает чего-то, или что-то в вас лишнее...

«Лишнее — это, должно быть, голубая карточка», — с насмешкой подумал Крейн. Он был раздражен. Он ушел молча, без пальто. Пальто, печально уронив рукава, качалось на окне «Виктор рекорда».

* * *

Площадь выглядела необычайно: между редкими деревьями и редкими фонарями люди стояли сплошной и тихой массой. Под фонарем Чарльз О'Нейл в коротком пальто раскуривал сигару. Спичка слабо полыхала у рта за темным щитком затянутой в перчатку ладони.

— Поймали... Крайне подозрительная личность, сэр, пробиравшаяся вдоль забора.

Кто-то больно ударил Крейна между лопатками и кто-то подставил ногу. Крейн споткнулся, его на лету подхватили за воротник и, встряхнув, поставили прямо.

О'Нейл рассмеялся сухо.

— Ах, вот кто... Мой дорогой, зачем вы пробираетесь вдоль заборов?

— К черту заборы! — Крейн был положительно груб. Эта цепь беспокойных случайностей страшно взвинтила его нервы, — лучше б они оставили заборы в покое и... и прогулялись к реке...

— Что такое?

— Ничего. Рудокопы возвращаются в лодках. Они вам закатят еще одну стачку за спиной генерала Белла.

Кажется, Крейн ничего не имел против этих рудокопов... Но не может же он молчать, когда его тащат по площади, как бродягу!

— Вы слышите, Веллс? — сказал О'Нейл в темноту. — Прекрасно, Крейн, прекрасно.

— Сэр, — Крейн смягчился, — я полагаю, это...

— ...Отнюдь не наемные бандиты, Крейн. О, нет! Это, — О'Нейл повел рукой, — напротив того, Союз граждан, то есть сто человек деловых людей, вооруженных до зубов и разделенных на взводы: например взвод Балкелея Веллса, управляющего копи «Смоглер», или взвод Антуана Геррона, директора Людвильского банка...

Веллс, широкий, со сплюснутым профилем профессионального боксера, появился под фонарем.

— Парень, кажется, прав. Разрешите четыре взвода к реке. Остальные займутся здесь.

О'Нейл на ходу обернулся к Крейну.

— Пока что берите ружье. Размяться перед сном — прекрасно!

У О'Нейла помолодел от удовольствия голос.

Слова команды выговаривались неслышно. Не было прямолинейных движений и военных отчетливых поворотов. Толпа на площади, как неживая, мягко разваливалась на куски. Взводы, сливаясь, спускались к реке; другие уходили в короткие радиусы улиц. Взвод Балкелея Веллса, управляющего копи «Смоглер», прошествовал мимо Крейна к низким деревянным домам на южной стороне площади. От взвода отпадали куски, прилипая попутно к крыльцу, к дверям и окнам низких домов.

Крейн остался у фонаря. Теперь он слушал, вытянув шею.

Оконная рама загремела под тяжелой рукой; двери трещали и стонали; за дверьми что-то падало и что-то катилось. Ни одного человеческого крика среди деревянных, стеклянных и металлических шумов. Казалось, бесполезную способность стонать и сопротивляться люди уступили неодушевленным предметам.

Крейн никогда не был трусом. Он мог бы размяться перед сном... Он входил бы сейчас в низкие деревянные дома, ружьем требуя молчания. Он мог бы поднимать сонных людей с постели; смотреть, как они под дулом неверными руками натягивают рубашку; гнать их в условленное место, откуда автомобили без огней повлекут добычу к поезду, уходящему за пределы штата. Крейн не был трусом, но он не взял предложенного ружья, чтобы провести эту ночь,

как следует американцу и мужчине. Он стоял один, страшно тоскуя в преступной тишине, за которой укрылась площадь.

Когда же над рекой слева стали стрелять часто и сильно, Крейн вдруг побежал, захлебываясь от непостижимого страха. Он бежал к дому на спуске в поселок рудокопов, где жил теперь в комнате Джима. Ему казалось, что пули у него за спиной с ужасающим разнообразием свистели, визжали, булькали, колотились сухо, звенели как разбитое стекло. В беспамятстве ему казалось, что дома ждет его Джим, что только веселый Джим, который знает, когда нужно брать ружье и в кого нужно стрелять, освободит его от путаницы и страха.

* * *

На столе горела лампа с прикрученным фитилем. В кровати Крейна лежал человек, укрытый одеялом Крейна; на спинке кровати висели зеленые в красную полоску носки.

Опять Сайлас!

— Ах, это вы, — сказал Сайлас, жалобно скрипнув кроватью, — невозможно уснуть в такой обстановке. Послушайте... что там такое?

— Там — Союз граждан. Каким вы поездом?

— Одиннадцать тридцать пять. Союз граждан... так я и думал. Хорошо еще, что ваша хозяйка меня узнала.

Крейн молчал.

— По-видимому я занимаю вашу кровать... — задумчиво проговорил Сайлас.

— Да, — сказал Крейн и, не раздеваясь, лег на подстилку, принадлежавшую Джиму Хорти. Он лежал на спине; его колени дрожали от быстрого бега и холода, проникавшего сквозь подстилку.

— Сайлас, вы спите, Сайлас?

— Нет, конечно.

— Я хотел вас спросить...

Крейн приподнялся на подстилке, сиюсь разглядеть Сайласа в перспективе четырех некрашенных ножек стола, за которым Джим Хорти недавно делил с ним ужин.

— Сайлас, что будет дальше?

— Ну, все, что бывает всегда: беспокойных вышлют. Лидеров повесят. Остальные притихнут; особенно если наша операция со стачечными пособиями...

— А дальше?

— Как вы любознательны! Дальше... мы сделаем то же самое в другом месте. Например, в графстве Болдер.

— Сайлас, а что буду делать я?

— Вы?.. Как будто это существенно!.. Вы будете служить в нашем агентстве. Конечно, если не сопьетесь, как знаменитый № 23, например.

— Кто это 23?

— Это был замечательный человек, Крейн, выдающийся человек по фамилии Джубертон. Он и еще двое ребят начисто разложили союз в Пессайке. Джубертон, между прочим, сочинил постановление, что местный отдел не может быть распущен, если в нем числятся хотя бы три члена. Через месяц в этом союзе действительно осталось три человека: те двое и Джубертон. Стаечный фонд в девять тысяч долларов, внесенный в банк на имя отдела, достался агентству без всяких хлопот.

— А Джубертону?

— Джубертону повысили недельный оклад с восемнадцати долларов до двадцати четырех.

— Он начал пить?

— Ах, ужасно! Мистер Бангс вынужден был вскоре его уволить.

— А я буду служить по-прежнему, Сайлас?

— Если не будет причин к увольнению, отчего же... Вы не без способностей, Крейн. Как знать, быть может, и вы достигнете двадцати четырех долларов в неделю.

Крейн опять лег на спину, теребя подстилку руками. Промежутки между выстрелами становились длительнее и чаще. В учащающихся промежутках Крейн с отвращением слушал сонное дыхание Сайласа.

Крейн заснул на рассвете. Ему приснилось, что маленький человек в кепи ведет его по плоскому, страшно тоскливому пустырю и говорит сердито: «Вот вам графство Болдер. Скорее, делайте ваше дело — за двадцать четыре доллара в неделю».

— Крейн, Крейн! О чем вы думаете? Двенадцатый час!

Крейн проснулся с усилием. Дверь была открыта на улицу, полную воздуха и солнца. Сайлас в шляпе, покачивая ногой, сидел на краю стола.

— Вы, должно быть, больны? Я успел обойти весь город.

— И что же?

— О, город спокоен как никогда. Но О'Нейл разъярен.

— Почему?

— Толстяк Порджери, видите ли, за утренним кофе читает газеты. Так вот сегодня в восемь с половиной ему подали номер «Виктор рекорда», который, как всем известно, перестал существовать вчера. Порджери тут же хватил удар. Он успел прошептать что-то по вопросу о кознях нечистой силы и опрокинул кофейник на скатерть. Врачи нашли положение серьезным. О'Нейл сегодня уже кричал, что шпионов, которые могли прозевать проклятую газетку, надо гнать! Потом стал кричать, что осчастливит всякого, кто раскроет ему эту штуку... Скажите, вам ничего не приходит в голову?

Крейн, растрепанный, в смятом пиджаке, с веками, распухшими от беспокойного сна, сидел на подстилке. Снизу он мрачно рассматривал покачивающуюся ногу Сайласа.

— Мне, — сказал Крейн, — нет, мне... ничего не приходит в голову.

— Еще бы, — согласился Сайлас, — тут даже я ничего не могу придумать.

Сайлас вздохнул.

ГЛАВА VI

АННА АДАМС

Конец стачки. — Поездка в Боиз. — Джорджи Киннер и его мать. — В тюрьме. — Завещание Хейвуда.

Город Виктор был спокоен как никогда, но стачка в этом городе продолжалась. В копиях и на плавильных заводах обученных и необученных рабочих, к великому ущербу компании, все еще заменяли штрейкбрехеры. Их привозили с Востока в мягких вагонах, среди них, по выражению адвоката Ричардсона, насчитывались все степени необученных честному труду.

Рудокопы, высланные за пределы штата, составили петицию губернатору. Союз граждан, — гласила петиция, — не пользуясь правами милиции или военного отряда, действовал против рабочих, как вооруженная толпа. Среди рабочих имеются раненые и убитые.

Комитет из представителей высланных рудокопов отправился в Денвер просить у губернатора аудиенции. Личный секретарь генерала Пибоди сообщил, что его превосходительство отсутствует. Тот же ответ во все часы дня, — на второй и на третий день. Еще двое суток ушли на бесплодные попытки вызвать губернатора к телефону. Зато, едва комитет покинул Денвер вместе со своей петицией, как генерал Пибоди отыскался вновь и стал доступен даже репортерам. Репортеры спросили губернатора, как он относится к комитету высланных рудокопов? Губернатор ответил, что не видел никакого комитета и поэтому ничего о нем не может сказать. Репортеры записывали ответ губернатора в большие блокноты. Было нечто успокоительное в скольжении репортерских карандашей. Однако стачка в округе Крипл-крик продолжалась...

Губернатор одной рукой опирался на спинку кресла, другой — на эфес шпаги; его левая нога, слегка согнутая в колене, прикасалась к полу узким носком сапога.

— Господа, покуда я губернатор, законы должны исполняться в Колорадо, и организациям, как например (— Не имеет ли он в виду Союз граждан? — тихо спросил один репортер другого), как например Западной федерации рудокопов, пора наконец понять, что им не будет позволено вооружаться, мобилизоваться, маршировать и демонстрировать свои силы в лодках или на суше — ни в г. Викторе, ни в каком-либо другом месте.

9 августа в Денвер приехал Вильфريد Редж. Он сидел в креслах губернаторского кабинета, раскинув перед камином длинные ноги, щурился и пощипывал бакенбарды. Губернатор, скрестив руки на груди, ходил по ковру большими шагами. Он думал о том, что стачка в округе Крипл-крик продолжается...

— Что касается комитета высланных рудокопов, — сказал Редж, — то мой служащий О'Нейл при случае поступил умнее (простите, ваше превосходительство...). Когда к нему в Людвиле явились рабочие делегаты, он посадил их в тюрьму через двадцать минут. Ему сказали: «Вы не имеете права сажать их в тюрьму». Он ответил: «Очень возможно, однако они в тюрьме». Это куда занятнее, чем прятаться под кровать (простите, ваше превосходительство...). А?

— Он так ответил! — губернатор поднес руку ко лбу. — Мистер Редж, вы мне подали мысль.

Вечером Редж написал записку О'Нейлу:

«Пришлось отозвать федеральные войска, которые, между прочим, обошлись компании в пятьсот тысяч долларов, не считая суточных генералу Беллу. Дурак Пибоди наконец догадался назначить вас командующим военными силами графства, а Веллса — помощником. Да благословит вас бог, дети мои.

В. Р.».

— Мое время принадлежит государству! — сказал Бал-

келею Веллсу О'Нейл, сворачивая трубочкой губернаторский указ. — В часы, когда я не стреляю в людей по обязанности председателя Союза граждан, я делаю это в качестве капитана милиции штата. Прибавьте теперь ко всему долг начальника местных военных сил...

Агент № 5. Отчет.

г. Виктор, штат Колорадо. 8 августа 1905 г.

Дорогой сэр,

Федеральные войска отбыли 4 августа. Члены исполнительного бюро и другие деятельные участники местного отдела ЗФР удалены за пределы штата, частью военной комиссией по высылке, частью собственными силами Союза граждан. Прочие забастовщики, высланные из домов, принадлежащих компании, разбили сначала палатки на пустыре, называемом «старым полем». О'Нейл направил туда муниципальную комиссию, которая признала местность антисанитарной и постановила очистить ее в течение суток. Забастовщики перешли на землю итальянского фермера Нери, после чего компания немедленно предложила Нери пять тысяч долларов за его участок, оцениваемый в тысячу долларов.

По приезде в Виктор я сразу занялся делами «комитета вспомоществования забастовщикам». Стаечные пособия, удачно раздутые Крейном, оставалось одним ударом довести до голодного минимума. Ответственность нетрудно свалить на Хейвуда, который перед своим арестом действительно обратил внимание на непомерно высокие счета из Виктора.

В семь часов тридцать минут началось собрание, посвященное выплате пособий. Крейн не пришел, так как сильно простудился, принимая участие в известной вам ночной экспедиции Союза граждан. Я вел собрание как приезжий из центра. Для начала я, сославшись на Хейвуда, заявил, что женщины ничего не получают. Одна из них с бранью покинула зал и за ней еще семь работниц. Та же сцена повторилась с несколькими подростками. Одному рабочему было отказано в пособии на том основании, что он не посещал собраний. Он назвал выборных мошенниками и заявил, что знает еще четырнадцать человек, которые сегодня же станут на работу. Во время чтения новой урезанной сметы по-

собий Джо Ольден, по обыкновению пьяный, стал кричать, что Хейвуд всегда разыгрывал диктатора и что все «настоящие парни» вздохнут наконец свободно, когда Хейвуда повесят в Боизе или в каком-нибудь другом месте.

В этот момент очень кстати появился маленький Вонзен, агитатор из АФТ. «Всякому ясно, — заявил он, — что Западная федерация завлекла рудокопов в бездну гибели». Сюлливан крикнул ему, что погубила всех АФТ, сорвавшая всеобщую стачку, но большинство, кажется, было на стороне Вонзена.

Я уверен теперь в успехе, потому что после ареста лидеров и высылки наиболее стойких членов союза на местах остались запуганные люди или бездельники вроде Ольдена. Притом стачечный фонд федерации совершенно опустошен нашей политикой разорительных пособий; они держатся только отчислениями пятисот рудокопов из копи «Портланд». Там не бастуют, потому что владелец Варне не снижал заработной платы и обычно пользуется союзным трудом. Подробности может сообщить № 18, который работает у Барнса.

Стачка в округе Крипл-крик кончится, как только копь «Портланд» перестанет существовать по тем или иным причинам.

С совершенным почтением
№ 5.

Агент № 18. Отчет.

г. Крипл-крик, штат Колорадо. 8 августа 1905 г.

Дорогой сэръ,

Я приехал в Крипл-крик, потому что клиенту Барнсу хотелось узнать, как здесь смотрят на дела копи «Портланд».

Двенадцатого с утра по городу разнеслись слухи о происшествии на станции «Индепенденс». Динамитная бомба взорвалась в то время, как группа несоюзных рудокопов собиралась занять поезд Флоренция* — Крипл-крик. Тринадцать человек убито, многие ранены.

* Флоренция — маленький городок в штате Колорадо.

Я тотчас же отправился на вокзал Флоренция — Крипл-крик. Толпа, состоявшая главным образом из местных торговцев, не-союзных рабочих и скэбов, поджидала поезда с телами убитых. Убитые рудокопы разорваны на бесформенные куски. Секретарь Ассоциации владельцев Клеленд взобрался на вагонетку, чтобы говорить с толпой. Я полагаю, что речь будет сначала о поимке преступников, но он закричал сразу: «Граждане Крипл-крика, уничтожил федерацию до самых ее корней!» В ответ неизвестные мне лица в толпе стали кричать: «Идем в Портланд и вы-тащим эту шайку! Союз — это как раз та падаль, с которой нужно поскорей развязаться!» После этого они быстро разгромили союзные лавки и помещение клуба, где, между прочим, на доске появилась надпись:

*КАЖДОГО ЮНИОНИСТА
ОЖИДАЕТ ИЗГНАНИЕ ИЛИ СМЕРТЬ*

Союз граждан.

Я ожидал, что копь «Портланд» тоже будет атакована и собственность пострадает, поэтому я поспешил переговорить о клиентом по телефону.

До самого вечера солдаты и вооруженные граждане занимались доставкой юнионистов и сочувствующих союзу в тюрьму, устроенную в танцевальном зале арсенала. Как только я там показался, меня пригласили в охрану и посоветовали убивать каждого члена союза, позволившего себе не согласиться со мной по какому-либо вопросу.

Вечером в военном клубе состоялось собрание собственников копей, управляющих и видных граждан. Там много говорилось о копии «Портланд» и о шерифе Робинзоне, который в присутствии репортеров сказал: «Странно все-таки, что ЗФР решилась скомпрометировать себя ради совершенно ненужного ей убийства нескольких рабочих, не состоящих в союзе». Робинзона привели в клуб. Когда он отказался сложить с себя обязанности шерифа, ему показали веревку. Охотники отправились расчищать для виселицы место, прилегающее к арсеналу. Шериф Робинзон подумал немного и подписал отставку. Его должность передана одному из хозяев копии Эль-Пазо.

Ночью я через каждые полтора или два часа звонил в «Коло-радские источники» клиенту. В последний раз я позвонил в семь часов утра, уже после того, как здесь появился приказ Ч. О'Ней-

ла, временного командующего военными силами графства, о немедленном закрытии копи «Портланд» — «последнего оплота динамитчиков, поджигателей и убийц». О'Нейл заявляет в приказе, что в числе других пунктов военного устава он намерен настаивать на пункте сорок пятом: «Всякий, кто помогает неприятелю деньгами, съестными припасами или одеждой, подвергается к смертной казни или другому наказанию, установленному военным судом».

Клиент Барнс в отчаянии. Он не ожидал, что заигрывание с союзными рабочими заведет его так далеко. Завтра отсюда отправляются в Индепенденс и Портланд за всеми агитаторами и членами союза.

С совершенным почтением
№ 18.

* * *

В дрожащем и скудном свете вагона Крейн перечитывал инструкцию Мак-Парланда:

«...19.VIII с утра вы поступаете в распоряжение Кери (18. VIII он встретит вас в Боизе на вокзале)...» — Крейн пропустил несколько строк — «... после чего вручит вам документ такого значения, что его пересылка не может быть доверена почте...» Крейн сунул инструкцию в карман и еще раз вытащил из кармана письмо, которое оставила Молли.

«Жаль, что я вас не застала. Кроме вас нет никого. Мак-Парланд громко хвастает, что у него в руках поразительные новые доказательства. Хейвуда и других — надо предупредить. Восемнадцатого еду в Боиз. Машинист Крафт жил там два года в номерах у старухи Киннер. Ее сын Джордж Киннер — младший надзиратель в тюрьме. Киннер — не то добрый мальчик, не то продажный, — а вернее то и другое. Хейвуд у него в отделении. Крафт дал мне письмо. Если случится что-нибудь важное, я вызову вас.

М.»

— Какая путаница, — утомленно бормотал Крейн, и его голова качалась и подпрыгивала на деревянной обшивке. Поезд наполнил его тело движением, тряским и успокоительным, потому что оно не требовало усилий..

— Какая адская путаница... Молли... скорее всего, она тем же поездом...

Со ступеньки вагона Крейн увидел сразу серый перрон с беспокойной толпой приехавших и встречающих; вход в контору начальника станции, два продолговатых пакгауза; на запасных путях — разноцветные вагоны. С точностью, которую ценили в агентстве, Крейн отобрал взглядом то, что ему было нужно. Слева по краю перрона равнодушно прогуливался джентльмен в серой шляпе — Кэри! Справа из третьего от Крейна вагона третьего класса, озираясь, выходила Молли с маленьким примятым саквояжем в руке. Крейн сигнализировал влево: «Не подходите. Опасно!», свернул вправо и догнал Молли у выхода; улыбаясь, он взял из ее руки саквояж. Молли резко вздрогнула.

— Крейн? Вы? Почему?

Крейн разжал на мгновение руку с ее запиской, смятой и прилипшей к ладони. Он предъявил ей записку, как билет, дающий право занять соседнее место.

— Почему же? — повторила она.

— Потому что нехорошо, когда женщина борется, а мужчина.... смотрит со стороны.

Крейн подумал: сейчас она сдвинет брови...

— Киннеры живут у вокзала, — сказала Молли, не сдвигая бровей, — кажется, здесь.

Они стояли перед деревянным, потрепанным домом. Молли протянула руку к саквояжу и медленно отвела обратно.

— Где вы ночуете?

— Не знаю.

— Крейн, вам нужно остановиться у Киннера.

— Но... но.. — Крейн выглядел беспомощно, — в письме обо мне ни слова, и наконец — эти люди, что они могут подумать?..

— Все равно, — Молли спокойно приложила руку к звонку. — Впрочем, Крафт говорил, что Мэг Киннер помогает всем и никому не задает вопросов.

Старуха Киннер, быстрая и узловатая, с прямыми прядями позеленевших от седины волос, — молча прочитала письмо; молча посмотрела на Молли, потом на Крейна.

— Два номера, мистер? Хорошо, хорошо, нынче освободились... Знаю, знаю, мисс, вам нужен Джорджи Киннер. У него ночное дежурство, у Джорджи Киннера, мисс. Потерпите, красавица, потому что в жизни нет ничего лучше терпения. Старая Мэг кое-что знает об этом.

В комнате Молли была кровать, умывальник, стол и два стула. Рядом, за дощатой перегородкой — комната Крейна. Молли села, не снимая пальто.

— Крейн, я никогда не относилась к вам хорошо, вы знаете...

Крейн, пригнувшись к столу, ногтем чертил по дереву мелкий узор.

— Потом я вдруг поняла: стачка погибла; все высланы или в тюрьме — мой старик, Гейс, Смит, Мангон... Остались одни эгоисты и трусы. И — вы и я. Я думала всю ночь и тогда написала вам про Боиз. Я решила, что вы все должны знать, потому что нас теперь двое, чтобы попробовать спасти Хейвуда.

— Хейвуда, — сказал Крейн. Он невольно повторил имя, но Молли казалось, что он задал вопрос. Она побледнела.

— Да, Хейвуда, который здесь страшно нужен. Я хочу сказать, Хейвуда — прежде всего, потом... других. Крейн, подумайте, на вас куртка совсем такая, как раньше была у Джима. И даже заплатата...

— Это старая куртка Джима. — Крейн провел пальцами по рукаву, — и заплату на локоть поставили вы... Я ношу ее с тех пор, как оставил пальто на окне...

— Крейн, хорош был наш «Рекорд», — правда? Они до сих пор кусают пальцы от злости. А ваше пальто — я его унесла оттуда.

— Безумие! Если бы только вас задержали в ту ночь...
Какая улика, Молли!

— Да. Но если бы в эту ночь в типографии «Рекорда» нашли ваше пальто...

— Я не подумал об этом, — Крейн стоял уже на пороге,
— я не подумал, Молли, — спасибо.

В комнате Крейна одним стулом меньше и, кажется, отсутствовал умывальник. Во всяком случае, там была кровать, потому что на кровать Крейн повалился сразу.

— Хорошо... Он не сказал им, кто отпечатал письмо Хейвуда из тюрьмы. Под предлогом простуды он не пришел на последний разгром союза. Что он мог сделать еще — не ехать в Боиз? О, если они заподозрят, — не измену даже, а только усталость... если только они заподозрят!.. Что еще? — Ехать, скрываясь от Молли? Скрываться под ударами неисчерпаемых случайностей, бросающих нас на путь человека, которого мы хотим избежать! Молли — это почти так же страшно, как Сайлас. Сайлас и Молли — они его стерегут, еще не зная зачем... Какая жестокая путаница!

Крейн жил когда-то не ошибаясь и не боясь, как должен жить американец и мужчина. С тех пор, как он носит голубую карточку в кармане, он научился бояться будущего и своих мыслей и человеческого взгляда; и вот теперь он боится женщины... Проклятье!

Крейн прижал горящую голову к холодной и грязной подушке.

— Все скоро кончится, потому что продолжаться не может... От этой мысли стало легко. Он заснул.

Крейн, стряхивая утренний сон, вбежал в комнату Молли.

— Вы звали?

— Тише...

Виском и ладонями Молли прижималась к дощатой стене. За стеной слышался плач, вздохи и жалобный женский голос.

— Ох, несчастный мой муж!.. Сами они теперь говорят... этот человек, — говорят они, — ни в чем не виновен. Ох, мистер Киннер, почему же, почему же, если он не виновен...

Рыдания.

— Не виновен! — жестким голосом сказала Мэг Киннер, — ну, это, голубушка, не основание для того, чтобы выпустить человека из тюрьмы.

— О, бедный Стефан!.. Вы так добры, мистер Киннер... Если бы только как-нибудь смягчить мистера Мак-Парланда...

— Вы слышите, — Молли стиснула локоть Крейна, — второй раз — это имя!

— ...И подумать только о тех, о других невинных, которых несчастный мой муж...

— Видит бог, — перебил низкий мужской голос, — видит бог, Анна Адамс, я делаю все, что могу. Завтра я вас отправлю домой. Очень возможно, что с вашим мужем не случится ничего дурного.

Анна Адамс плакала.

— Матушка, — с оттенком отчаяния проговорил мужской голос, — потолкуйте вы с ней. Что я могу? И... и приютите ее до завтра. Держали женщину в тюрьме неизвестно зачем, а потом сразу — на улицу! Разве можно?..

— Завтрак тебе приготовлен внизу, Джорджи Киннер, — сказала старуха.

Когда Молли вошла, Мэг Киннер у стола быстро перетирала посуду. В углу сидела женщина, закрыв руками лицо.

— Миссис Киннер, — сказала Молли спокойно, — я кое-что слышала, потому что здесь очень тонкие стены... Я только хочу сказать, миссис Киннер, что моя комната как раз хороша для двоих...

«Как она неосторожна», — за стенкой подумал Крейн.

Он не знал, что в это мгновение Молли, поверх своих слов, смело смотрела в прищуренные глаза Мэг Киннер, и старуха, минуя слова, одобрительно постучала ногтями по дну опрокинутой чашки.

Молли отвела осторожно желтые руки Анны Адамс от ее худого заплаканного лица. Она подняла ее, обхватив за плечи, и, обнимая за плечи, увела с собой.

— Сядьте. Этот человек — мой друг, его не надо бояться. Не плачьте. И расскажите мне все. Говорите тихо. Не плачьте. Я хочу вам помочь.

Лицо женщины стало тверже.

— Я верю вам, мисс... Я расскажу... — Она замолчала, опять оглядываясь на Крейна.

— Вам все-таки лучше уйти, — тихо сказала Молли.

Крейн взглянул на часы и ужаснулся. Кэри! Жаль расстаться с Анной Адамс, но Кэри!

В холле Джордж Киннер, крупный, расплывшийся человек, надевал, отдуваясь, пальто.

— А!.. Постойте... Вы и есть тот, который приехал с молоденькой мисс? Матушка мне рассказала... Так вот, — свиданий, понимаете, никаких; пока даже адвокату. Знаю, знаю, — жених, но что я могу! Если б жених по крайней мере был аферист или взломщик. А с тех не спускают глаз. Жаль, жаль... Как же, я понимаю — любовь... Ну вот, опять опоздал...

На повороте в переулок Киннер махнул рукой. Крейн приступил к поискам гостиницы, в которой остановился Кэри.

* * *

— Для того, чтобы повесить гражданина Соединенных штатов, — сказал Кэри, захлопывая дверцу экипажа, — требуется не менее двух свидетельских показаний. Сейчас мы... настоятельно советуем одному человеку... подтвердить некоторые данные... Как только соответствующая бумага будет подписана, вы отвезете ее мистеру Мак-Парланду.

— А если он не подтвердит?

— Знаете, на месте Адамса я подтвердил бы все, что угодно, ради того одного, чтобы меня посадили в другую камеру.

«Ах, Адамса... — подумал Крейн, — так вот что такое Анна Адамс!..»

Вслух он сказал:

— Должно быть, в этой камере сыро, сэр?

— Возможно. Во всяком случае, в этой камере — Гарри Орчард.

Вежливый человек с короткой резиновой дубинкой вел Кэри и Крейна через двор, по лестницам и коридорам. Крейну казалось, что воздух не проникает сквозь небо, стоящее над тюремным двором. По коридору через каждые восемь шагов — дверь, вдавленная в стенку. С каждой дверью, ощущение удушья росло, быстро приближаясь к галлюцинации. Крейну казалось теперь, что за каждой дверью человек бьется и дышит раскрытым ртом, как рыба, вытасченная на сушу.

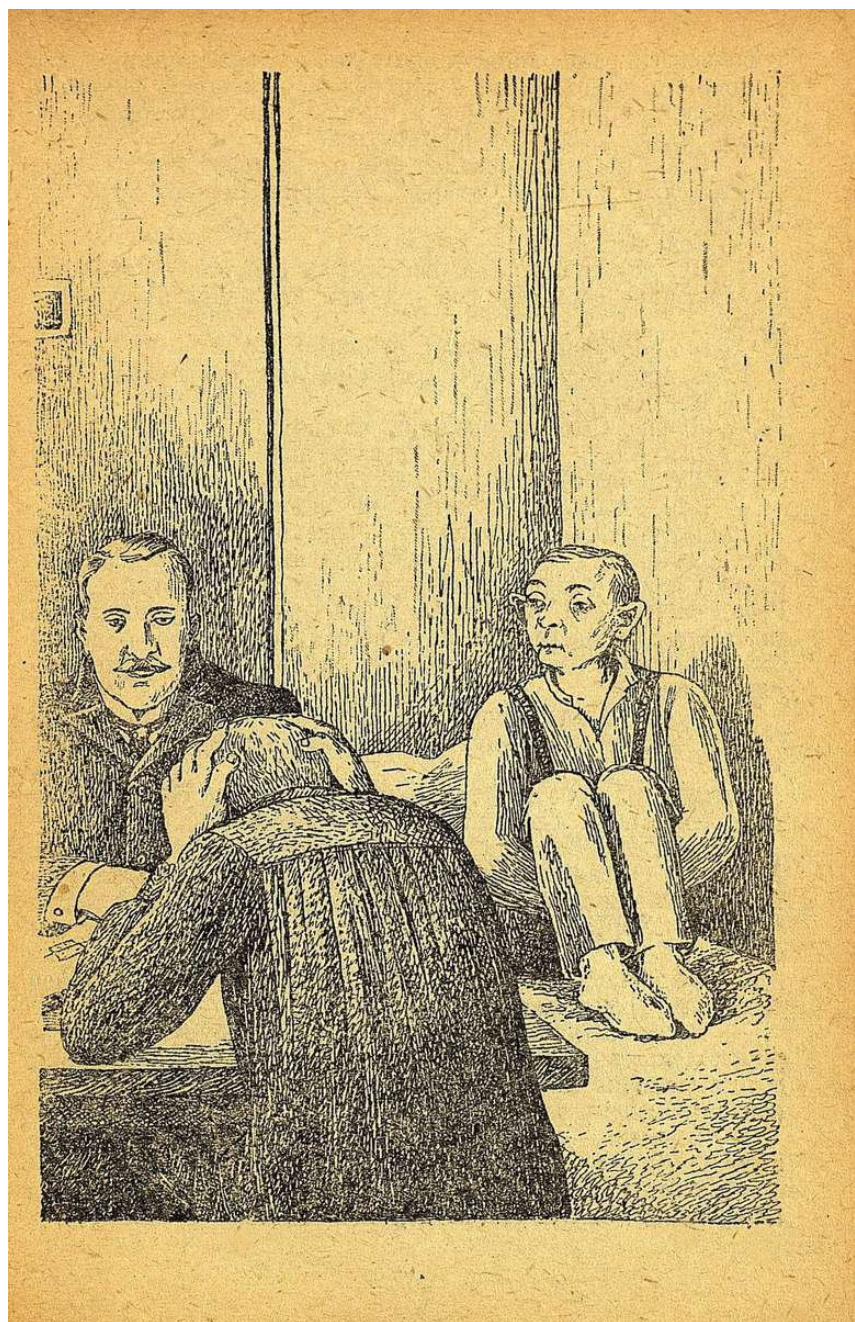
— Вы будете молчать, — шепнул Кэри, — и сядете в самом темном углу.

В камере скудный электрический свет неприятно смешивался с дневным светом, затемненным решеткой. На койке, свернувшись, лежал человек. У стола сидел другой — рыжеватый, лет сорока, в синей блузе. С выражением мучительной, сумасшедшей растерянности он следил за движениями вполне приличного джентльмена с портфелем. Владелец портфеля помещался за тем же столом и говорил голосом человека, которому давно наскучило повторяться.

— Итак, мы возвращаемся еще раз к тому, что в салуне вы подсели к столику Орчарда. Вы припоминаете даже, что заказали себе...

— Сода-виски, сэр, — как же...

— Ну, вот видите: сода-виски. Вам остается припомнить последующий ваш разговор с Генри Орчардом. Подумайте, Адамс.

Адаме послушно обхватил ладонями лоб.

Кэри пригнулся к плечу джентльмена с портфелем.

— Как дела, Гудинг?

— Лучше. Сегодня, пожалуй, кончим.

Стефан Адаме поднял посеревшее лицо. С левой стороны глаз и щека быстро и мелко подергивались.

— Нет, — сказал он тоскливо, — не помню я этого... не могу...

Койка протяжно скрипнула. Лежавший встряхнулся и сел, поджав ноги. Это был очень маленький человек с большими ушами, срезанным лбом и беззубой челюстью идиота. Крейн ощутил знакомую тошноту еще прежде, чем понял, что знает этого человека. Орчард — негодяй с лошадиной подковой, уродец на рельсах железной дороги Чикаго — Барлингтон — Квинси!

— Ну-ка, Гарри, мой мальчик, — поощрительно сказал Гудинг, — напомните ему хорошенько этот самый ваш разговор.

Орчард голубоватыми глазами уставился на соседа по камере; левая щека Адамса задергалась быстрее.

— Как же... Тебе еще, старина, принесли твое сода-виски. Тут я и сказал: «Присоединяйся, старина, — сказал я, — Билли Хейвуд тебя не обидит. Нынче же, — я сказал, — столкуемся с Хорти»... Только ты струсил, Адамс. Видит бог, струсил...

Гарри Орчард покачал головой. Он говорил туго, огромной челюстью прожевывая слова.

— Расчет простой, — сказал Кэри, — вас будут судить за укрывательство, если вы подтвердите показания Орчарда; если вы станете их отрицать, вас все-таки будут судить — по всей вероятности, за убийство.

— Заметьте, — добавил Гудинг, — губернатор не любит шутить.

Он вынул из портфеля аккуратно переписанный лист, на котором недоставало только подписи Адамса.

— ...с тех пор он все хворал и хворал, так что пришлось наконец уйти с рудника. На наше несчастье, мисс, мы то-

гда и перебрались в Идаго, на ферму к дяде Стефана. Он был арендатором у покойного мистера Стейненберга. После смерти генерала сыщики вдруг увезли Стефана сюда и заперли вместе с самим убийцей, с ужасным тем человеком, уродом, который раз приходил к нам на ферму. И несчастный мой муж стал как бы мешаться в уме. Он плакал и требовал, чтобы его оставили одного. Тогда сторожа раздели Стефана и заперли в камеру одного бедняги, которого накануне только повесили. Стефан очень испугался. Он сразу подумал, мисс, что с ним тоже случится неладное. Он совсем не спал и опять просил надзирателя. Тогда его отвели обратно к тому и опять стали мучить... Потом сыщики вдруг забрали в тюрьму меня и двоих наших детей, — и Стефану иногда разрешали приходить к нам в женское отделение, мисс... Он был уже очень плох, все повторял, что боится за нас и что ему велят говорить на суде про Хейвуда и еще про одного человека... Потом, мисс, один толстый начальник увидел меня и сразу на всех рассердился. В тот же день детей отдали тетке, а меня вот выпустили... Нынче я попрощаюсь с мужем...

Стоя, стиснув руки и зубы, Молли слушала рассказ Анны Адамс.

— Только не надо меня обманывать, да? Я хотела бы знать... все самое страшное, чем это может кончиться, мисс...

— Самое страшное... Хорошо... Это может кончиться тем, что он станет клеветником и убийцей невинных.

— Ох, что вы!.. Бедный мой муж, он только боится...

— Все равно, — жестко сказала Молли, — он поступит как честный человек... если он даже боится. Вы поможете ему, миссис Адамс.

Молли достала из саквояжа пузырек чернил, бумагу, перо.

— Потом, я вам обещаю, для вашего мужа мы сделаем все, но сначала вот это...

«Удостоверяю, что мое показание против лидеров Западной федерации рудокопов составлено сыщиком Мак-Парландом и Гарри Орчардом, вымышленное имя которого

Том Гоган. Я подписал его, потому что мне угрожали виселицей и губернатором.

Свидетельница:»

— После слова «свидетельница» вы впишете ваше имя. Пустое место над этой строкой оставлено для подписи: «Стефан Адаме».

* * *

— «Стефан Адамс...» — с удовольствием прочитал Кэри, — подумайте, сколько хлопот ради одиннадцати каракуль!

Они стояли теперь в коридоре, перед дверью в камеру Орчарда. Кэри протянул Крейну аккуратно переписанный лист с кривой подписью в правом нижнем углу.

— Кэри — ученик своего учителя! — скажите это мистеру Мак-Парланду. Ступайте. К Адамсу сейчас придет прощаться жена. Пропуск при вас? Так. Прямо и налево.

Нащупывая двумя пальцами пропуск в жилетном кармане, Крейн задумчиво шел по направлению прямо и направо. На втором повороте ошибка в направлении столкнула его с высоким грузным мужчиной, который взмахнул руками в испуге... Киннер!

— Черт возьми... — прошелестел Киннер.

Крейн стоял, соображая: Орчард в другом отделении... значит — можно рискнуть.

— Однако... — шептал Киннер.

— Предположите, что я навестил приятеля, мистер Киннер...

Если он заинтересуется фамилией, — соображал Крейн, — я скажу, что фамилия — Стимпсон.

— По какому делу?

— Так. Он разошелся во взглядах с одним парнем. Несговорчивым людям, мистер Киннер, не следует иметь ножей, за исключением, конечно, столовых.

—Конечно. Слушайте... — Киннер животом прижал Крейна к скользкой стене. — Приятель —вздор! Вы хотите повидать *тех*, отчаянный вы человек!.. Так вот, нынче женится старший надзиратель. Это не каждый день случается... Согласитесь сами. Все-таки я рискую ужасно, — согласитесь...

Крейн молча вытащил из кармана пятнадцать долларов; в кармане оставалось еще пять. Джорджи Киннер зажал бумажки мягкой рукой.

Еще два поворота по коридору — и Киннер нагнулся над замком. В грубой обшивке двери темнел открытый глазок. Крейн вдруг придвинул лицо. Он увидел узкую камеру, койку под бурым одеялом, стол, огромную спину и светлый затылок сидящего за столом человека.

— Ах, вот что!.. Почему он все время готовился к встрече с Джимом, непременно с Джимом? Какое затмение! Почему он не предвидел возможности...

Киннер мягко втолкнул Крейна в камеру.

— Я за вами приду.

Табурет, треща, описал полукруг, и Хейвуд теперь прямо сидел перед Крейном. На низком табурете тяжело осело туловище Большого Билля. Пожелтевшее лицо было мрачно. В холодной с мокрыми стенами камере Хейвуд широко расстегнул на груди рубашку, облегчая дыхание. Он тускло смотрел на вошедшего; потом лицо вдруг напряглось, передернулось быстрым током воспоминания, помолодело. Хейвуд встал, уронив табурет.

— Крейн... Славно! А я думал — опять какой-нибудь шпик, подлец... надоели... хотел придушить на месте.

Хейвуд замолчал вопросительно

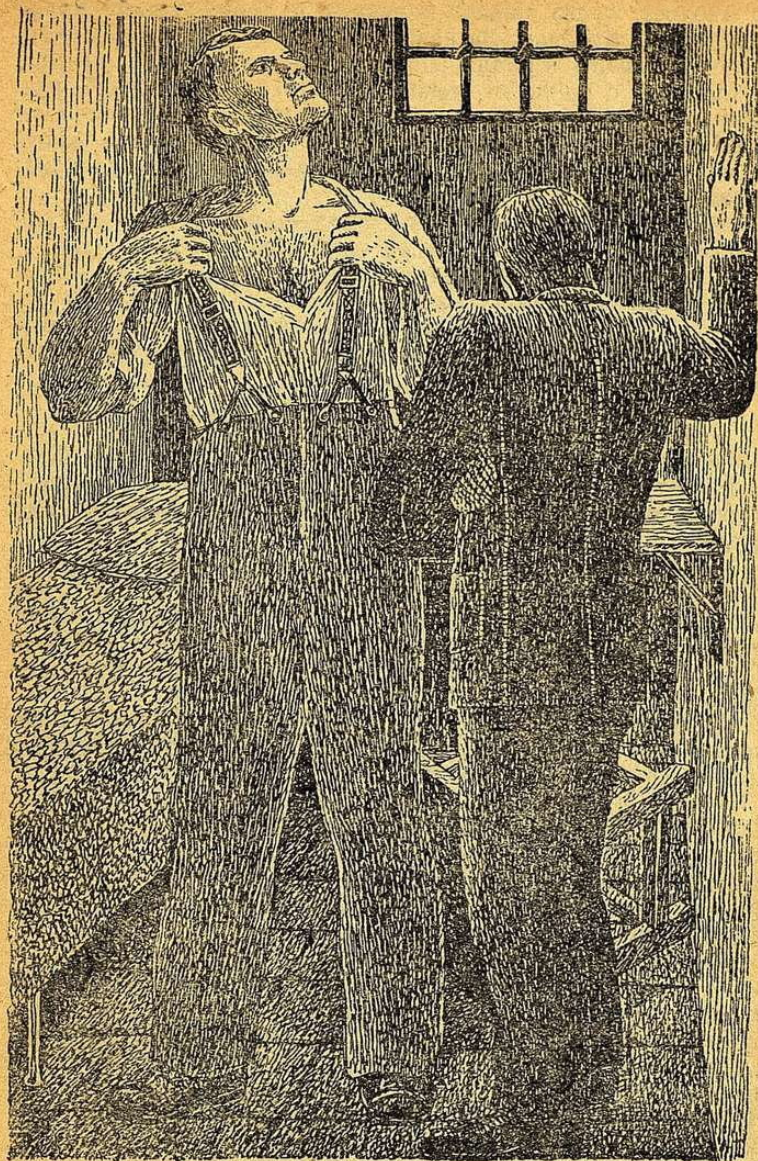
— Киннер, — сказал Крейн.

— А, он сговорчивый малый. Расскажи об всем. О'Нейл упорствует?.. А «Портланд»?.. Углекопы?.. Стачный комитет?.. Я ничего не знаю.

— Вы не знаете, что...

— Ничего... Говори же.

— Стачка сломлена, — сказал Крейн и увидел, как Хейвуд большими жесткими пальцами взялся за углы рас-

стегнутого воротника. Рубашка с тихим треском рвалась, обнажая грудь.

— Сломлена... кем?

— Ужасное стечение обстоятельств: ваш арест; АФТ; федеральные войска и — конец всему — на станции Индепенденс бомба, брошенная в несоюзных рабочих. «Портланд» закрыли. Тысяча шестьсот человек арестовано, двести пятьдесят выслано, сорока двум предъявлены обвинения.

Крейну казалось теперь, что он — человек, толкающий камень в гору. Тяжесть, предназначенная для Хейвуда, скатывалась обратно и жестоко ложилась на грудь.

— Кто бросил бомбу?

— Следственные власти признали, что «члены и должностные лица Западной федерации рудокопов несут ответственность за взрыв на станции Индепенденс».

— Франк Стейненберг... несоюзные рабочие... Какая игра! Стачка продана, Крейн, и задушена кровью.

— Ваш процесс... — начал Крейн.

— Мой процесс, — Хейвуд быстро поднял голову, — мой процесс хорош тем, что он освежит ребят. Напоминание и предупреждение — вот что такое мой процесс. Передай всем, что «Дело Билля Хейвуда» надо сделать как следует. Передай еще, что я хотел бы вернуться, — со мной у вас больше толку. Но только я не вернусь: в мою виселицу вложены деньги Реджа и энергия Мак-Парланда. Меня повесят, мальчуган. И потому я хочу сделать свое завещание.

Хейвуд близко придвинулся к Крейну.

— Стачка продана... Я узнаю работу. Найдите — и уничтожьте... Жизнь все-таки — большое удовольствие, Крейн, и пинкертоновцы его не заслуживают.

У самых глаз Крейна стояло лицо с замкнувшимся веком, чрезмерно большое и грозное. В глазах и в мозгу Крейна неслись какие-то быстрые волны и круги. Невозможное желание поднималось к горлу, готовое проступить словами, смысл которых был еще неизвестен. Крейн не слышал, как дверь отворялась, осторожно звеня железом, но, когда Киннер взял его за плечо, он очнулся — в поту, с расслабленными коленями. Он только что понял, что хотел сказать

Хейвуду — все. Что стоило Киннеру запоздать на мгновение...

«Я, должно быть, сойду с ума», — подумал Крейн.

В последний раз Хейвуд сжал его руку.

— Я тебя назначаю душеприказчиком.

В меблированных номерах Мэг Киннер Крейна ожидала записка.

«Я не могу вас ждать. Я отказалась от мысли добиться свидания. У меня в руках документ, который немедленно нужно отвезти Ричардсону.

Молли».

Старуха Киннер просунула голову в дверь.

— Она уехала час тому назад, мистер.

— А Анна Адамс?

— Анна Адамс тоже уехала. Она уехала, мистер, но сперва она попрощалась с мужем.

Старуха захлопнула дверь.

ГЛАВА VII

ПРИЗНАНИЕ

Важное поручение. — На трибуне. — «Мы постараемся вас развлечь». — Стенографистка.

Агент № 43. Отчет.

г. Виктор, штат Колорадо, 24 августа 1905 г.

Дорогой сэр,

Смит сказал мне вчера, что в чикагский «Фонд защиты представителей труда» поступило уже двести тысяч долларов. «Голос рудокопа» пишет в последнем номере: «Если бы для нашей цели

понадобился миллион, — мы собрали бы миллион, не задумываясь». Из- адвокатов по-прежнему называют Дарроу и Ричардсона. К началу процесса в Боиз следует ожидать большого наплыва разных лиц, и в том числе членов союза, высланных за пределы Колорадо.

В Викторе — ничего достопримечательного, если не считать, досадного происшествия с Д. К. Сайласом, агентом 5. Частыми посещениями телефонной станции (что, между прочим, противно инструкции) он возбудил подозрительность рабочих. Им удалось установить, что его соединяют с Гавкинсом, директором завода «Стандарт». К счастью, никому, не пришла в голову мысль о нашем агентстве; его просто сочли наемником администрации и приказали убратись как можно дальше. Я приехал как раз из Идаго и на вокзале встретил толпу, провожавшую Сайласа к поезду. Сначала они хотели обойтись без шума, но не выдержали и немного избили его после первого звонка. Чтобы не подать повода к подозрениям, я, со своей стороны, был вынужден, сэр, ударить его раза два или три довольно сильно. Рабочие полагают теперь, что они восторжествовали над администрацией.

С совершенным почтением
№ 43.

— Крейн, — сказал Мак-Парланд, — я опять вызвал вас в Денвер, потому что случилось несчастье. Я не говорю уже о неудачах и неприятностях вроде смерти моего стенографа или неприличной истории с Сайласом (его пришлось спешно отправить в Чикаго), но сверх того случилось несчастье...

«Он все-таки очень стар», — подумал вдруг Крейн, разглядывая толстые усы и морщины управляющего Денверской областной конторой.

— ... замечательный документ, добытый моим учеником Кэри и доставленный вами...

— Похищен, сэр?!

— Нет, он не похищен и никогда не будет похищен, потому что он в высшей степени бесполезен.

— О?!

— Да. Я получил показание Адамса 21 августа. 20 августа стряпчий Ричардсон получил его противоположение. Эту бумажку, в которой меня выставляют клеветником, Адамс, по-видимому, успел передать жене на последнем свидании. Инспектор Гудинг — осел! Он не переставал уверять меня в том, что Адамсы, муж и жена, вполне безобидные животные. Теперь Ричардсон достает для Адамса приказ Habeas Corpus. Крейн, вы уяснили себе значение того, что произошло?

— Я полагаю, сэр, это будет использовано?

— Это несомненно будет использовано. Бумажку, изображающую меня клеветником и фальсификатором, опубликуют в «Голосе рудокопа». Это скандал! Но то, что накануне процесса мы остаемся без свидетеля обвинения, без драгоценного второго свидетеля, — это уже катастрофа!..

(Пауза).

— Крейн, в короткий сравнительно срок вы оказали агентству значительные услуги. Вы провели операцию со стачечными пособиями; вы предотвратили попытку стряпчего Ричардсона изъять обвиняемых из рук правосудия; вы помешали незаконному возвращению высланных рудокопов... Короче говоря, вы заслуживаете того, чтобы агентство занялось вопросом о вашем будущем, Крейн.

«Ах, опять будущее...» — подумал Крейн холодно.

Мак-Парланд потянул к себе через стол серую папку с большим черным «43» на обложке.

— Ваши отчеты... В первом из ваших отчетов описан вечер в доме забойщика Гарпера. Хейвуд говорил в этот вечер о Кэр д'Алене и Франке Стейненберге, бывшем губернатора-торе Идаго.

— Да, сэр, — сказал Крейн, и у него похолодело под ногами.

— Такой метод работы покойный принципал называл «вышиванием по канве». На вашей канве удобно улягутся замыслы будущего убийцы.

Крейн сидел у стола. На сукне широкая красноватая рука Мак-Парланда играла темными тесемками папки. По-

том доска опустилась и поплыла по наклону на Крейна; мучительная тошнота заливала горло и грудь.

— Да, я намерен вам предложить громкую роль свидетеля обвинения. Через неделю на страницах любой газеты нашей страны вы сможете прочитать свое имя.

— Но...

— Вы хотите сказать, что это положит конец вашей деятельности тайного агента. Да, конечно, рядового агента...

Мак-Парланд улыбнулся почти нежно.

— Тридцать два года тому назад Джемс Мак-Кенна тоже стал свидетелем обвинения. Как видите, это не испортило будущности Мак-Парланда.

Мак-Парланд договаривал эти слова, а Крейн уже знал, что у него будущего не будет. Что уже в камере Хейвуда, на городской площади Виктора, в типографии «Рекорда» он навсегда отказался от будущего, назначенного ценой за гибель врагов национальной промышленности и личной удачи. Настоящее предложило в кратчайший срок усталому человеку — развязку. Тошнота отошла от сердца. Наступала внезапная, жестокая легкость освобождения и конца.

— Сэр, — сказал Крейн и ясными глазами посмотрел в глаза Мак-Парланду, — мой ответ, разумеется, предрешен присущим нашей организации духом повиновения и порядка.

* * *

Президент Рузвельт, столь демократичный, что, отправляясь путешествовать, он прежде всего пожимал испачканную углем и маслом руку машиниста; столь свободомыслящий, что однажды он, к ужасу обеих партий, пригласил на обед негритянского педагога Букера Т. Вашингтона, — Теодор Рузвельт громко назвал нежелательными гражданами арестованных лидеров Западной федерации рудокопов. «Нежелательные граждане» — это имело успех! Разнося по стране крылатое слово президента, консерватив-

ные, умеренно-консервативные, умеренно-либеральные и либеральные газеты сочувственно шелестели.

«Я хочу напомнить президенту, — писал из тюрьмы рудокоп Вильям Хейвуд, — что по законам страны мы невинны, пока не доказана наша вина; что человек в положении м-ра Рузвельта меньше чем кто-либо другой должен предвосхищать исход этого процесса».

— ...Товарищи, демонстрации протеста охватили страну. В Бостоне, в Чикаго, в Нью-Йорке по улицам движутся сотни тысяч рабочих, уверенных в том, что они знают, з а ч т о брошены в тюрьму Хейвуд и Мойер.

.

— Товарищи, приближаются перевыборы... Кандидатом на пост губернатора социалистическая партия Колорадо выдвигает Вильяма Хейвуда!..

— Правильно! Правильно! Ура-а-а-а!

.

— Товарищи и братья, рабочие города Виктора, в деле создания «Фонда защиты представителей труда» Запад не отстает от Востока. Местный союз в Бельвиле послал пять тысяч долларов; Теллюрайдская федерация рудокопов предложила продать свою больницу. Сильвертаун послал пять тысяч долларов и обещание выручить еще тринадцать тысяч от продажи союзного помещения. Гольдфильд послал шесть тысяч долларов... Виктор... Виктор, сделает все, что сможет, для...

— Для Большого Билля — еще бы!

— Я кончил. Я спешу на денверский поезд. Если здесь есть кто-нибудь из членов исполнительного бюро, кто-нибудь, избежавший тюрьмы, высылки или смерти, — пусть он выйдет сюда. Он расскажет вам...

— Правильно! Кто там, ребята? Ну-ка!

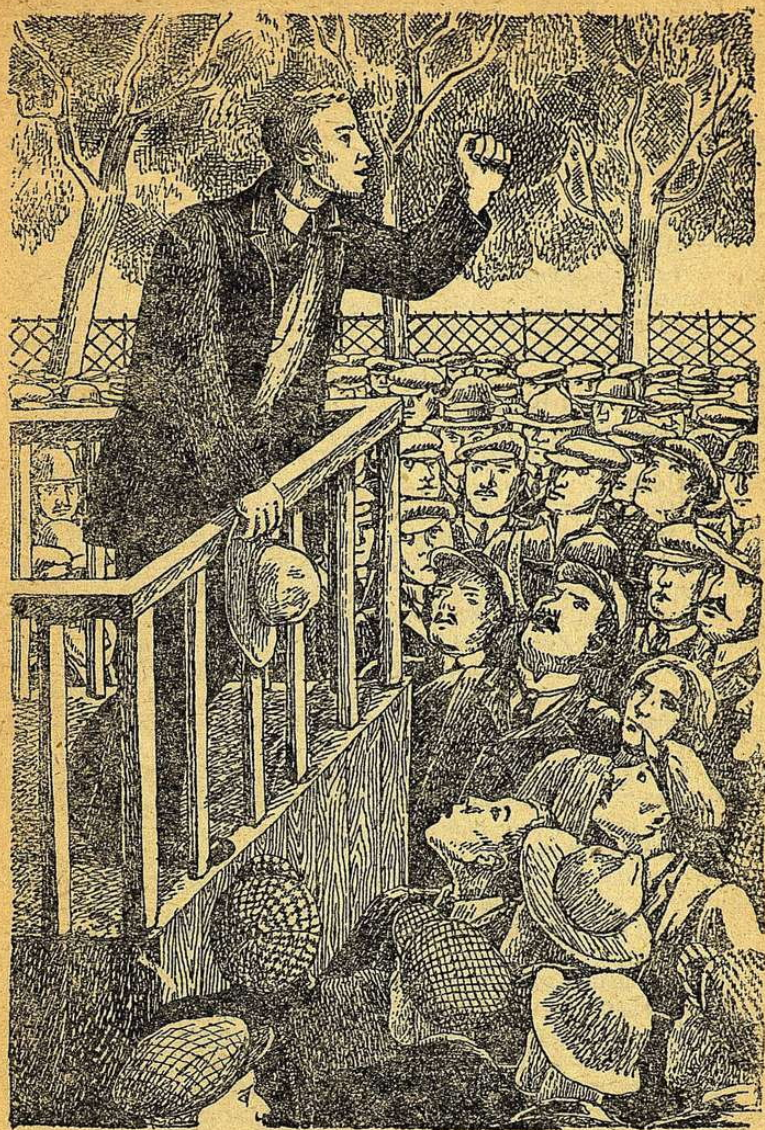
— Крейн! Крейн! Пропустите его! Слушайте, слушайте Крейна! Крейна! Крейна!

Спины и плечи, сжимавшие Крейна, раздвинулись. В свободном пространстве вокруг Крейна двигались руки. Жесткие руки осторожно толкали, поднимали, несли его на трибуну Джефферсон-сквера. У перил Крейн снял шляпу. Низкое солнце ударило в глаза, и под веками сразу оставились зеленые и розовые пятна. Крейн опустил глаза в толпу у себя под ногами. Впервые он видел человеческую толпу в том единственном ракурсе, в котором она предстает актерам, ораторам и умирающим на эшафоте. Он видел поднятые к себе лица и руки; в первых рядах он видел куртки и пиджаки, расстегнутые над цветными рубашками. Ему казалось — он видит, что синие, серые, клетчатые рубашки дышат глубоко и неровно.

— Ассоциация владельцев и союз граждан отменили в Колорадо свободу печатать слова....

...цветные рубашки и кепи исчезли, как если бы свет погас в зрительном зале. Лицо Крейна, открытое множеству глаз, напряглось. Слова, которые он говорил, откуда-то наплывали огромными, праздничным возбуждением расширяя сердце.

— ... Они вторгаются в наши дома, как разбойники, и как судьи — решают участь людей. Они запретили хранить и носить оружие всем гражданам, кроме тех, кто обращает свое оружие против рабочих. Насилием и страхом они вымогают отставку выборных должностных лиц, замещая их своими клеветами. Занятие последних, товарищи, состоит в том, чтобы издавать указы, сделавшие этот штат предметом зависти всех боссов и скэбов страны. Две преступные организации нашли сообщника в лице третьей — еще более преступной, если это возможно. Она может развратить любой рабочий союз; в кратчайший срок может поставить любое количество вооруженных стражников или скэбов; в любую минуту может убить человека или нескольких человек, смотря по тому, сколько крови понадобилось тем, кто платит за кровь.

— Пинкертоновцы! — с отчаянием и злобой выкрикнул голос в толпе.

— Да, пинкертоновцы... Слишком часто и слишком тяжело, братья, нам приходится отвечать за бомбы, которые взрываются в этом округе.

— Проклятье! Кто заложил динамит на станции. Индепенденс? Если б мы знали, кто это сделал, Крейн!..

— Товарищи, бывший шериф Робинзон сразу послал в Тринидад за ищейками... Одна из них прямо направилась к дому Гегра (он работает у Клеленда, секретаря Ассоциации владельцев); другую не могли оторвать от порохового склада штрейкбрехерской шахты «Смоглер». По вине этих дурно воспитанных собак шерифу Робинзону и был предложен выбор между петлей и отставкой.

— О-о! Слушайте! Слушайте!

— Братья, мы знаем почему отставлен шериф Робинзон; остается узнать, д л я ч е г о убит губернатор Франк Стейненберг.

Крейн перевел дыхание. На мгновение он увидел небо, чуть желтеющие деревья Джефферсон-сквера, толпу и внезапно, в толпе, лицо Молли. Как на экране, лицо, снятое крупным планом, оно придвигалось, заполняя пространство. Гневом, страданием и готовностью лицо Молли отвечало его словам.

Крейн говорил. Он не успел додумать мысли о том, какая здесь страшная путаница...

— Похитители Хейвуда, Мойера и Хорти располагали тюрьмой, вооруженной стражей, специальными поездами, военным уставом и другими ресурсами, недоступными частным злоумышленникам и обыкновенным разбойничьим шайкам. Это преступление совершено силами двух штатов и одобрено высшей судебной инстанцией страны. Ибо вчера Верховный суд отказал в выдаче приказа Habeas Corpus для Хейвуда, Мойера и Хорти.

Толпа под ногами Крейна металась от боли. Крейн слушал теперь, как бурно расширяется его сердце. Он говорил правду — в первый раз за много недель. Правда плыла че-

рез него на толпу, и Крейну казалось, что он сейчас зарыдает...

— Братья, каждый из нас отвечает за дело Хейвуда. Дело Хейвуда — это значит, что в Боизе хотят повесить людей, виновных в том, что они защищали идею организованного труда... Когда вы устанете, братья, когда вам захочется освежить свою ненависть, — вспомните то, что сказал О'Нейл: «Им нужен приказ Habeas Corpus, — сказал он, — после смерти они получают его от господ бога!»

* * *

Крейн быстро пересекал поселок рудокопов. Он шел, потому что нервы требовали движения. В ушах стоял шум, унесенный из Джефферсон-сквера. Крейн поравнялся с домом старого Гарпера.

— Крейн, Крейн!..

Это была Молли; волосы падали ей на лицо, и она дышала так быстро, что Крейн понял: она бежала за ним по откосу.

— Пойдемте... мне нужно сказать... нет, совсем не долго.

Праздничное, страстное возбуждение Крейна упало у двери. На решетке камина лежала черная зола. Кресло старого Джо нелепо высилось в кругу опрокинутых ящиков и табуретов.

— Крейн, я опять вспомнила все, что говорила вам и о вас...

— Молли, зачем вы...

— Так. Вы должны теперь знать, что у меня были... дурные мысли.

— Молли, — сказал Крейн, — не надо...

— О, вы не знаете даже, что это были за мысли. Нынче я слушала вас и поняла, — это низко; я сразу решила, что пойду к вам... что скажу вам... Крейн, простите меня.

— Замолчите, — грубо ответил Крейн.

Она не ждала этого; она задохнулась и вспыхнула:

— Почему?

— Потому что, — Крейн качнулся на месте, — не мучьте меня... потому что я — шпион... подлец... агент Пинкертона...

Странно, — Крейн не знал, произносит ли он вслух чудовищные слова; скорее всего — он только думает ими; скорее всего... это еще не конец. Он поднял глаза и увидел искривленное ужасом лицо Молли, — конец!

— Молли, это конец. Убейте меня, если можете.

Он еще раз качнулся и упал на колени. Она дернулась, как будто бы, падая на колени, он забрызгал ее платье грязью.

— Молчите... встаньте, встаньте скорее, потому что, если вы будете так стоять, я боюсь... что я вас ударю.

Крейн встал.

— Ничего, я сам...

Он торопливо просовывал руку в узкий карман, тяжело оттянутый револьвером.

— Оставьте! — крикнула Молли; он опустил руку.

— Послушайте...

Она не назвала его; он стал теперь чем-то таким, что нельзя уже было назвать именем человека.

— Вы хотите говорить о своих страданиях, да? Это делают все негодяи. Так вот, мне нет дела до вас! Даже ваша смерть пока неуместна, потому что вы здесь нужны. Вы должны их спасти! До тех пор мне нет дела даже до вашего преступления. Вы их спасете с е й ч а с. П о с л е — мы сведем счеты.

Крейн ходил по комнате и думал; думал и останавливался: Молли сидела устало в кресле старого Гарпера. Он спросил:

— Вы согласны следовать моим указаниям?

— Беспрекословно.

Он взглянул на часы.

— Через час двадцать минут мы выедем в Денвер.

* * *

За недостатком материала в предварительных показаниях Орчарда дело Мойера было выделено и назначено к слушанию после дела Хейвуда и Хорти. В то же время федеральный суд признал противоконституционным требование о выдаче обвиняемым приказа Habeas Corpus. Девять стариков, образующих Верховный суд Соединенных штатов, хранили устои великой конституции, составленной в свое время пятьюдесятью пятью землевладельцами, рабовладельцами, судовладельцам и земельными спекулянтами, которые, по выражению одного историка, охотнее выслушивали советы людей, одетых в тонкое сукно, нежели требования людей, одетых в лохмотья.

Обитатель соседней камеры, смертник, ожидавший наутро исполнения приговора, много часов трудился над тем, чтобы просунуть сквозь прутья наглухо заколоченного окошка записку, предназначенную для Хейвуда.

Каменщик, работавший в тюрьме, выпросил у Хейвуда его членский билет — длинную, узкую книжку с черными «Ай-Даблю-Даблю» над клетчатым земным шаром. При закладке нового здания суда в Боизе каменщик рассчитывал тайком положить ее под угловой камень. «Возьми, — сказал Хейвуд. — Когда-нибудь она, быть может, взорвет фундамент этого правосудия»!

Хобо подошел к Хейвуду на прогулке.

— Я завтра выхожу и принимаю поручения, Билль.

Хейвуд усмехнулся.

— Ты не сможешь принести мне ответ.

— Отчего же, — сказал хобо спокойно, — я всегда могу вернуться сюда.. Нет, не бойтесь, я не сделаю ничего такого, за что меня могли бы посадить больше чем на шесть месяцев, Билль...

Записка, переданная смертником, не могла спасти Хейвуду жизнь; дерзкий замысел каменщика не изменял хода судопроизводства; Хейвуд отверг предложение великодушного хобо... но каждая удачная проба человеческой верности облегчала Вильяму Хейвуду дыхание и оживляла кровь.

Обвиняемых по делу об убийстве губернатора Стейненберга перевели в отдельный маленький флигель тюрьмы.

Им разрешили встречаться друг с другом и принимать своих адвокатов. Впрочем, Мойер не любил Хейвуда и не хотел с ним встречаться. Ему казалось всегда, что громадный секретарь влечет за собой федерацию слишком быстро, по слишком крутым дорогам. Мойер почти не заглядывал на маленький квадратный двор, где Хейвуд и Джим проводили теперь целые дни. По одной из сторон квадрата разрослись кусты диких роз. Хейвуд любил цветы. Он садился на скамью у кустов так, чтобы лепестки могли коснуться волос, щеки или уха. Джим, поджав ноги, располагался на скудной траве.

—...О'Нейла взвинтила последняя стачка. Что касается Балкелея Веллса, дорогой Ричардсон, то он три года тому назад как-то раз взял меня за плечо, после чего наши отношения испортились... Я никогда не рассказывал вам эту историю?.. Словом, после теллюрайдских дел 1902 года я ускользнул в Денвер, но они с меня не спускали глаз. Недели через две из Аурея к нам привезли Мойера, арестованного за «публичное оскорбление национального флага». Мойер в сущности тут был ни при чем, так как это я намалевал тогда и дал отпечатать американский флаг с надписями на полосках:

Находится ли Колорадо в Америке?
Военное положение объявлено в Колорадо!
Действие *Habeas Corpus* отменено в Колорадо!
Свободное слово запрещено в Колорадо!

И еще в этом роде... по числу полос. Когда Мойера вели по улице, я взял его под руку и пошел рядом. Впереди шествовал взвод из двенадцати солдат с офицером, за ними мы с Мойером, за нами еще двенадцать солдат и Балкелей Веллс, капитан милиции штата. Я шел и думал о том, как в Теллюрайде умирали дети, когда Веллс выгнал всех из домов, принадлежащих компании... Я думал об этом и, когда Веллс схватил меня за плечо, я обернулся и ударил его лицу».

— Какое безумие, Билль! — сказал Ричардсон.

— Конечно. Но вы видали лицо Балкелея Веллса?.. Меня отвели в Оксфорд-отель вместе с Мойером. У Веллса кровь шла носом; по дороге он усиленно совещался с Вальтером Кинли, стражником из Теллюрайда. В Оксфорд-отеле Кинли предложил мне сесть. — Я не хочу сидеть, — сказал я. — Садитесь, будьте вы прокляты! — закричал Кинли. Пять или шесть солдат набросились на меня и притиснули к стенке. Они работали кулаками и прикладами, а Вальтер Кинли бегал вокруг и бил меня по голове рукояткой шестизарядного револьвера. Когда они меня отпустили, я истекал кровью, как зарезанный боров. Я сел на стул и слушал, как Кинли рассказывал жалобным голосом, что он разбил о мою голову перламутровую рукоятку. Потом жена мне прислала чистое белье, а военный врач пришел мне уху; на это понадобилось семь стежков. Под вечер за мной приехал хороший малый, покойный шериф Хэм Армстронг.

— Вы врзались в скверное дело, Билль, — сказал Армстронг на улице. — Почему? — Потому что у них есть приказ об аресте за «оскорбление флага», и теперь они отправят вас в Теллюрайд. — Нет, Хэм. — Не знаю... по крайней мере, шериф Рутан не отстаёт от нас ни на шаг.

Мы вошли к Армстронгу в контору, и теллюрайдский шериф Рутан вошел вслед за нами и сел. Тогда я заявил, что хочу быть немедленно арестован здесь, в Денвере, за «публичное оскорбление национального флага». Покойный Хэм Армстронг был сообразительный человек... Как только он подписал приказ об аресте, я вынул и отдал ему мой шестизарядный револьвер, о котором все почему-то забыли. — «Я вас предупредил, что не поеду в Теллюрайд, — сказал я. — Во всяком случае, в Теллюрайде у меня было бы больше неприятностей из-за оскорбления флага, чем в Денвере из-за убийства этого шерифа». Шериф Рутан побелел, а Хэм уставился на меня, как на привидение: — «Ради всего святого, Билль, что вы хотите этим сказать?» — «Ничего, Хэм, просто я убил бы его, если бы не нашел другого способа здесь остаться». После этого меня отвезли в городскую тюрьму, и Армстронг дал мне телефон и письменный стол, чтобы я мог работать».

— А как же суд? — спросил Ричардсон.

— На суд я явился с коллекцией табачных мешков, сигарных коробок и консервных банок, украшенных рекламными изображениями американского флага. Их десятками присылали мне неизвестные друзья. Между прочим, они раздобыли флаг Бостонского делового клуба, с очень красноречивыми надписями на полосках. Но лучше всего все-таки выглядела рабочая карточка агентства Пинкертон, потому что на ней всевидящее око изображено в кольце национальных звезд и полос...

— И что же? — перебил Ричардсон.

— В тот раз им пришлось меня оправдать... Любопытная история, правда?

— Да. В особенности для человека, посвятившего свою жизнь изучению американского права.

— Дорогой Ричардсон, бесплодное занятие, которому вы посвятили свою жизнь, по-видимому, развивает в вас меланхолию...

Адвокат Ричардсон угрюмо жевал сигару на скамье под розовыми кустами.

— Мне не нравится ваше дело, Билль... С каждым днем мне все меньше нравится это дело.

— А что говорит Дарроу?

— Билль, если вы хотите знать правду, Дарроу говорит, что в своей практике, он редко встречал такое количество людей, объединенных желанием повесить одного человека...

Хейвуд медленно разжег погасшую трубку.

— Ричардсон, в часы, когда вы будете особенно удручены ходом нашего дела, приходите сюда. Мы с Джимом постараемся вас развлечь.

* * *

— ...Довольно. Я все поняла... Мак-Парланд знает стенографию?

— Нет.

— Вы уверены?
— Да.
— Хорошо. Какие он употребляет блокноты?
— Среднего размера. Все мы *там* употребляем эти блокноты.
— Дайте.
Молли наклонилась над свежим блокнотом. Фигуры небывалого алфавита быстро текли из-под карандаша.
— Что это? — сказал Крейн.
— Ничего, стенографическая запись.
— Стенографическая запись... чего?
— Ничего... Кажется, нам пора.

Молли шла рядом с Джеральдом Крейном, агентом № 43. Он вел ее От вокзала Денвер — Крипл-крик на улице Операхауз 17. Он шел, в темноте закрывая лицо поднятым воротником и козырьком кепи, опущенным на переносицу. Осенняя темнота блестела на улицах Денвера фонарями и мокрыми тротуарами. В жизни Молли это была самая странная из всех прогулок.

— И он всегда тут же уничтожает черновики?
— Он их рвет на куски, — сказал Крейн, — и бросает в огонь.

Дом 17 по улице Операхауз отличался от соседних домов вывеской:

**Денверская областная контора
Национального сыскного агентства Пинкертона.**

— Дама со мной, — негромко сказал Крейн, и швейцар снял перед Молли кепи с тусклыми золотыми буквами НСАП.

Они прошли несколько комнат со шкапами, реминг-тонами и конторскими столиками под зеленой лампой. В последней комнате сонно торчали ночные дежурные. В коридоре встретился сыщик Риддель. Он посмотрел на Крейна, застегивая перчатку, и не поклонился, потому что агенты Пинкертон без особой надобности не узнают друг друга в лицо.

Крейн вошел в кабинет Мак-Парланда. За последние дни на столе росли и спутались бумаги, уже готовые поглощать любое постороннее тело. Они с легкостью засасывали карандаш, чековую книжку, пресс-папье или куски сургуча. Сигара, не потухая, курилась в усах Мак-Парланда или на скользком краю фарфоровой пепельницы. Пепел, как легкая накипь, лежал на толстых бумажных волнах.

— Сэр, я привел...

Поверх стола Мак-Парланд смотрел на Крейна странными глазами человека, который не ложился две ночи подряд.

— ...стенографистку, сэр, вместо покойного Поттера. Это было трудно.

— А, это очень нужно... Но...

— Под ответственность человека, имевшего честь заслужить ваше доверие, сэр!

Крейн подразумевал себя. Мак-Парланд наклонил голову.

— Хорошо. Черновики я уничтожаю на месте. Никаких вещественных доказательств... Хорошо. Пойдите к Кэри.

В приемной у стены неподвижно сидела Молли. Крейн движением глаз указал ей дверь кабинета. Не оглядываясь, Молли прошла через комнату и положила ладонь на толстую медную ручку.

«Должно быть, сейчас у нее очень холодные руки...» — подумал вдруг Крейн.

В маленьком кабинете Кэри сигары дымились, бумаги текли по сукну стола, ковер был затоптан шагами человека, погруженного в раздумье. Кэри, как Мак-Парланд, си-

дел за столом. Сыщик Риддель помещался на подоконнике, и его ноги в клетчатых панталонах занимали необыкновенно много места. Сыщик Стерлинг чопорно сидел у стола. Маленький сыщик Скотт лежал в кресле, выставив ноги вперед.

С подоконника сыщик Риддель говорил брезгливо:

— Тогда я им прямо сказал: ни один уважающий себя человек не станет работать, — сказал я, — с предпринимателями вроде Барнса или Мерфи. Это — соблазн!

— Кажется, Барнс опомнился с тех пор, как портландская история обошлась ему в полмиллиона. А что делает Мерфи?

— А Мерфи не нашел ничего лучшего, как сказать вдруг своим рабочим, чтобы они в течение ближайших двадцати минут не ходили на станцию. Это было перед делом в Индепенденсе. Только всего!

— Они подождали?

— Нет. Боялись пропустить поезд. Кое-кого там разорвало. Но скажите пожалуйста, что может подумать публики...

— Когда у владельца шахты, — вставил Стерлинг, — возникают предчувствия...

— Которые, — добавил Скотт, — оправдываются не позже чем через двадцать минут.

— Джентльмены! — сказал Кэри, — помолчите немного... Крейн, пойдите сюда. Крейн, вам известны правила мистера Мак-Парланда? «Я недоверчив, — говорит мистер Мак-Парланд. — Да, я недоверчив, но я умею верить до конца. В деле — это незаменимое удобство». Мистер Мак-Парланд, Крейн, не может ошибаться. Из того, что он вам верит, вытекает то, что вы заслуживаете доверия. Доказав это положение, пойдем дальше. Дальше... я нахожу нужным поставить вам на вид... Вы догадались, быть может, что речь идет о вашем последнем выступлении, Крейн?

— На митинге?

— На митинге в Викторе. У меня точные сведения.

— Сэр, я полагал, что это звучало убедительно...

— Это звучало чересчур убедительно. «Две преступные организации нашли сообщника в лице третьей, еще более преступной...» — неудобно, согласитесь сами. «Кровь, которая может понадобиться тем, кто платит за кровь» — вызывает неуместные догадки. Не спорю, ваша речь была удачно задумана, но, мой дорогой, вы переиграли.

— В следующий раз, — сказал Крейн спокойно, — я непременно учту ваши ценные указания, сэр.

— Постарайтесь.

Кэри потянул к себе через стол серую папку с отчетами и смягчился. Крейн отошел от стола.

— Не грустите, Крейн, — подмигнул маленький Скотт, — старые волки и те ошибаются в нашем деле.

— Разумеется, — вставил Стерлинг, — например, Сайлас на днях...

— Зачем непременно Сайлас, — перебил Риддель. — Вы не знаете, Крейн, как господа Стерлинг и Скотт вместе с бедняжкой Орчардом устраивали прошлым летом крушение в графстве Сан-Мигуэль?

— Бросьте, Риддель, — сказал Стерлинг и сморщился.

— Нет, отчего же... так вот, накануне дела господа Скотт и Стерлинг невинно спросили у машиниста Роша, где, по его мнению, наиболее подходящее место для крушения пассажирского поезда? Хорошо? В довершение всех благ Вильям Рош оказался юнионистом. Его показания произвели страшный скандал.

— Какие показания?

— На суде. Когда рудокопов Паркера и Девиса привлекли по этому делу. Высококвалифицированная работа малютки Орчарда, можно сказать, пропала даром.

Во время рассказа Ридделя Скотт и Стерлинг играли усиленно брелоками от часов.

— Гарри Орчарду вообще не везет, — сказал Скотт, когда Риддель кончил. — Не так давно ему, например, испортили дело на железной дороге Чикаго — Барлингтон — Квинси.

— Кстати об Орчарде, — сказал Крейн, у которого не было брелоков, — все-таки я не могу понять... ну, хорошо, он

признается, но чего, собственно, он добивается для себя?

— Я вам объясню, — сказал Стерлинг, — ведь он-то убил губернатора Стейненберга, по чьему бы поручению он это ни сделал. — Убил?

— Да.

— И попался?.. Так. Значит терять ему нечего...

— Зато выиграть, — вставил Скотт, — он может при случае свою промятую голову. Ясно?

— Проще говоря, — сказал Риддель, — губернатор обещал Мак-Парланду помиловать Орчарда... Это выход не хуже всякого другого.

— Джентльмены! — Кэри ногтями постучал по стеклянным ребрам чернильницы, — Мистер Мак-Парланд решительно против того, чтобы об этом деле, равно как и обо всем, относящемся к этому делу, разговаривали в игривом тоне... Я тоже решительно против. Пользуюсь случаем уведомить вас о том, что Генри Орчард в тюрьме пережил религиозный кризис и находится на пути к полному нравственному перерождению.

Все молчали.

— Ах, он находится на пути... ну, это другое дело, — сказал наконец Риддель, зевая. — Пойдемте, господа.

— Послушайте, Стерлинг, — сказал Скотт, слегка приоткнув Крейна к дверям, — не знаете ли вы, с какой целью коллега Крейн привел нынче в агентство молодую девушку?

Крейн молчал. Он знал, что сегодня все равно нельзя ударить по лицу или вытащить револьвер из кармана.

— Я опасаюсь, джентльмены, громко прошептал Риддель в дверях, — что вы опять разговариваете в игривом тоне... А что если у коллеги Крейна тоже какой-нибудь кризис...

— Или, чего доброго, моральное перерождение? — вставил Стерлинг.

Все захихикали. Крейн молчал.

Мак-Парланд, диктуя и хрипло откашливаясь, ходил между письменным столом и камином. Позади письмен-

ного стола, у столика, быстро писала Молли. Лампа освещала ровный пробор и лоб над затененными глазами. Мак-Парланд оглянулся на Крейна.

— Остается Post'scriptum в письме к Бангсу. Через десять минут вы проводите мисс. Пишите Postscriptum: «Зная, что правила агентства строжайше воспрещают сыщикам или служащим принимать подарки или награды от клиентов лично или по почте, агент Д. Сайлас вручил мне пятьдесят долларов, полученных им от мистера Реджа. Однако, во внимание к особо полезной деятельности Д. Сайласа... Написали?.. и тяжелой обиде, нанесенной ему рабочими, — я счел бы возможным допустить на этот раз исключение. Жду ваших инструкций». Кажется, все... — Мак-Парланд разжал сцепленные за спиной руки и оглянулся на Крейна.

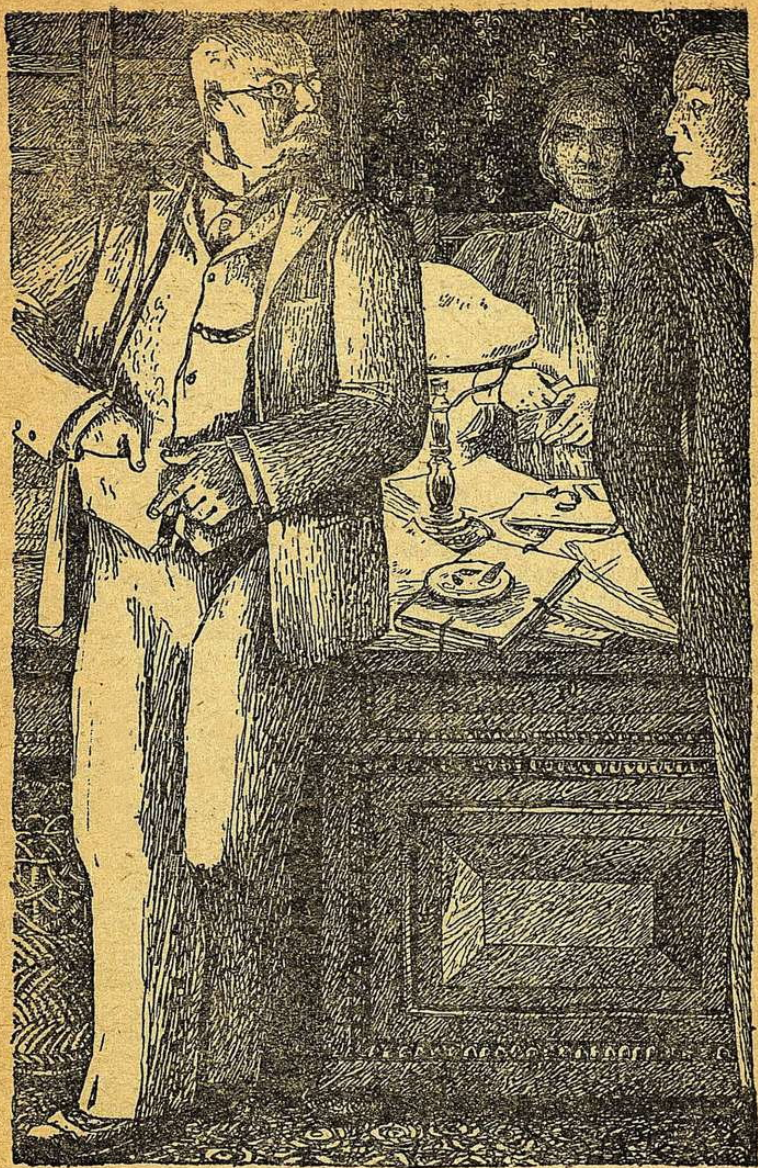
— Нет, вот что... — Мак-Парланд сцепил руки. — Пишите Post-postscriptum: «Позволю себе подчеркнуть еще раз, что в деле Хейвуда — Хорти одна из самых опасных и ответственных операций возложена мною на моего подчиненного и ученика Джеральда Питера Крейна. Этот молодой человек, сэр, приобрел все права на сугубое внимание нашей организации к его дальнейшей судьбе».

Крейну казалось теперь, что это не кончится никогда; что, стоя у стены, он бесконечно долго должен смотреть на широкую спину Мак-Парланда, на лоб Молли, резко очерченный светом... Но все кончилось сразу.

— Переписали? — спросил Мак-Парланд.

— Все, сэр, кроме письма к мистеру Бангсу.

— Перепишите, — устало сказал Мак-Парланд и сел за стол спиной к Молли. Она писала внимательно. Потом Крейн увидел глаза Молли, поднимающиеся к нему из темноты; между ее бровями он увидел какое-то, на него направленное движение. Повинуясь, он подошел к письменному столу. Крейн не мог вспомнить потом, какой вопрос он задал тогда Мак-Парланду. По-видимому, относящийся к делу, потому что Мак-Парланд ответил, и Крейн почтительно спрашивал дальше. Взглядом Крейн напряженно удерживал взгляд Мак-Парланда и воспринимал напряженно каждое движение Молли. Молли опустила карандаш и выпрями-

лась, переводя дыхание. Из-за широкого и тугого пояса юбки она вынула блокнот. Крейн понял: тот самый блокнот, который при нем, на вокзале, она исписала непонятными значками. Пальцы Молли отчетливо двигались, ни на мгновение не теряя темпа. Блокнот Крейна она положила на стол (у Крейна сердце билось с отчаянной силой); блокнот Мак-Парланда, только что исчерченный стенограммами донесений и писем сунула за широкий пояс.

Крейн с нестерпимо бьющимся сердцем задавал Мак-Парланду последний вопрос.

— Черновики, сэр, больше не нужны, — сказала Молли и пальцами выровняла края переписанных стенограмм.

Мак-Парланд взял со стола блокнот Крейна. Крейн и Молли смотрели, как листки, покрытые знаками, не имеющими смысла, Мак-Парланд разорвал у камина и бросил в огонь.

— Вы хорошо работаете, — сказал Мак-Парланд, — впрочем, завтра приезжает стенограф из Чикагской конторы. Ваш гонорар в этом конверте. Можете не проверять. Это очень хороший гонорар.

— Я вас провожу, мисс, — выговорил Крейн замерзшими губами.

На набережной они торопливо шли под холодным ветром.

— Вы победили, — сказал Крейн, — но как это было страшно...

Молли молчала, опустив лицо.

— Теперь я верю, что мы...

— Ах, да, — Молли остановилась, — прошу вас, возьмите вот это...

Она протянула ему забытый в руке конверт с гонораром. Он взял его, смял в жесткий комок и бросил с ненавистью в темную воду под ногами.

ГЛАВА VIII

СВИДЕТЕЛЬ ОБВИНЕНИЯ

Дело Хейвуда. — Пожар. — Крейн дает показания. — Лесная сторожка.

Свидетели обвинения и защиты, корреспонденты почти всех американских и нескольких европейских газет, бескорыстные ценители громких процессов, родственники, друзья и враги подсудимых съезжались в столицу штата Идаго, насчитывавшую до начала процесса пятнадцать тысяч жителей.

Город Боиз окружила плотная оболочка слухов. Говорили, что рабочие предполагают взорвать тюрьму и здание суда. Утверждали, что пинкертоновцы намерены систематически истреблять защитников и свидетелей защиты. Мирные граждане выслушивали и передавали дальше рассказы о подозрительных лицах, не то сыщиках, не то рабочих, закупающих взрывчатые вещества в аптекарских магазинах. Мирные граждане усердно читали местные и центральные газеты — консервативные, умеренно-консервативные, умеренно-либеральные и либеральные, насыщенные сведениями о преступном прошлом двух обвиняемых.

«В отличие от наших соратников по перу, — писал радикально-республиканский “За океаном”, — мы хотели бы подойти к оценке Вильяма Хейвуда не с предвзятостью социальной вражды, но с беспристрастным мерилom объективных и вечных общечеловеческих ценностей.

Хейвуд — крепко скроенный человек, человек с физической силой быка. У него большая голова и широкая челюсть, а на Западе в лидерах ценят мертвую хватку.

Америка производит все больше людей, подобных Вильяму Хейвуду. Снабженные хорошими мышцами и мозгом, они из глубины рудников поднимаются на трибуну, спро-

тивляясь, борясь, раздавая и принимая удары, не замечая вокруг себя ничего, кроме страданий своего класса. Возьмите натуру практическую, жесткую, страстную, обладающую бесконечной силой сопротивления, придайте ей последний оттенок мечтательности и социального фанатизма — и вы получите Хейвуда — вождя, который ведет людей, куда хочет.

Нет оснований ожидать, что этот человек покажет себя терпеливым политиком, способным воздержаться от удара, когда есть случай нанести удар; разборчивым в средствах, когда достигаются цели.

Вот почему в настоящем случае нельзя не признать...»

...И радикально-республиканский «За океаном» с самой общечеловеческой точки зрения признавал, что инициатива убийства исходит от Вильяма Хейвуда.

— Во всяком случае, вы утверждали, что губернатор Стейненберг должен быть устранен!

— Я утверждал, что он должен быть устранен... от должности.

Обвинитель сенатор Бэр, небольшой, похожий лицом на бульдога, заканчивал допрос Хейвуда.

— Но вы не станете отрицать, что относились к Франку Стейненбергу враждебно?

— Я относился к нему так же, как я отношусь к вам и вообще к лицам, ответственным за военный террор, виселицы и тюрьмы.

Перекрестный допрос был окончен. Хейвуд сел. Солнце опускалось и било в окно, против которого сидел Хейвуд. Хейвуд громко сказал судье Вудсу:

— Не дозволит ли ваша честь закрыть ставни на этом окне? Солнце светит прямо в лицо, мешая мне видеть глаза сенатора.

— Он буравит меня как ножом, — сказал в перерыве сенатор Бэр судье Вудсу. — Кто бы мог ожидать, что человеку, стоящему между виселицей и вечной тюрьмой, непременно захочется смотреть в глаза обвинителю.

Сенатор очень устал.

Джим Хорти был в галстуке и в тех сапогах, которые он надевал по воскресеньям. Он часто оглядывался на Хейвуда. На виду у всех этих людей он хотел быть простым, как Хейвуд, — но это давалось с трудом. Джим выглядел немного торжественно. И вокруг все тоже было торжественно.

Свидетели и корреспонденты, юнионисты и сыщики, друзья и враги организованного труда переполнили зал заседания. Адвокаты защиты сидели у стола по правую руку от судей. Газетчики и журналисты — по обе стороны судей, за адвокатами. Над присяжными возвышалось кресло Иеремии Вудса, председателя суда. Хейвуд и Джим помещались от присяжных так близко, что Джим мог бы дотрогнуться до ноги тощего старшины с висячими бакенбардами...

После отводов защиты и обвинения из списков присяжных исчезли социалисты и банкиры. Гражданский долг был возложен на двенадцать фермеров в сюртуках и башмаках на толстой подошве. Из них восемь республиканцев, три демократа и один прогибист, или член партии трезвенников. Двое из них были личными друзьями покойного Стейненберга, скотовода и бывшего губернатора.

В перерыве толпа запоздавших рабочих окружила адвоката Ричардсона.

— Начался допрос свидетелей обвинения. Товарищи, это невообразимый сброд: трактирщики, сыщики и завсегдатаи трактиров. Из ста свидетелей — восемьдесят семь в нашу пользу; нет, восемьдесят шесть, — потому что Франка Шмельцера, рудокопа и члена исполнительного бюро в Идаго-Спрингсе, застрелили вчера у ступеньки поезда, отходящего на Боиз... Орчард будет давать показания завтра...

Гарри Орчард предстал перед судом в пиджаке и чистой рубашке, выбритый, с аккуратно размазанными по неровному черепу волосами. Рассеянно мигая голубоватыми глазами, тугой челюстью прожевывая слова, он рассказал самую поразительную из всех историй, когда-либо рассказанных в этом зале.

Его зовут Альберт Гезерлей, и его родители были зажиточными людьми в Канаде. Ради страховой премии он сжег принадлежавший ему небольшой сыроваренный завод, после чего бежал в Кэр д'Ален. Там он работал на заводе и вступил в Западную федерацию рудокопов незадолго до знаменитого взрыва 1899 года. Если судьям угодно знать, то он, Альберт Гезерлей, Том Гоган, или Орчард, и есть тот человек, который своими руками зажег тогда фитили. Это было первое из двадцати восьми преступлений, совершенных им для Западной федерации рудокопов. Через полгода, придя в контору ЗФР в Денвере, он заявил: «Только что я взорвал копь “Виндикейтор” вместе с заведующим и надзирателем» — «Молодец, чисто сработал!» — сказали Мойер и Хейвуд, ударив его по плечу. Мойер тут же вынул двадцать долларов из кармана, а дня через два Хейвуд дал еще двести восемьдесят, но за те же деньги Орчард должен был убить еще сыщика Грегори, возвращавшегося домой в пьяном виде. Затем он покушался на жизнь губернатора Пибоди, директора О'Нейла, судей Годдара и Габберта и многих других. Взрыв на станции Индепенденс — тоже дело его рук. За Индепенденс он получил от федерации пятьсот долларов и просил еще триста прибавки, в чем ему было отказано. В промежутке между Индепенденсом и вооруженным нападением на карету дочери генерала Пибоди Орчард съездил еще в Сан-Франциско, чтобы положить стрихнин в молоко управляющему Брэдлею. Что касается убийства бывшего губернатора Стейненберга, то он, Орчард, обратил на себя внимание неосторожной покупкой динамита и поэтому был арестован в гостинице через пятнадцать минут после взрыва...

Дарроу — сидящий, высокий, широкоплечий — грозно возвышался над Орчардом.

— Для чего вы делали это?

— Сэр, я хотел зарабатывать, не трудясь.

— С какой целью вы сейчас признаетесь?

Гарри Орчард задумчиво двигал челюстью.

— Я обратился к религии, сэр... после увещаний мистера Мак-Парланда. Мистер Мак-Парланд растрогал меня

напоминанием о моей умершей матери, сэр, которая, по его словам, взирает на меня с небес.

— Все это прекрасно, — сказал Мак-Парланд О'Нейлу, — но где же Крейн?

— В самом деле, — оглядываясь, ответил О'Нейл, — я не знал, что вы позволяете вашим агентам опаздывать на работу.

У Мак-Парланда нервно дрожали усы.

— Я им не позволяю опаздывать. О'Нейл, вы увидите... случилось несчастье... Пока что после Орчарда придется выпустить двух или трех никому ненужных скэбов, пострадавших на станции Индепенденс.

— Проклятье! — сказал О'Нейл. — Эти жертвы зверств Западной федерации даже издали напоминают ребят, получающих от пяти до восьми долларов за показание на суде. О чем только вы думали?

Агент № 12. Отчет

Г. Боиз, штат Идаго, 18 сентября 1905 г.

Дорогой сэр,

Вчерашний день закончился допросом генерала Пибоди. Публика готовилась присутствовать при оживленной словесной борьбе губернатора с представителями защиты. Защита, однако, избрала другую тактику, заставив губернатора просидеть перед судейским столом десять или пятнадцать минут в полном молчании. Он подтягивал галстук, приглаживал волосы, отдергивал жилет и расправлял складки на панталонах, покуда Ричардсон не сказал: «Это все. Благодарю вас, губернатор».

Сегодня утреннее заседание началось показаниями Орчарда и свидетелей защиты. Двое людей из Кэр д'Алена утверждали, что Орчард играл с ними в покер в заднем помещении сигарной лавки в тот самый час, когда, по его словам, адская машина закладывалась им в копь «Виндикейтор». Люди из Крипл-крика показали, что дом, с крыши которого Орчард в начале августа якобы

производил наблюдения над станцией Индепенденс, в то время вообще еще не был выстроен. Это произвело эффект. Сенатор Бэр сказал, однако, в частном разговоре: «Состав присяжных позволяет рассчитывать на то, что вечные моральные принципы возобладают над случайными впечатлениями дня».

Прокурор Ховлей, бывший социалист и участник здешних событий 1892 года, заявил, что Западная федерация рудокопов—организация преступная уже по своему происхождению, ибо четырнадцать лет тому назад он сам основал ее в местной тюрьме. Показания членов ЗФР таким образом не заслуживают доверия. Орчард же, — сказал Ховлей, — напротив того, теперь обратился к религии и поэтому лгать не может.

Мистер Мак-Парланд крайне обеспокоен тем, что агент Крейн до сих пор не явился давать свои показания.

После перерыва начнутся речи защиты.

С совершенным почтением
№ 12.

№ 12 — это был сыщик Риддель. В дни процесса он пользовался правом посылать отчеты непосредственно мистеру Бангсу. Мистер Бангс высказался как-то, что отчеты сыщика Ридделя отличаются дельностью и хорошим слогом. В эти тревожные дни сыщик Риддель и положил начало своему, впоследствии очень значительному служебному положению.

* * *

У Хейвуда было так много друзей и врагов, что им не хватило места в салунах, гостиницах и меблированных номерах Боиза. Члены Западной федерации рудокопов останавливались в рабочем поселке. В комнате, которую столяр Вильямс предоставил Крейну, стоял верстак, засыпанный стружками, стол и два табурета. Для Крейна внесли складную кровать.

13 сентября утром хворост шумно горел в очаге. Крейн у стола дописывал отчет мистеру Бангсу:

«...Ввиду того, что мистер Мак-Парланд придает большое значение полной внезапности моего выступления на суде».

Точка. Крейн укусил перо.

— Все это должно кончиться приблизительно через час.

Он подписался:

«С совершенным почтением
№ 43».

Дверь, слабо запертая крючком, сорвалась за спиной у Крейна. Он не успел вскочить или обернуться. Грубая рука стиснула ему подбородок и запрокинула голову; он рухнул назад. Падая, Крейн неясно увидел какие-то руки и головы и ясно над собой — большое лицо Мангона.

— Мангон... я объясню... Мангон...

— Иуда, молчи! Мы знаем, в каком списке свидетелей стоит твое позорное имя... Скрути ему руки, Смит!

— Мангон!...

На согнутых ногах Крейна тяжело сидел незнакомый парень. Стоя на коленях, Смит поясом скручивал Крейну руки.

— Мангон...

Но Смит круто стянул ремень, и Крейн замолчал от боли.

Его опрокинули на спину.

— Мангон... ты должен... пойми...

Но Мангон грузным телом повалился к Крейну на лицо, на грудь. Разгоряченные руки мяли лицо; челюсти Крейна слабели; холодной, омерзительной массой кляп забил ему рот.

Мангон встал, отряхиваясь, с вздувшейся от напряжения шеей. Он старался теперь не смотреть на Крейна.

— Вильямсы на процессе... Я им оставлю записку, Смит. У стола он прочитал:

Агент № 43. Отчет.

Г. Боиз, штат Идаго, 13 сентября 1905 г.

«Дорогой сэр...»

— Так...

Мангон сунул отчет в карман и с шумом выдвинул ящик стола.

«Стенограммы... — думал Крейн, и не мог оторваться от этой мысли, — стенограммы в подкладке жилета... Но теперь — не все ли равно?»

— ...Ради денег этот человек готов был на все, исключая работы. Впрочем, до встречи в Джемсом Мак-Парландом, он никогда не брал дорого за убийство. Мак-Парланд знает толк в этих вещах. Недаром перед каждой новой сделкой агентства на сцену вызывается ужасное привидение «Молли Магьюр», и люди, повешенные более четверти века тому назад, до сих пор остаются повешенными... Мак-Парланд — опытный человек и он назвал Орчарду цену крови.

Джентльмены, мы выслушали исповедь дегенерата, в которой едва ли кто сумеет отделить омерзительную истину от омерзительной лжи. Эта кровавая басня — все, чем располагает обвинение. По мнению сенатора, Бэра она достаточно хороша для того, чтобы умертвить двух бойцов за дело рабочего класса. Гарри Орчарда — убийцу, вора, картежника, поджигателя, лжесвидетеля и лжеца — обвинение избразило нам с библией в руках, погруженного в благочестивые размышления...»

— Видит бог! — вскричал сенатор Бэр, простирая к Орчарду руку, — видит бог! Здесь хотят втоптать в грязь раскаявшегося грешника!..

«Он в самом деле похож на бульдога», — вдруг подумала Молли, — это относилось к сенатору.

Молли сжимала пальцами металлическую решетку галереи. Речь Ричардсона и возгласы сенатора доходили до нее сквозь туман нестерпимого беспокойства — где Крейн?.. Ад-

рес его неизвестен. Еще десять... двадцать минут — и еще... где Крейн?

От Хейвуда, который, пригнув большую голову, с интересом слушал все, что говорили свидетели, обвинения и защиты; от Джима, который искал ее лицо, неудобно вытягивая шею, Молли перебрасывала взгляд к входной двери, — где Крейн? От входной двери — к лицу Мак-Парланда. Он сидел справа внизу, близко от обвиняемых и от судей.

«Странно... он чего-то боится...»

У Мак-Парланда тихо дрожали усы. Он смотрел на входную дверь — где Крейн? Еще десять... двадцать минут... Где Крейн? Адрес его неизвестен.

— О'Нейл, я уверен... случилось несчастье...

Крейн еще раз согнул колени. Ноги были связаны туго. Он еще раз мучительно выгнулся, упираясь в пол затылком и пятками, как борец, который делает мост. Он продвинулся коротким, сотрясающим нервы толчком. Кровь текла по лицу. В суставах вывернутых рук разрасталась боль. Крейн задыхался от усилий и слюны, заливавшей гортань под кляпом. Он лежал теперь на полу, отдыхая перед тем, как повторить сложное движение, страшно медленно приближавшее его к очагу.

— Я должен дать свои показания...

Крейн смотрел в путаницу догорающих сучьев и веток; он не отрываясь смотрел на один тонкий и кривой сук, высунувшийся за прутья решетки.

— Ведь должен же быть поблизости кто-нибудь из соседей...

Сжимаясь и разжимаясь, как червь, выгибаясь, как борец, который делает мост, Крейн полз к очагу. По лицу текла кровь. Он задыхался от слюны и усталости.

У самого очага Крейн затылком и вывернутыми плечами прижался к полу. К решетке тянулись ноги, скрученные ремнем. Мускулы живота напряглись, как струны, готовые оборваться. Подошвы уже скользили по прутьям.

— Ошибка в движении может все погубить...

Ноги, скользя, падали вдоль прутьев, между которыми просунулся тонкий изогнутый сук. Удар каблуком был точен. Сук упал на пол, дымясь. Подошвами связанных ног Крейн оттолкнул его влево к верстаку, к стружкам, и стружки под верстаком загорелись легким белым огнем. Крейн смотрел в огонь, отдыхая.

— Не могли же все, решительно все уйти на процесс...

Огонь поднимался по стружкам, по верстаку; плыл к потолку — по дощатой стене; приблизившись к Крейну, коснулся его сапог.

Крейн вспомнил: нельзя отдыхать. Сжимаясь и разжимаясь, как червь, он должен ползти от огня в самый далекий угол.

Огонь разрастался у дощатой стены. Крейн судорожно полз. Боль разрасталась. Усталость и боль становились сильнее страха и сильнее желания жить.

Крейн смутно подумал:

«...но если я сгорю, — я не сумею дать свои показания!..»

Он дополз и прижался к стенке лицом.

«Должен же наконец кто-нибудь из соседей...»

Крейн потерял сознание.

Дарроу говорил о предпринимателях и рабочих. Он описал тайные сборища Рыцарей труда и первые бои Западной федерации рудокопов. Он рассказал о Кэр д'Алене и стачке 1892 года, и о стачке 1899 года, которая была названа возмущением.

Он провел параллель между свидетелями обвинения и свидетелями защиты.

Высокий, широкоплечий, с седой прядью, упавшей на лоб, знаменитый адвокат стоял, зажимая в руке пенсне, и стекла пенсне загорались под электрическим светом, когда он взмахивал правой рукой.

— Джентльмены, вам предлагают умертвить Вильяма Хевуда... Я готов признать, что у многих видных граждан нашей страны есть серьезные причины желать его смерти,

— но только эти причины не имеют ничего общего с бомбой, разорвавшейся в предместье Калдвелла, ни с бомбой, брошенной на станции Индепенденс. Речи и статьи, стачки и митинги, должность секретаря Западной федерации рудокопов, роль организатора Индустриальных рабочих мира — вот подлинный материал для смертного приговора Хейвуду. Я не ошибусь, утверждая, что этот приговор был вчера заготовлен еще три года тому назад, когда Хейвуд публично сказал представителям Ассоциации владельцев: «Вы приходите и говорите сенаторам: Господа, конституция штата требует закона о восьмичасовом рабочем дне, но вот наше золото, которое лучше конституции...»

.

Люди беспокойно теснились у входа в переполненный зал.

— Дарроу говорит?

— Говорит.

— И хорошо говорит Дарроу?

— Еще бы... Судьи и те протирают очки платками.

— Так их оправдают?

— Вряд ли...

— А как же Дарроу?

— Что ж, Дарроу, — говорит хорошо. В Идаго, видите ли, не оправдывают социалистов. Это — традиция штата.

.

— Джентльмены, замечательный случай! Пинкертоновцы заткнули тряпкой рот одному свидетелю. Но храбрый молодой человек сумел привлечь внимание соседей...

— Как это?

— Он устроил пожар. Сбежавшиеся рабочие нашли его полумертвым, развязали и привели сюда.

— Вздор!

— Джентльмены! Убедитесь сами...

От мрачной толпы под окнами здания суда отделился человек. Человек, покрытый грязью и кровью, поднялся по ступенькам и, пошатываясь, пошел коридором. Сторож у дверей в зал заседания взял его за рукав.

— Я — Джеральд Крейн, — свидетель.

— Поздно.

— Нет, не поздно еще, — сказал Крейн, и он был так страшен на вид, что сторож открыл ему дверь.

Дарроу говорил... Свидетели и корреспонденты, юнионисты и сыщики, судьи, присяжные и сторожа, Хейвуд и Джим внимательно слушали Дарроу. Быть может, только два человека слушали Дарроу рассеянно, поглощенные входной дверью. Когда у входной двери Крейн тихо прислонился к стене, Молли пальцами сжала решетку; Мак-Парланд вынул блокнот. На листке блокнота он писал записку сенатору Бэру.

Дарроу заканчивал речь.

— Я обращаюсь к господам обвинителям, к господам членам Ассоциации владельцев копей; ко всем надеющимся исцелить ненависть ненавистью; ко всем полагающим, что, уничтожив человека, можно уничтожить идеи и стремления человека... Я говорю вам: джентльмены, не будьте столь слепыми и столь безумными, — не думайте, что этой петлей вы задушите Западную федерацию рудокопов, что в этой могиле вы похороните мировое движение рабочих. Я обращаюсь к господам присяжным: джентльмены, Хейвуд умрет, — если вы этого захотите, — но миллионы рук протянутся для того, чтобы взять из окоченевших рук Хейвуда знамя и понести его к последней победе...

Дарроу кончил. Вздохнованный зал готовился к перерыву.

Тогда сенатор Бэр встал. Его движения были торжественны.

— Я прошу, — сказал сенатор, — во имя истины, я прошу допросить еще одного свидетеля, который опоздал не по своей вине. Смотрите!

Сенатор рукой указал на входную дверь.

— Смотрите! Это свидетель, предстающий пред судом самой свободной страны. Взгляните на его лицо, — это человек, чьи показания неудобны Западной федерации рудокопов?

Зал смотрел по направлению простертой руки сенатора. От входной двери к низкой площадке перед судейским столом шел Крейн. Его платье было разорвано. Распухшее лицо испачкано пеплом и кровью. Он шел спотыкаясь. Он расстегнул пиджак и жилет и пальцами рвал подкладку, в которой зашиты были бумаги.

— Выпейте воды, свидетель, — сказал судья Вудс неуверенным голосом.

Крейн молчал, озираясь. По одну сторону — судьи и двенадцать присяжных в одинаковых сюртуках. По другую сторону — зал. Молли, О'Нейл, Мак-Парланд, Джим, Хейвуд. Хейвуд смотрит, внимательно наклонившись к низкому барьеру. В расплывающемся множестве лиц Крейн одного за другим отобрал очевидцев необычайной и страшной судьбы, когда-то обещанной ему мистером Джилом. Еще предстоял конец, и, торопясь к концу, он ответил на вопрос судьи Вудса:

— Джеральд Питер Крейн, сэр.

— Свидетель обвинения?

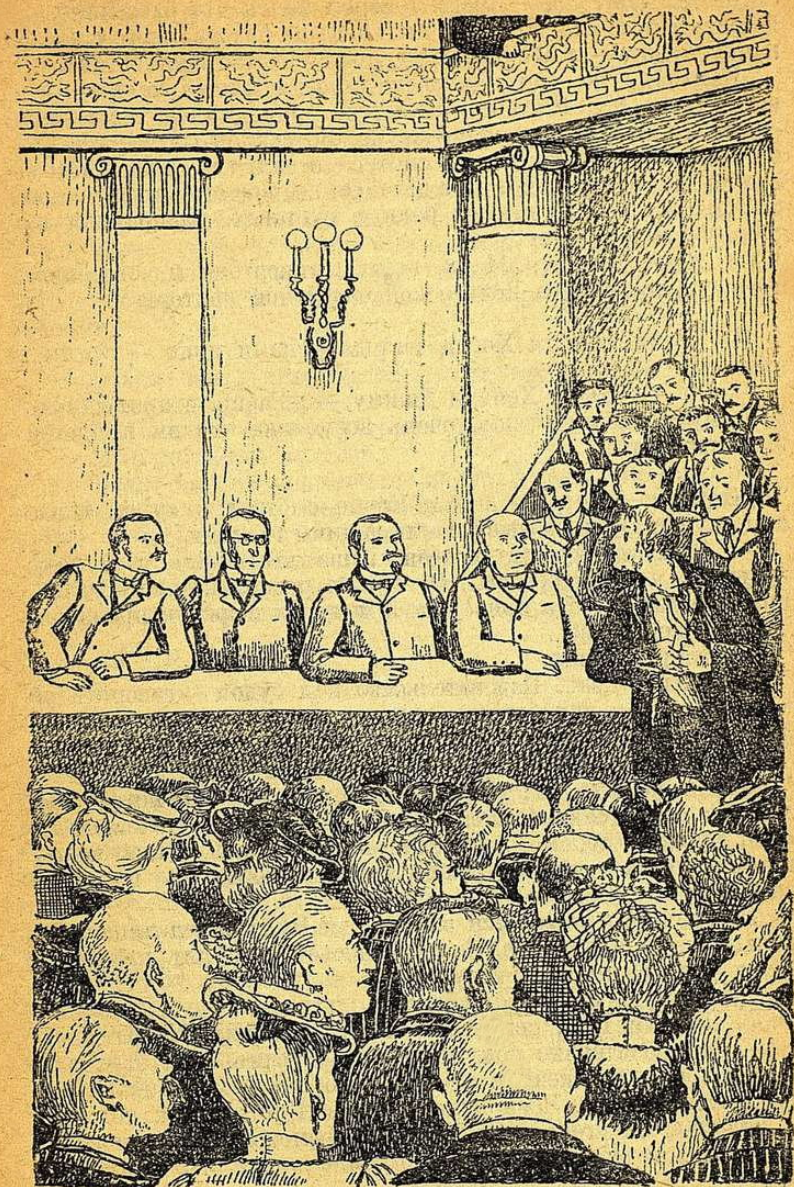
«О, как сейчас вокруг изменятся лица!..»

Но эту мысль Крейн холодно отодвинул. Он не нуждался больше в приманках.

— Джеральд Крейн, свидетель обвинения?

— Да, конечно, — Крейн говорил почти что рассеянно, — я свидетель обвинения... Он вытащил из разорванного жилета пачку бумаг, — я обвиняю Сыскное агентство Пинкертона...

Кажется, по залу прошел стон, и кто-то истерически вскрикнул; Мак-Парланд, кажется, приподнялся с места и снова сел, не выговорив ни звука. Во всяком случае, все это не касалось Крейна. Он не смотрел в зал, где лица и выражения лиц отвлекали его от дела. Он все время боялся упасть и руками, дрожащими от боли в суставах, расправлял на столе бумаги.

— Ваша честь, я № 43, агент Пинкертон и доверенное лицо управляющего Денверской областной конторы.

— Крейн... — Джим Хорти закрыл руками лицо, — Крейн... ужасно!..

— Да, — сказал Хейвуд Джиму, — ужасно, и привыкнуть к этому нельзя. Знаешь, очень возможно, что им придется нас оправдать.

Чтобы не смотреть в зал, Крейн смотрел в худое, серое лицо судьи Вудса с быстро мигающими глазами.

— Я плохо чувствую себя, ваша честь. Нет, я не хочу воды, но я буду краток... О, только несколько документов, которые ваша честь приобщит к делу, подвергнув предварительно экспертизе...

Сенатор вскочил.

— Экспертиза!.. Издевательство над судом — говорить об экспертизе и о приобщении к делу после того, как закончились прения сторон!

Дарроу встал вслед за сенатором.

— Пятнадцать минут тому назад сенатор Бэр потребовал допроса свидетеля обвинения, несмотря на то, что закончились прения сторон. И защита не возражала, ваша честь, потому что этот человек действительно опоздал не по своей вине...

В гудящем и рвущемся зале судья Вудс видел лица плавателей и рудокопов. Ему казалось — он видит, как у рабочих руки сжимаются в кулаки.

Судья Вудс негромко сказал:

— Продолжайте, свидетель, и по возможности кратко.

— Исключительно документы, ваша честь. Моя карточка за № 43 с изображением всевидящего ока — мне она не понадобится больше. Черновики отчетов. Инструкции, которые я получал от агентства. Это даст возможность установить, какие именно операции поручались мне в этом округе. Например, операция со стачечными пособиями, ваша честь, которая состояла в том, что...

— Свидетель, — перебил судья Вудс, — суд хочет знать, какое отношение вы имеете к делу об убийстве губернатора Стейненберга?

— Ближайшее, ваша честь: я лжесвидетель по этому делу. На страницах этого блокнота, — он содержит стенограммы писем Джемса Мак-Парланда к главноуправляющему Бангсу, — вы найдете все, что касается задач, возложенных на Гарри Орчарда и на меня. Экспертиза подтвердит подлинность стенограмм... и пометок, сделанных рукой Мак-Парланда. Потому что Мак-Парланд имел неосторожность делать пометки.

В проходе между рядами О'Нейл, белый от злобы, стиснул похолодевшую руку Кэри.

— Как можно скорее, уберите старого сумасшедшего.

— Я не понимаю вас, сэр.

— Если вы не понимаете меня, проклятый вы богом шпион, я постараюсь выразиться яснее: уберите как можно скорее Мак-Парланда, потому что он сгнил давно и рассыпался при первом толчке. Посмотрите, он весь трясется.

Судья Вудс, наклонившись над гремящим и рвущимся залом, отчаянным звонком объявлял перерыв.

Агент № 12. Отчет

Г. Боиз, штат Идаго, 13 сентября 1905 г.

Дорогой сэр.

Защита ликует. Заседание суда будет продолжаться всю ночь. В городе никто не спит, и на всех углах происходят митинги. Рабочие до такой степени возбуждены, что в случае обвинительного приговора легко может вспыхнуть восстание. Старшина присяжных успел сказать одному лицу, что, при всем уважении к вечным моральным принципам, он не хотел бы видеть свою цветущую ферму обращенной через два или три дня в труду развалин и пепла.

Не считаю возможным скрыть, что дело, очевидно, проиграно, и что разразившийся скандал станет достоянием прессы. О'Нейл

уже высказался в том смысле, что нам временно придется свернуть-
ся, по крайней мере на Западе.

Мистер Мак-Парланд, кажется, не совсем здоров.

С совершенным почтением

№ 12.

* * *

Выражая мнение двенадцати земледельцев, дороживших своими цветущими фермами, старшина присяжных тусклым голосом произнес: «Не виновен». И еще одно: «Не виновен», освобождавшее от судебной ответственности Джима Хорти.

Крича и роняя стулья, друзья обвиняемых бежали к дверям. Враги обвиняемых сторонились, утирались и тоже бежали, уступая напору. У выхода толпа подняла на руки Хейвуда и торжественно понесла как знамя.

Крейн устало сидел на скамье свидетелей. И ночь с решающей схваткой сторон, с показаниями экспертов и последним словом подсудимых — бесконечно тянулась, растягивая усталость до предела человеческих сил. Люди бежали, крича и роняя стулья, но Крейн продолжал сидеть. Когда все стихло, он встал и бесцельно прошелся по опустевшему залу:

— Крейн!

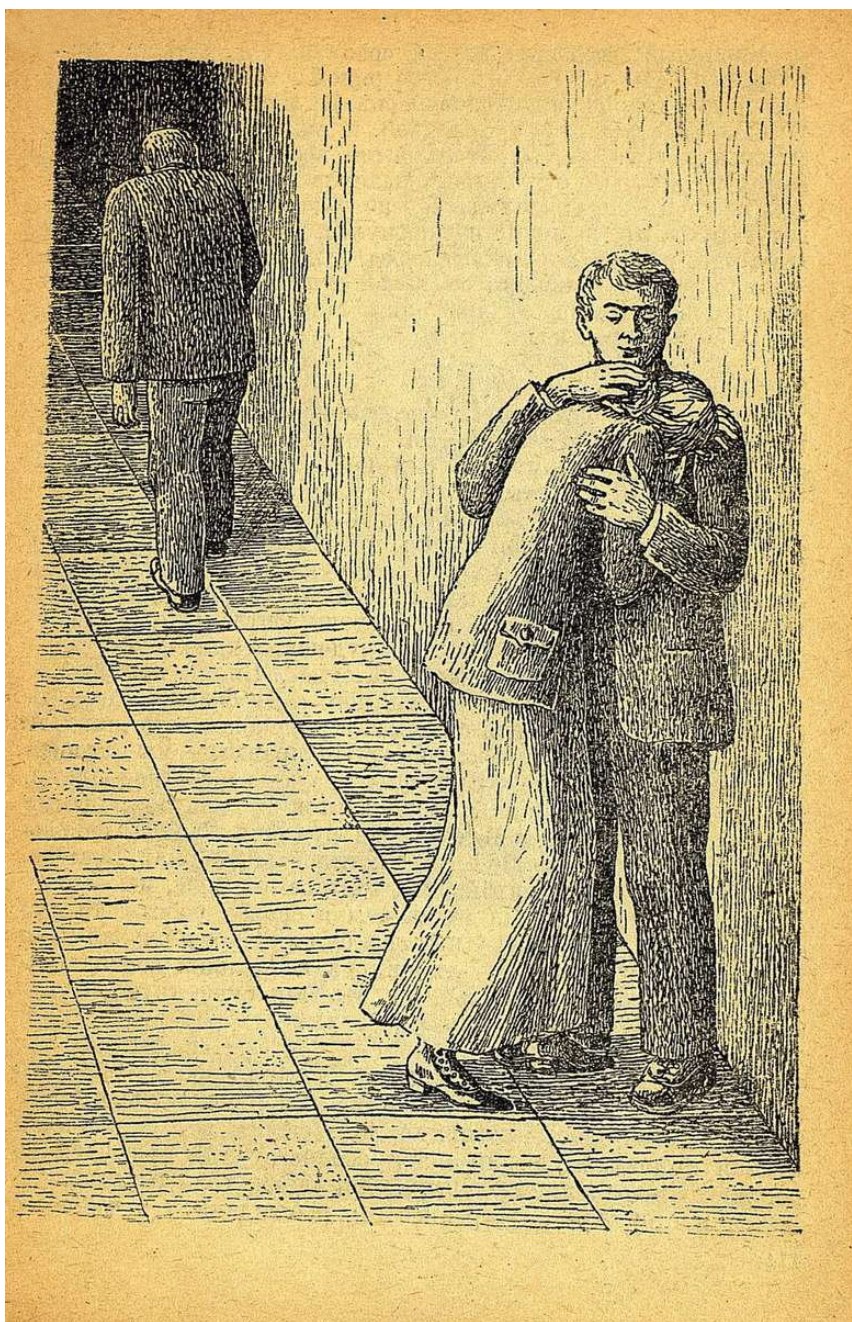
Это был Мангон.

— Крейн, у нас сложные счета. Это — потом. А пока — для вас будет лучше, если вы не попадетесь им в руки. Я хочу сказать — пинкертоновцам. Ясно?

Крейн кивнул.

— Ступайте туда, — Мангон рукой показал направление. — Я приготовлю машину. Ясно?

Крейн кивнул и пошел пустым вестибюлем. Навстречу шла Молли. Ее лицо было страшно измучено. Она шла, не глядя на Крейна, и прошла мимо, почти коснувшись его плечом.

«Как она может так... после всего» — со страхом подумал Крейн и обернулся.

В узком полутемном коридоре ждал Джим. Он стоял неподвижно, и Молли шла, замедляя шаги. Джим протянул к ней руки, когда она подошла совсем близко. Она взяла его руки, прошла еще шаг и положила голову к Джиму на грудь. Крейн смотрел Джиму в лицо. Плечи Молли слишком быстро поднимались и опускались, и Крейн вдруг понял, что Молли плачет, что ее слезы смочили синюю рубашку Джима.

Крейн пошел обратно по коридору. Пройдя еще коридор, он вспомнил, что надо вернуться, потому что Мангон, кажется, ждет у другого выхода, — но он не вернулся; он очень устал.

На дворе рассвело. Крейн вышел во двор, и откуда-то сбоку тотчас же придвинулась машина.

— Скорее! — высунулся шофер, — мы вас ищем.

Машина тронулась сразу, и сразу за сдвинутыми занавесками Крейн ощутил сидящего рядом человека. Крейн вытянул ноги и прислонил голову к спинке. Измученные суставы и мышцы отдыхали в холодной и мягкой коже сидения. Движение, звук, запах мотора были необычайной радостью. Потом на повороте от толчка колыхнулась занавеска, и в беглом свете Крейн увидел на колене соседа знакомую красноватую руку. Крейн понял и улыбнулся. Он больше не должен выбирать, решать и отвечать перед судьбой. В его судьбе не хватало только развязки; он может теперь отдохнуть в прохладной коже и ровном дрожании машины, потому что развязка ему обеспечена.

Хейвуд свободен!

Рудокопы и металлисты, железнодорожники и текстильщики повторяли эти слова. На Западе люди пили виски и жгли динамит, потому что они не знали других способов выражать свою радость.

Когда Хейвуд приехал в Гольдфилд, ему показывали в деревянных полах салунов дырки, пробитые гвоздями на

сапогах ребят, которые плясали, торжествуя его свободу. Митинги охватили страну, и много недель Хейвуд говорил на митингах в Чикаго и Сан-Франциско, в Мильвоки, Ситле и Колорадо.

На митинге в городе Викторе рудокопы кричали:

— Билль, что ты им сказал на суде?.. Билль, повтори!

— В последнем слове подсудимого я им сказал: «Здесь говорилось, что у Западной федерации рудокопов есть “тайный кружок”, и что мы заговорщики. Это правда, — мы заговорщики против прибылей, растущих за счет заработной платы, против ренты и капитала и процентов на капитал; против страшного рабства тех, кто создал рудники Запада, заводы Севера, хлопковые поля Юга, текстильные фабрики Востока. Если это заговор, джентльмены, то, в самом деле, мы — заговорщики...» Это я сказал им; а вам я скажу, ребята: то, что я оправдан, — отсрочка; у них еще будет время и случай меня осудить. Но то, что они — сыщики и владельцы копеек, генералы и федеральные судьи, то, что они существуют, это — тоже отсрочка, потому что мы победим!

Машина стояла на незнакомой лесной дороге. У дороги между редкими соснами, темно-розовыми и медленно чернеющими к верхушке, маленький дом, скорее всего — забытая лесная сторожка. Легкий ветер осеннего утра прошелся по горящему, израненному лицу. Крейн вдохнул ветер. Он направился к сторожке с уверенностью, неожиданной в человеке, который не должен знать, куда его привезли. За ним шел молчаливый спутник.

Крейн вошел в комнату, где стояли скамьи и стол и, когда спутник запер за собой дверь, Крейн сказал:

— Опустите ваш воротник, Мак-Парланд.

— Так ты узнал меня...

В лице Мак-Парланда как будто ослабели пружины и жестоко обозначилась старость.

— Да, — сказал Крейн, узнал... хотя вы сильно изменились за эту ночь, Мак-Парланд.

— Ты не должен шутить, — Мак-Парланд покачал головой, — в сущности, тебе следовало бы молиться.

И он поднял руку с длинным шестизарядным револьвером.

— Подождите...

Сердце Крейна празднично расширялось, как тогда, на трибуне Джефферсон-сквера, и слова, которые наплывали, он непременно хотел сказать — хотя бы Мак-Парланду.

— Подождите... Я должен вам объяснить... Я был глуп. Я не знал, Мак-Парланд, что агентство — такая скучная служба; просто — место, где убивают и предают за восемнадцать долларов в неделю. Я не знал, что можно жить как Хейвуд, — не для себя, и что это так хорошо. Я знаю теперь. Я знаю еще, что вы проиграли драку, — и это такая радость...

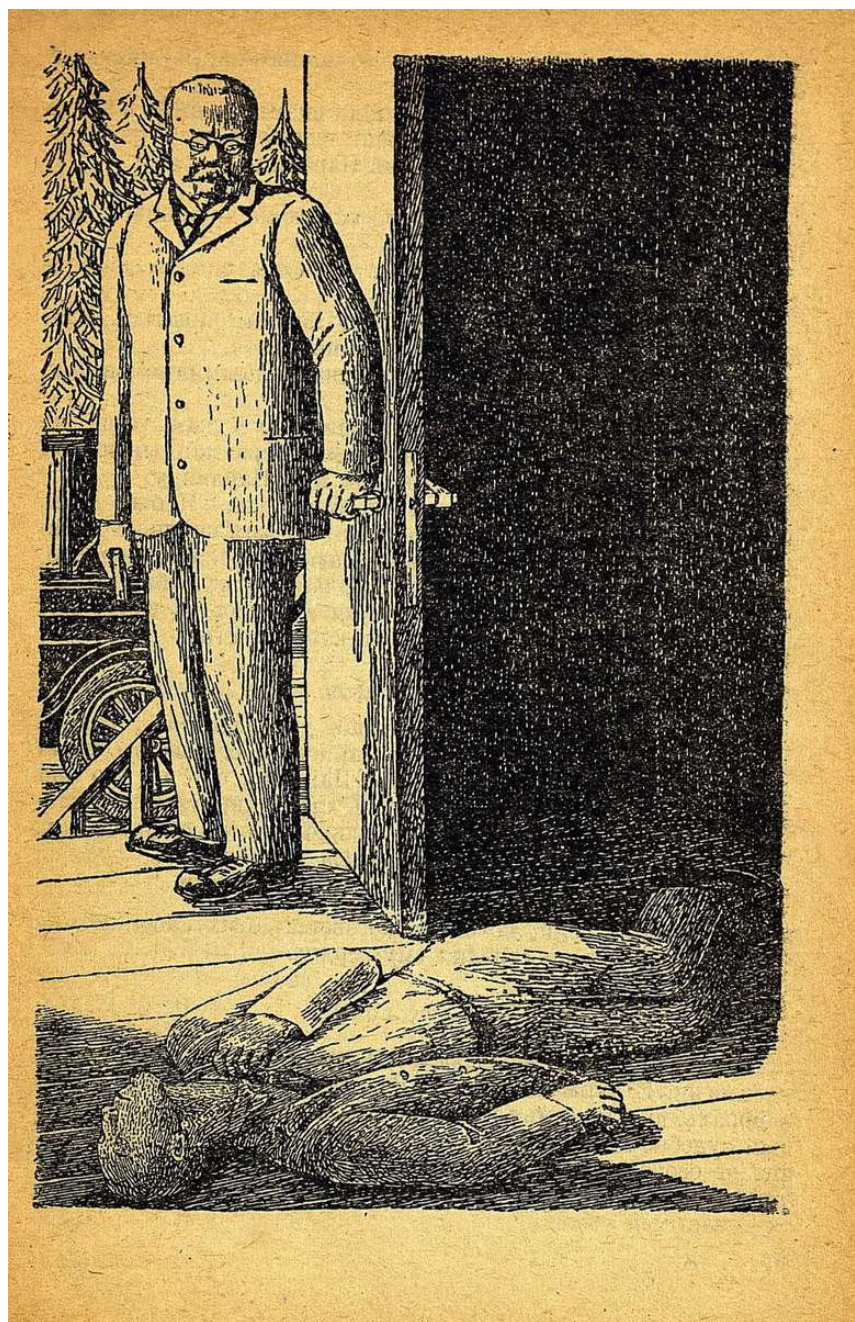
Мак-Парланд смотрел тускло.

— Я не понял тебя. Ты радуешься... чему?

— Концу. «Жизнь — большое удовольствие», сказал Хейвуд однажды, «но пинкертоновцы его не заслуживают...» Я радуюсь концу, Мак-Парланд, и тому, что они победят, и тому, что вы здесь стоите ненужной развалиной, у которой осталась только память о виселицах, поставленных тридцать два года тому назад...

...и возможность убить еще одного человека... —

хотел сказать Крейн, но он не договорил этих слов, потому что Мак-Парланд прострелил ему сердце.

П о с л е с л о в и е

«Священное право собственности» — столп буржуазной идеологии. В буржуазных странах его поддерживают закон и мораль, школа, семья и церковь. Его охраняет могущественный судебно-полицейский аппарат. Этого мало: буржуазия не питает особого доверия к продажным и бездарным государственным чиновникам. Выражением этого недоверия явился — частный сыск.

С ростом промышленного капитализма растет рабочее движение, принимая все более угрожающие для капиталистов формы. Частные сыщицкие конторы сразу специализировались по рабочему шпионажу, который оказался неизмеримо выгоднее уголовного сыска. Уголовный сыск был оставлен для маскировки и рекламы.

Полицейский в мундире с дубинкой в руке плохо годился в герои. Службу в полиции буржуазия считала занятием необходимым «для блага общества», но мало почетным. Другое дело — сыщик во фраке. Его можно было снабдить всеми прикрасами героики и романтики. За это взялась литература.

Сыщицкая литература колоссально разрослась, подчиня себе целиком творчество отдельных писателей.

Наряду с детективными произведениями высокого литературного качества, все большее распространение получала детективная бульварщина, рассчитанная на обывателя. Проповедь буржуазных добродетелей и священного права собственности подкрашена здесь кровавыми происшествиями, «роскошной жизнью графинь и лордов», дешевой романтикой, возбуждавшей нервы читателя.

В 1907 году, в эпоху реакции и разгрома русского рабочего движения, петербургское издательство «Развлечение» приступило к выпуску «Пинкертона». За «Пинкертоном» последовали «Ник Картер», «Русский Шерлок Холмс» и т. д. — еще более халтурные, чем «Пинкертон», если это только возможно.

В главу «Музей Ната Пинкертона» вставлены куски из «русских Пинкертонов». Это — отнюдь не литературная пародия, это — просто цитаты. Любая страница любого из пятикопеечных выпусков представляет собой образчик такой же нелепицы.

Еще и сейчас иногда можно услышать: пинкертоновская литература была литература безграмотная, вредная, но все-таки... занимательная. Это — предрассудок. Книжки издательства «Развлечение» — скучные книжки. Сюжет в них скроен так грубо, что развязку можно безошибочно предсказать со второй страницы.

Но в 1907-1908 годах в России сыщицкая литература явилась совершенной новинкой. Глупую и серую халтуру издательства «Развлечение» читали запоем торговцы и мелкие чиновники, гимназисты и студенты, и рабочая молодежь*.

Последнее не случайно. Есть основания предполагать, что издательство «Развлечение» получало субсидии от охранки.

Во всяком случае, пинкертоновские выпуски были «агитационной» литературой. Недаром почти каждый из них заканчивался поучительным сообщением о наказании, постигшем нарушителя права собственности, и о гонораре, доставшемся «смелому поборнику правосудия».

Сыщицкая литература должна была воспитывать молодежь в духе идеологии господствующего класса.

«Каковы бы ни были подвиги западного Пинкертона, все же ему приходится проявлять находчивость, героизм, порой даже великодушие. Подвиги свои он как-никак совершает во имя защиты невинных». — Это в 1909 году писала кадетская «Речь», издававшаяся под редакцией Милюкова.

Пинкертоновские выпуски усердно трубили о том, что «Нат Пинкертон — не плод воображения». Русские чита-

* В статье «Нат Пинкертон и современная литература» К. И. Чуковский привел данные относительно тиражей издательства «Развлечение». Эти цифры частью использованы в главе «Музей Ната Пинкертона».

тели пропускали это заявление мимо ушей, как очередную рекламу предприимчивого издательства. Однако Нат Пинкертон существовал в действительности, и все, что рассказано в этой книге о возникновении и дальнейшем преуспевании Национального сыскного агентства Пинкертона, основано на подлинных фактах*.

Если литературная тень Пинкертона гонялась за ворами высшего и низшего полета, то сам он занимался делом гораздо более серьезным.

Нат Пинкертон был основателем рабочего шпионажа в Америке. За ним, разрастаясь с каждым годом, последовали агентства Тилля, Бернса, Шермана и т. д. После мировой войны в списках трех только крупных агентств числилось сто тридцать пять тысяч служащих. Эти агентства насчитывали десять тысяч местных отделений, приносивших владельцам шестьдесят пять миллионов долларов ежегодно. Агентство Шермана платит в год двести шестьдесят пять тысяч подоходного налога.

Но эта книга — не хроника Индустриальных рабочих мира, не биография Хейвуда, не исследование о сыскных агентствах. «Агентство Пинкертона» — роман, и автор оставил за собой право свободного совмещения и перегруппировки исторических материалов.

В «Агентстве Пинкертона» раскрыты основные методы работы «частных сыскных контор»: шпионаж на производстве, разложение рабочих союзов, провокация. Применялись и более откровенные приемы борьбы. Уже в 1892 г. Агентство Пинкертона послало в Гомстед, где бастовали рабочие Стальной компании Карнеги, триста превосходно вооруженных человек. Пинкертоновцы вступили с рабочими в бой.

* В основе всей книги лежит фактический материал. Здесь были взяты в работу три рода фактов: факты точные; факты комбинированные, то есть имевшие место в разное время и в жизни разных людей; наконец факты, созданные по аналогии. Если их не было, то они могли бы быть и здесь мерилom служили те возможности, какие предоставляет писателю американская действительность начала двадцатого века.

С обеих сторон насчитывали двенадцать убитых и двадцать тяжело раненых. Со временем военные методы сыскных контор усовершенствовались. В 1914 году и позже доходило до того, что агенты с броневигов, вооруженных пулеметами, расстреливали поселки бастующих горняков.

Один деятель американского профсоюзного движения утверждал, что в Соединенных штатах примерно к каждым двум десяткам рабочих приставлен один шпион. Страшная американская болезнь производственного шпионажа до сих пор разъедает рабочее движение страны, причиняет огромное зло компартии.

Сыскные агентства Соединенных штатов сильны своей спайкой со всем аппаратом капиталистического государства. В этой книге работа агентства показана в системе промышленных компаний, федеральных войск и судов, полиции и милиции, церкви и «общественных организаций» типа Союза граждан.

Сыскные агентства, — как и каждое звено этой цепи, — сильны еще слабостями американского пролетариата.

* * *

Рабочему классу Америки пришлось бороться с капиталом необыкновенно организованным и сплоченным. Ни в какой другой стране буржуазия не располагала такими мощными полицейско-военно-судебными средствами удушения рабочих. Вместе с тем, огромные барыши американских предпринимателей позволили им подкупить рабочую верхушку.

Квалифицированный американский рабочий сравнительно много зарабатывал, зато он и работал чрезвычайно много и интенсивно, преждевременно истощая свои силы. Кроме того, он много проживал, потому что дороговизна в Америке росла с каждым годом. Тем не менее, высокая заработная плата сделала свое дело: «аристократы труда», — обладатели квартиры из трех комнат с ванной, граммофона и хорошего костюма для воскресных выходов в церковь, —

превратились в мелкобуржуазный оплот капитализма, враждебный пролетарской массе.

С другой стороны, для иммигрантов: русских, поляков, румын, чехов, итальянцев, китайцев, получавших у себя на родине нищенскую зарплату, все условия были хороши. Голодная, темная толпа жадно набрасывалась на работу, снижая ставки, штрейкбрехерствуя, возбуждая ненависть коренных рабочих.

Рабочий класс Америки резко расслоился. Верхний этаж — это «стопроцентные американцы», квалифицированные рабочие промышленных восточных штатов. Следующий этаж — старые иммигранты, «пятидесятипроцентные американцы». За ними следуют новые иммигранты — дешевая рабочая сила. В самом низу — отверженцы-негры, которым был закрыт доступ в большую часть профессиональных союзов.

Наступление крупного капитала пролетаризировало и бросило в рабочие ряды огромную массу сельской и городской мелкой буржуазии. Она принесла с собой индивидуализм, делячество, соблазны «личной удачи», бредни о «чистильщиках сапог», которые становятся сенаторами и миллиардерами.

В «Агентстве Пинкертона» этот именно социальный тип выражен в лице Крейна.

Чудовищная концентрация капитала и систематический подкуп «рабочей аристократии», мелкобуржуазные настроения, профессиональная раздробленность и расовая вражда породили две крайности, два противоположных типа американских рабочих союзов: оппортунистические союзы квалифицированных англо-саксонских рабочих восточных штатов и боевые полуанархические союзы Запада, опирающиеся на иммигрантов, чернорабочих, на бродячих рабочих и негров.

Оба типа союзов наметились уже во второй половине девятнадцатого века. В 1869 году был основан Орден «Рыцарей труда»; в 1881 году — «Федерация организованных профессий Соединенных штатов и Канады». Впоследствии она переобразовалась в Американскую федерацию труда. Самуэль

Гомперс стоял во главе федерации в течение сорока лет, вплоть до своей смерти в 1924 году.

«Рыцари труда» были сторонниками прямого действия: они считали стачки и саботаж лучшим средством в борьбе за восьмичасовой рабочий день и за признание юнионов. У «Рыцарей труда» были крайне туманные представления о будущем общественном строе, но во всяком случае они отрицали капитализм. Напротив того, «Федерация» признавала капиталистическую систему вечной. Федерация добивалась только частичных улучшений для рабочей верхушки (сокращение рабочего дня, повышение заработной платы, лучшие условия труда и т. д.).

С середины восьмидесятых годов рабочее движение оказалось всецело в руках Американской федерации труда. АФТ выдвинула лозунг «общности интересов труда и капитала»; она продавала хозяевам стачки своих союзов и поставляла штрейкбрехеров, когда бастовали другие организации. В деле «мирных соглашений» с предпринимателями она зашла так далеко, что известны случаи, когда хозяева требовали от своих рабочих вступления в ряды АФТ.

АФТ создала мощную профсоюзную бюрократию, касту дельцов и чиновников. Один из них заявил публично: «Я прежде всего думаю о рабочих сигарной промышленности, об интересах тех людей, которые наняли меня для того, чтобы я представлял их интересы». Руководители нескольких сталелитейных союзов АФТ перешли на службу к предпринимателям. По этому поводу Гомперс в своей автобиографии спокойно заметил: «Им пришлось уйти, так как организация их скудно оплачивала».

Впрочем, кое-кто сводил концы с концами и не переходя на службу к предпринимателям. Джон Митчель, вице-президент АФТ и лидер «Объединенных горнорабочих», оставил после себя состояние в триста тысяч долларов.

Возбуждение против АФТ росло с каждым годом. Традиции Ордена «Рыцарей труда» жили еще в отдельных рабочих организациях. Самой мощной из них была Западная федерация рудокопов. В 1897 году ЗФР вышла из Американской федерации труда. На съезде 1901 года она приня-

ла социалистическую программу. В 1904-5 годах ЗФР, вместе с восточными социалистами, взяла на себя почин в деле объединения оппозиционно настроенных союзов. Когда 26 июня 1905 года в Чикаго открылся первый конгресс индустриалистов, бессменным председателем этого конгресса был избран секретарь-казначей ЗФР, Вильям Хейвуд.

Каждый лозунг Индустриальных рабочих мира был отрицанием какого-либо из лозунгов Американской федерации труда. Вместо пресловутой «общности интересов» — уничтожение капитализма. Вместо цеховой системы, распылявшей рабочих каждого предприятия на мелкие беспомощные группы, — производственные союзы, объединяющие всех рабочих каждого предприятия, рабочих целых отраслей промышленности; в идеале — всех индустриальных рабочих страны.

АФТ опиралась на «аристократов труда», ИРМ — на неквалифицированную рабочую массу.

На первом конгрессе индустриалистов Хейвуд сказал:

«Мы опустимся на дно, чтобы добраться до масс и поднять их на уровень достойного существования. Мне наплевать на то, присоединятся ли сейчас к индустриальному движению квалифицированные рабочие. Рано или поздно, они все равно придут к нам искать защиты. Вам это может показаться странным, но в настоящее время квалифицированный рабочий эксплуатирует подчиненного ему чернорабочего, пожалуй, не меньше, чем капиталист».

Огромная заслуга ИРМ — в том, что они распропагандировали и сорганизовали широкие массы негритянских рабочих и иммигрантов. Они создали лучшие боевые союзы в той самой среде, которая прежде во множестве поставляла штрейкбрехеров и предателей.

Пока ИРМ отрицали, они чувствовали себя очень уверенно. Они отлично знали, против чего они борются. Но вот за что они борются? Какова их положительная программа? Это всегда оставалось неясным.

Гомперсисты утверждали прямо: тред-юнионизм есть чисто экономическое движение, которое не нуждается ни в собственной политической программе, ни в отдельной ра-

бочей партии. Голоса своих последователей Гомперс отдавал то одной, то другой из двух больших буржуазных партий (республиканской и демократической), смотря по тому, от которой из них удалось получить больше обещаний. Эту систему Гомперс назвал: «награда друзьям, наказание врагам».

Соблазны демократических «свобод и гарантий» имели страшную власть над сознанием американца любого социального слоя. Эти конституционные призраки развратили умы даже подлинно-непримиримых вождей. Даниэль де Лион, — по словам Ленина, предугадавший «идеи советского строя», — все же считал, что в Америке (только в Америке!) социализм будет когда-нибудь установлен при помощи... всеобщего голосования. Социалистическая рабочая партия, руководимая де Лионом, опиралась на революционно-марксистскую теорию, но кабинетная замкнутость, отрыв от рабочих масс, от практического профсоюзного движения сделали ее бесплодной. Что касается реформистской Социалистической партии (ее поддерживала городская и сельская мелкая буржуазия, разоряемая крупным капиталом), то она довела парламентские увлечения до абсурда. Вся ее деятельность свелась, в конце концов, к предвыборной погоне за голосами.

Все это толкнуло пролетариат к другой крайности. В Индустриальных рабочих мира оформилось революционное брожение, возникшее среди иммигрантов, негров, черно-рабочих, кочующих и сезонных рабочих Запада. Чрезвычайно благодарная почва для идеологии анархизма или чистого синдикализма, то есть идеологии чисто экономической борьбы.

Анархо-синдикализм отказывается от «политического действия» (в том числе и от всех видов парламентской борьбы) и проповедует «прямое действие», то есть стачки, саботаж, иногда и террористические акты. Анархо-синдикализм считает, что государство отомрет вместе с правящим классом на другой день после революции; что для окончательного свержения капитализма пролетариату достаточно остановить все фабрики и заводы, а для установления

социалистического строя достаточно овладеть средствами производства.

На первом съезде ИРМ анархо-синдикалисты сразу столкнулись с социалистами по вопросу о «политическом действии». Из жарких споров возникло промежуточное решение. Один из пунктов декларации гласил: «Борьба между... двумя классами должна продолжаться до тех пор, пока все трудящиеся не объединятся как на политическом, так и на экономическом поприще и не удержат в своих руках посредством экономической организации рабочего класса, но вне всякого слияния с любой политической партией — все то, что производится их трудом». Дальше подчеркивалось, что после революции руководить хозяйством страны будут не партия, а профессиональные союзы.

Анархо-синдикалисты ненадолго удовлетворились этой уступкой. Через два года так называемая «пролетарская чернь», сплотившаяся вокруг горняка Винсента Сент-Джона, выжила из организации группу де Лиона, то есть сторонников «политического параграфа». «Дальнезападные ораторы, выступавшие на ящиках из-под мыла», торжественно вычеркнули из устава слова: «...как на политическом... поприще».

С этого момента анархо-синдикалистский характер организации определился бесповоротно. «Аллилуйя, я бродяга», — так назывался любимый гимн западных ИРМ.

Взялся бы ты за работу,
Как другие люди —
Черт возьми! А что мне делать,
Ведь работы нет,
Аллилуйя, я бродяга,
Аллилуйя, я босяк!
Аллилуйя, накормите!
Все мы ходим натошак*.

* Автор этой песни и многих других песен индустриалистов, Джо Хилл, был казнен в 1915 году по обвинению в убийстве.

Несмотря на люмпен-пролетарские настроения ИРМ, их боевая практика имела огромное значение в развитии рабочего движения Америки. «Забастовки, которыми руководили Индустриальные рабочие мира, — пишет Андрейчин*, ...все это были не обычные «рабочие конфликты», а гражданская война в миниатюре. Индустриальные рабочие мира во всех этих кровавых боях подготавливали сотни тысяч рабочих к настоящей классовой войне, учили их полагаться только на свою собственную организационную мощь и смотреть на вооруженные силы республики, парламент, суд, штатную милицию и полицию как на орудия подавления рабочих в руках господствующего класса... с презрением отвергать и нарушать всякие декреты и запреты».

В 1917 году Соединенные штаты объявили Германии войну. Гомперс немедленно призвал «рабочих и сограждан к патриотическому служению во имя святости труда, справедливости, свободы и человечности». Вместе с представителями крупнейших трестов, Гомперс заседал в совещательном комитете при Совете национальной обороны.

Индустриальные рабочие мира заняли резко антивоенную позицию. Ряд забастовок в отраслях промышленности, связанных с военными заказами, и агитация в армии привели капиталистов в бешенство. Индустриальные рабочие мира были объявлены вне закона. В ход пустили излюбленные американские средства: высылку за пределы штата, суд Линча, военный террор, массовые процессы. В Чикаго перед судом предстали сто один человек по обвинению в заговоре, имевшем целью «воспрепятствовать нормальному ведению войны».

Если хозяева страны хотели вырвать жало у Индустриальных рабочих мира, то они достигли своей цели. Пока одни лидеры сидели в тюрьме, а другие искали спасения в бегстве, аппарат организации захватили оппортунисты. Вырождение совершилось так быстро, что уже на съезде в 1924 году генеральный секретарь ИРМ сказал: «Время ре-

* Андрейчин — друг Хейвуда, член ИРМ, а впоследствии коммунист.

волюций прошло... Мы никого не ненавидим, ни предпринимателей, ни капиталистов; мы должны ненавидеть только нынешнюю систему». Тот же съезд вынес порицание редактору официального органа ИРМ за употребление по адресу капиталистического строя выражений: «свергнуть» и «разрушить».

ИРМ, бурно приветствовавшие зарождение Советской республики и Красного Профинтерна, с 1921 года занимают резко враждебную позицию по отношению к Москве, к Коминтерну, к Профинтерну, к Коммунистической партии Америки.

За всем этим стояло не только все возрастающее влияние реформистов, но и старые анархо-синдикалистские навики ИРМ: отрицание марксистских положений о диктатуре пролетариата, о массовой борьбе после революции, о значении государства; люмпен-пролетарский страх перед организованной политической властью.

С 1919 года начинается быстрое распыление организации. Часть ИРМ пошла на откровенное сближение с желтыми социалистами. Другая часть решительно стала в ряды компартии. Одним из первых вступил в эти ряды Вильям Хейвуд.

* * *

Вильям Дадли Хейвуд родился в 1869 году в долине Солёного Озера. Его отчим служил пробирером в штате Юта. Хейвуду было девять лет, когда он впервые спустился в шахту. С четырнадцати лет он работал откатчиком на рудниках Идаго, Юты и Невады. Хейвуд был «рудокоп до мозга костей», хотя в жизни ему пришлось испробовать кроме того ремесло батрака, приказчика, рассыльного, конюха и ковбоя.

Атмосфера страстной классовой ненависти, встречи со старыми «Рыцарями труда», потрясающие впечатления от Хеймаркетского дела и от великой железнодорожной стач-

ки 1894 года воспитывали в нем революционера. В 1896 году он примкнул к Западной федерации рудокопов. Он ушел из Западной федерации рудокопов в 1908 году, когда там возобладало соглашательское влияние Мойера. С этого времени Хейвуд все силы отдает Индустриальным рабочим мира. Он руководит крупнейшими стачками (стачки она называл «революцией в зачатке»); он организует союзы по всей стране; он всегда находится там, где опасно и трудно.

«Дело об убийстве губернатора Стейненберга» — характернейший эпизод биографии Хейвуда, — скрещивается с решающими событиями в истории американского рабочего движения начала двадцатого века. Вместе с тем, трудно найти момент, который бы с большой ясностью обнаружил методы и социальную природу рабочего шпионажа*.

Во время президентских выборов 1916 года Хейвуд сказал: «Этот лицемер и ханжа Вильсон затеял крупную игру: он водит за нос доверчивые массы, питая их вздором насчет “удерживания от войны”. Он продаст всех, как только его изберут». Предсказания Хейвуда оправдались. «Я вижу, что мы не можем остановить войну, а потому давайте по крайней мере саботировать и препятствовать ее нормальному ходу».

Агитация Хейвуда в значительной мере вызвала ту лихорадку антивоенных стачек, которая потрясла страну. Хейвуд был в числе сто одного индустриалиста, обвиненного в «заговоре против войны». Хейвуда и еще четырнадцать человек приговорили к двадцати годам каторжной тюрьмы и к штрафу в двадцать тысяч долларов. Он начал отбывать свой срок в Левенвортской тюрьме. Когда его туда привезли, начальник тюрьмы сказал: «Хейвуд, камеры невелики. Двум крупным мужчинам в одной камере будет тесно. Ко-

* Темпы книги потребовали некоторого смещения сроков. Процесс Хейвуда, имевший место в 1906-7 годах, приурочен здесь к 1905 году — году зарождения Индустриальных рабочих мира.

го из людей небольшого роста вы хотите выбрать себе в сожители?.. »

«Прямо против меня сидел Владимир Лосев. Я спросил его, хочет ли он поселиться со мной на ближайшие двадцать лет. “Буду очень рад”, — сказал он».

Однако в 1919 году, под давлением рабочих организаций, был назначен пересмотр дела. Осужденных выпустили под залог. Когда дело из апелляционного суда перешло в Верховный суд Соединенных штатов, стало ясно, что Хейвуду предстоит на восемнадцать лет возвращаться в каторжную тюрьму. Он бежал в СССР. «При входе на пароход я показал инспектору бумаги, заменявшие мне паспорт. Я тотчас же спустился в каюту и вышел на палубу только тогда, когда пароход проходил мимо статуи Свободы. Я поклонился фурии с поднятым факелом и крикнул — прощай! Довольно ты поворачивалась ко мне спиной. Теперь я еду в страну настоящей свободы!»

В Москве Хейвуд прожил восемь лет. Он деятельно поддерживал связь с американской компартией; деятельно работал в Красном Профинтерне, в Мопре, в совете правления Кузнецкой детской колонии. Он был награжден орденом Красного знамени.

18-го мая 1928 года Хейвуд умер в кремлевской больнице от удара. После кремации пепел, согласно воле Хейвуда, разделили на две половины. Одна погребена у кремлевской стены, другая покоится на Вальдгеймском кладбище в Чикаго, рядом с могилами четырех анархистов, казненных по делу Хеймаркетского взрыва.

Хейвуд с юных лет считал себя социалистом. Не следует забывать, что для американца это слово имеет иногда очень широкий и неопределенный смысл. В разгаре своей революционной работы Хейвуд был, конечно, ближе всего к анархо-синдикализму.

В знаменитой речи на первом конгрессе индустриалистов Хейвуд сказал: «Цели и стремления этой организации заключаются в том, чтобы передать рабочему классу обладание экономической властью и средствами существования, контролем над производством и распределением, не

считаясь с владельцами-капиталистами... Она отрицает всякие компромиссы и сдачи позиций и преследует только одну цель — передачу в полное владение рабочих этой страны продуктов их собственного труда». Впрочем, для Хейвуда чисто-экономическая установка была в значительной мере делом протеста против парламентаризма гомперсовцев и политиканства социалистических вождей. Во всяком случае, к коммунизму он пришел быстро и безоговорочно.

Об Октябрьском перевороте Хейвуд узнал, сидя в тюрьме. В этот день он сказал товарищам по заключению: «Ну, ребята, теперь наступила наша революция!» Он мечтал о сотрудничестве Индустриалистов с компартией.

Конечно, Хейвуд до конца остался чистым практиком революции. Его теоретические воззрения московского периода не свободны от неясностей и противоречий. Но в России он учился марксизму, как мог. Свою автобиографию Хейвуд заканчивает встречей с Лениным:

«— В Советской России рабочие управляют промышленностью? — спросил я.

Он ответил мне:

— Да, товарищ Хейвуд. В этом коммунизм».

**Л. Гинзбург
Л. Канторович**

**АГЕНТСТВО
ПИНКЕРТОНА**

АГЕНТСТВО ПИНКЕРТОНА

В наших школах и отрядах еще не редко можно встретить ребят, которые любят читать старые истрепанные книжки про сыщика Пинкертон.

В этих книжках все от первого до последнего слова ложь. Сыщики вроде Пинкертонна вовсе не благородные герои, преследующие грабителей, а верные собаки ищейки капиталистов помогающие им в борьбе против рабочего класса.

Но агентство Пинкертонна не выдумка, а действительно существует на свете. Из этой истории в картинках ребята узнают правду о сыщиках Америки.

Ёж призывает своих читателей объявить беспощадную войну лживым старым книжкам про Пинкертонна, Холмса и Ник Картера.

ТЕКСТ Л. ГИНЗБУРГ

РИС. Л. КАНТОРОВИЧ

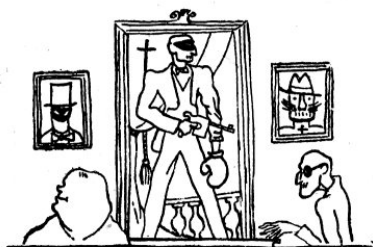
1. 26 июня 1905 г. рабочие кварталы Чикаго охвачены были волнением. Открылся Первый съезд индустриальных рабочих мира. Председательствовал на съезде секретарь Западной федерации рудокопов, вождь боевого западного пролетариата — Вильям Хейву.

2. Джеральд Крейн, — сын разорившегося фермера, бродил по улицам в напрасных поисках работы. В газете ему попалось объявление неизвестной фирмы: «Требуется толковый служащий для работы в выгодном деле. Великолепный случай для предприимчивого человека завести связи с лучшим обществом».

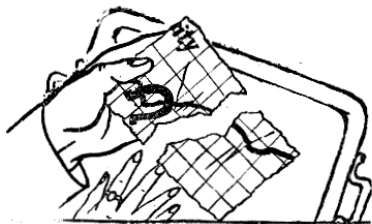
3. Крейн направился по указанному адресу
— Вы посещаете церковь? — спросил джентельмен в темных очках.
— Да, сэр.
— Какими видами спорта вы занимались?
— Футбол, крокет, легкая атлетика.
— Как вы относитесь к программе Индустриальных рабочих мира?
— Сэр, я не интересуюсь политикой.

4. — Мистер Крейн, у вас прекрасная мускулатура и подходящий для нас образ мыслей. Вашими услугами желает воспользоваться агентство, основанное мистером Натом Пинкертонном (вот портрет этого великого человека). В течение пятидесяти пяти лет эта организация бесценно стоит на страже религии, семьи, порядка, закона и добродетели.

5. Крейн приступил к работе в Национальном сыском агентстве Пинкертон, оборудованном по образцу лучших торговых предприятий. Он мечтал прославиться в борьбе против своры уголовных преступников. Вскоре Крейну дали маленькое поручение: Мистрисс Гульд, жена железнодорожного дельца Перси Гульда, преследует нас вздорным страхом. Она воображала, что с ее мужем случится несчастье. Вы уверьте эту даму в том, что агентство бодрствует, и что ей не о чем беспокоиться.

7. Находка состояла из двух полуобгорелых обрывков писчей бумаги. Мистрисс Гульд вышла из комнаты. Крейн, как подобает знаменитому сыщику, ломал голову над тем, что может означать изображение лошадиной подковы и волнистая черта, напоминающая веревку.

9. У Китинга происходило совещание членов правления железной дороги Чикаго—Бармингтон—Квинси. Крейн подслушивал. Он узнал, что на линии — беспорядки; что акции компании быстро падают и этим хочет воспользоваться всезнающий Вильфрид Редж — король железных дорог. Перси Гульд заявил, что прежде чем уступить дорогу Реджу, он хочет лично ее обследовать и для этого сегодня же ночью выезжает на Бармингтон.

6. — Не правда ли вы очень знаменитый, сыщик? — вскричала Мистрисс Гульд, при виде Крейна. — и вы нас спасете! О, только скажите: да.

— Да, — изумленно для самого себя сказал Крейн. Мистрисс Гульд сообщила, что ее муж, повидимому, угрожает смертельная опасность. Таинственная находка в остывшей золе каминной подтвердила сегодня все ее подозрения.

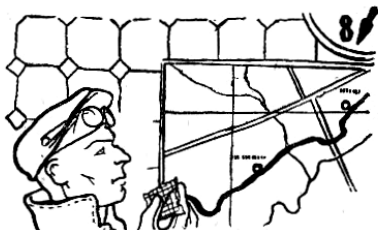

8. Мистрисс Гульд вбежала в комнату.

— Какое счастье... Бой — шофер повезет себе руку.

— Мистер Гульд сейчас выезжает к Китингу. Вы разыграете роль нового шофера, чтобы повсюду сопровождать и охранять моего мужа.

И Мистрисс Гульд подала Крейну автомобильное пальто, очки и перчатки с расстругами.

10. Крейн отвез Мистера Гульда на станцию. Не зная, что предпринять, он бродил по залам и рассматривал расписания поездов и таблицы тарифов. Вдруг Крейн застыл. Он увидел чертеж железнодорожного пути Чикаго—Бармингтон—Квинси; на чертеже с точностью повторялись извилины волнистой черты, изображенной на той обгорелой бумаге, которую нашла мистрисс Гульд.

АГЕНТСТВО ПИНКЕРТОНА

11. Крейн быстро вычислил по масштабу, что знак лошадиной подковы совпадает с поворотом пути в двадцати километрах от исландской станции Аврора.
— Там нечто должно произойти... Какой случай стать знаменитым сыщиком!

На станции Крейн узнал, что в 12 ч. 30 м. отходит добавочный товарно-пассажирский поезд „Д“, в 1 ч. 20 м. специальный поезд мистера Гульда.

13. Специальный поезд приближался к станции Аврора. В вагоне дирекции беседовали двое джентльменов. Один из них был Перси Гульд, другой знаменитый Редж, король угля и железных дорог, соперник компании Чикато — Баррингтон-Квинси.

— Да, — сказала Гульд, — не хотел бы я сейчас быть пассажиром товарно-пассажирского „Д“, который идет перед нами.

— Еще бы, — сказала Редж, — Гарри Орчард чисто работает.

15. Крейн ворвался в вагон.

— Вы хотите сказать, — вскричал Перси Гульд, — что поезд „Д“ потерпел крушение.

— Я хочу сказать, что агенты Пинкертона стоят на своем посту, и поэтому поезд „Д“ благополучно приближается к Галесбургу. И Крейн вытащил из кармана лошадиную подкову.

— Проклятье!.. — вскричал Перси Гульд.

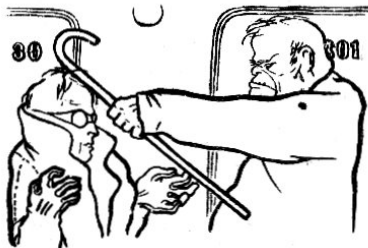

12. Необходимо было опередить тот и другой. Машина мистера Гульда быстро домчала Крейна к точке в двадцати километрах от станции Аврора. При свете луны Крейн разглядел, как у откоса маленький человек насаживает на рельсу лошадиную подкову.

14. При виде подковы, насаженной на рельсу, Крейн понял все: колесо паровоза должно повернуть подкову боком. Если подкова попадет между рельсом и закраиной на бандаже колеса, крушение почти неизбежно.

Крейн связал злоумышленника и стал ждать. Поезд „Д“ своевременно прошел мимо. Когда ж к откосу приблизился специальный поезд мистера Гульда, Крейн вскочил в него на ходу.

16. — Проклятье! — прогремел Редж. — Я плачу бешеные деньги Гульду и пинкертоновцам не для того, чтобы каждый бездельник портил мою игру...

От удара палкой Крейн потерял сознание.
— Остановите поезд, Гульд, — сказала Редж, — посмотрим, что этот сумасшедший сделал с малюткой — Орчардом.

17. Крейн очнулся в доме начальника станции Аврора. У кровати Крейна стоял главноуправляющий Чикагской конторой агентства и его старший помощник.

— Сер, — пробормотал Крейн, — мне кажется, я исполнил мой долг до конца.

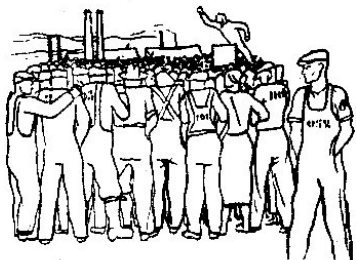
— Несчастный гаупен, вы...

19. — Сер, — прервал главноуправляющего помощник, — пациент близок к обмороку; разрешите мне...

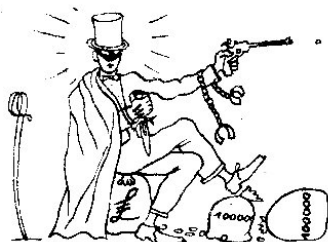
— Милый Крейн, вы должны узнать истину. У религии, у собственности и государства есть враги более страшные, чем кучка профессиональных вломщиков и бандитов, преступные социалисты. Поддерживать великих организаторов национальной промышленности, вроде мистера Реджа — вот высокая задача, которая вам предстоит.

Мистер Редж не ошибается. Ему понравилась ваша ловкость и сила. Он дает вам возможность загладить ваш поступок настоящей работой, достойной американца и мужчины.

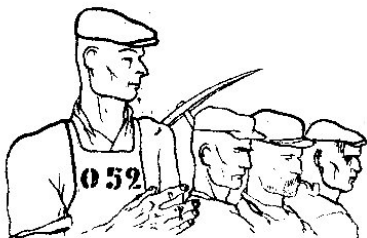

21. На третий день толпа рабочих увлекла Крейна на митинг в Джефферсон-сквер. На трибуну взошел Вильям Хейвуд — Большой Билл. Он только что вернулся из Чикаго с первого съезда И. Р. М.

— Товарищи, И.Р.М. порвали с Американской федерацией труда, с соглашателями и профсоюзными бюрократами, предающими интересы рабочего класса.

18. ... вы помешали агенту Орчерду. Вы помешали Реджу захватить дорожку, которая обанкротилась бы после катастрофы. Вы помешали Гульду и нам получить от Реджа крупный гонорар. Вы помешали чикагской полиции расправиться с главарями И. Р. М., которых мы обвинили бы в том, что они, покушавшись на специальный поезд с Реджем, случайно скосырили добавочный поезд. Вот что вы сделали. И все из-за того, что вы, как дурак, воображали себя сыщиком из старого романа.

20. Крейна отправили на Запад в штат Колорадо, где многочисленные копи, а также плавильные, сталые и литейные заводы принадлежали компании Топлам и железа. Хозяином компании был Редж.

Крейн поступил рабочим на плавильный завод в городке Виктор — несколько часов езды от Денвера, столицы штата Колорадо. Крейн должен был шпиковать за товарищами по работе.

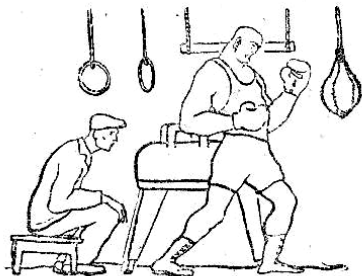

22. Товарищи, сегодня забастовали плавильщики завода „Стандарт“ в г. Денвер. Только всеобщая стачка может поддержать наших братьев. Я пришел вам напомнить о том, что дело плавильных рабочих завода „Стандарт“ — это дело рудопромышленников и углекопов; машинистов и кочегаров; текстильщиков и металлистов; дело рабочих округа Крипа-Крик, рабочих штата Колорадо, рабочих Соединенных штатов Америки, индустриальных рабочих всего мира...

АГЕНТСТВО ПИНКЕРТОНА

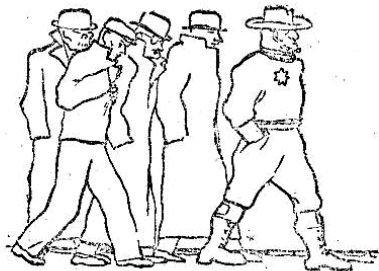
Л. ГИНЗБУРГ

Рис. КАНТАРОВИЧ

35. О'Нейл принял Крейна в своем гимнастическом кабинете.

— Мне рекомендовали вас как дельного малого. Слушайте: завтра мой друг Мак Парланд доводит до сведения публики о том, что Франк Стейнберг убит по поручению Хейвуда. Переговоры с убийцей велись через рудокопа Хорта, специально ездившего в Идаго. Почва для обвинения есть: покойный Стейнберг был специалистом по ликвидации стачек и тому подобных безобразий.

36. — Законам штата Колорадо, — продолжал О'Нейл, — составлены очень небрежно. Они, например, не карают смертью за соучастие в убийстве. Поэтому Хейвуд и Хорта отвезут в Идаго, где законодательство лучше организованно. Вместе с шерифом из Идаго вы отправитесь сегодня ночью в клуб Союза плантальных рабочих, где ночуют некоторые участники конференции. Вы должны указать Джамса Хорта. Наши молодцы его не знают в лицо.

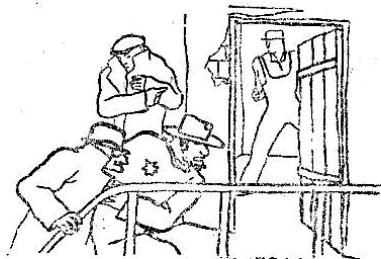

37. Хейвуда пинкертономцы твердо знали в лицо. Его отыскали сразу.

— Вот что, ребята. Скажу прямо: я не доставлю вам удовольствия прислать Билла Хейвуда, оказавшего сопротивление при аресте.

Хейвуд усмехнулся и поднял руки из-за головы.

— Вам придется еще повоюить со мной, ребята.

38. Шериф рванул за собой Крейна.

— Теперь Джам Хорти... его надо найти.

Джам ночевал в канцелярии рабочего клуба.

Шериф и Крейн бежали по темным комнатам и коридорам. Как-то дверь отворилась; в пространстве, освещенном изнутри, стоял Джам.

— Он, — прошептал Крейн, дрожа от волнения.

39. — Рудокоп Джамс Хорти, вот приказ о выдаче вас и вашего сообщника Хейвуда штату Идаго. Следуйте за мной.

— Сейчас.

Джам сделал два шага назад, закрыл дверь и запер ее за собой.

40. — Эй, давайте двери! Скорее! Сейчас он выпрыгнет в окно! Так — нажима! — воюйте агенты.

Пока агенты ломались в дверь, Джам подбежал к телефону,

41. и вызвал адвоката Ричардсона, поверенного Западной федерации рудокопов. Они обменялись несколькими короткими фразами, после чего адвокат Ричардсон стал быстро одеваться.

42. Дверь оказалась крепкой. Она отворилась потому, что ее отпер Джим — в кепи с чемоданчиком в руке.

— Какого же чорта вы заперлись?
— Так. Я не люблю собираться в дорогу, когда на меня глазят. Теперь я готов.

43. — Джим, — сказала Хейвуд, когда карета тронулась, — теперь я вижу, как сильно стачка и как нас боится.

— В чем нас обвиняют? — спросил Джим.

— Не знаю. Я даже не знаю, за чей счет нас будут судить. Если за счет Реджа, то, милый Джим, мы можем заранее признать себя повешенными.

44. Крейна терзали сомнения, в которых он сам еще не мог разобраться. Разбитый бессонной ночью, Крейн забрел на рассвете в первый попавшийся кабачок у вокзала. Посетитель, сидевший у соседнего стола, подошел к Крейну.

— Вы рабочий.

— Да.

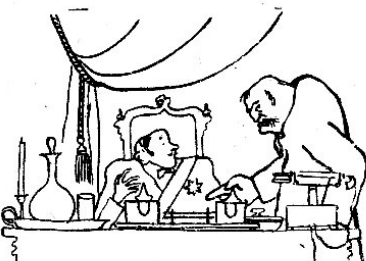
— Я — адвокат Ричардсон. Хейвуд арестован сегодня ночью. Я раздобыл приказ о немедленном представлении арестованных в суд. Мы их перехватим на станции Эванс. Мы должны спасти Хейвуда от отправки в Илагто.

45. Крейн был сбит с толку, но он упрямо твердил: «Все равно, я должен быть сыщиком и стоять на страже священных устоев нашей страны».

На первой промежуточной станции Крейн дал телеграмму Мак-Парланду.

Ричардсон подстергает станции Эванс арестованного приказом представлении в суд точка Принимите меры.

46. Мак-Парланд ворвался в кабинет генерала П..., губернатора Колорадо, и изложил положение вещей.

— Религия, собственность и порядок в опасности, сэр.

— Покуда я губернатор, — ответил П..., — религия, собственность и порядок — вне опасности, по крайней мере в этом штате.

АГЕНТСТВО ПИНКЕРТОНА

Текст Л. Гинзбург

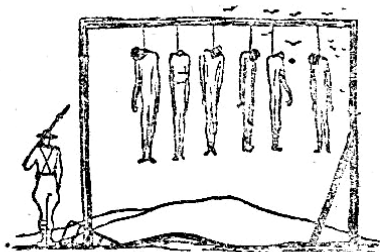
(продолжение)

Рис. Л. Канторович

47. На станции Эванс Ричардсону и Крейну сообщили, что шериф с арестованными прибыл недавно и отправился лошадами к границе Идаго. Адвокат Ричардсон потребовал машину.

- Лишней машины нет.
- Дайте ту, которая есть. Я везу приказ о немедленном представлении в суд.
- Вы можете не спешить по случаю военного положения.
- Как военного положения?...

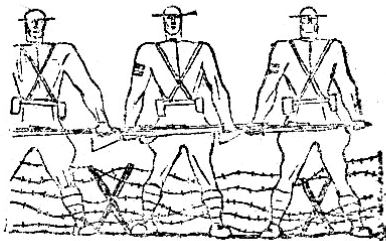
49. В округе Криппс — Крик приказом губернатора вводилось военное положение. Вслед за этим замолкла газета, телеграфа и телефона. К удивлению жителей Колорадо — город Виктор исчез.

Впрочем, через центральные почты Соединенных Штатов поступали успокоительные сведения. По этим сведениям в исчезнувшем городе вводился порядок.

51. Рудкоп Джеймс Вильсон, после введения военного положения, не разговаривая ли вы с членом западной федерации рудкопов?

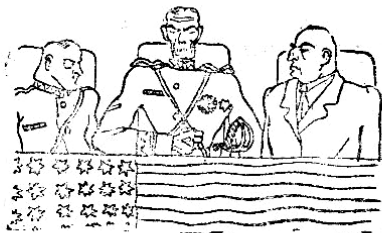
- Но это был мой родной брат Чарльз Вильсон.
- Довольно. Вы сознаетесь. Я приговариваю вас к высылке. И при этом я выражаю надежду, что никогда в жизни больше вас не увижу.

48. Не угодно ли вам прочесть последний указ губернатора. Ему только что передали по телеграфу:

«Я, Джеймс П..., губернатор штата Колорадо объявляю и заявляю, что общественная безопасность требует приостановки всех актов о представлении обвиняемых в суд. Поэтому — рудкопы Вильям Хейвуд и Джеймс Хорли должны быть препровождены к месту своего заключения в город Бонз штата Идаго.

— В округ Криппс — Крик уже вступили федеральныесвойска, — добавил дежурный по станции.

50. О'Нейл принял участие в работе военной комиссии по высылке, и как представитель ассоциации владельцев копей.

- Рудкоп Джон Смит, вы член местного союза.
- Да.
- В таком случае вы обвиняетесь в заговоре.
- Почему.
- Потому что заговор — есть соединение двух и более лиц для достижения какой либо цели. На основании этого я приговариваю вас к высылке из этого округа.

52. Крейн беспомощно метался по городу, латкаясь на каждом шагу на какую-нибудь кровавую сцену.

Что это? Я ведь должен был защищать религию, закон и порядок против темного мира порока и преступности. А теперь? Но что происходило теперь, он был не в силах понять и мысли путались в его воспаленной голове.

53. Крейн и Молли стояли у входа с Молли. Она сказала:
— Все наши высланы нан в тюрьме. Остались вы и я. Вы пойдете со мной.

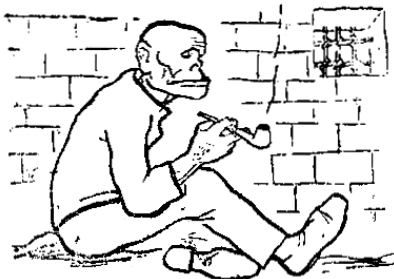
— Молли, куда?
— В типографию Виктор Рекорда, рабочей газеты. Ее разгромил сегодня. Мы с вами каберем как умеем лист, потому что как раз Виктор Рекорда получил письмо Хейнхуда из тюрьмы.

55. Мистер Вашингтон Портжер, президент местного отделения ассоциации владельцев коней, имел обыкновение за утренним кофе просматривать газету. На этот раз ему попался номер «Виктор Рекорда», который, как хорошо знал мистер Портжер, прекратил свое существование накануне.

— Козли нечистоб: силы — прочтешал мистер Портжер и его тут же хватил удар.

Врачи нашли положение серьезным.

57. Гарри Ордурт последнее время не везло. Крейн накрыл его на железной дороге Чикаго—Берлингтон—Канси; теперь его приставили на место убийцы губернатора Стейнберга.
Кроме того, Ордурт не унывал. Мак-Парлам посетил его в тюрьме и обещал личное внимание губернатора, если только он хорошо оделает на суде свое дело.

54. Молли и Крейн набирали последний абзац письма Хейнхуда. «Братья я напоминаю вам о ненависти. Это все, что я могу сейчас для вас сделать. Боритесь, потому что вы не владеете здесь ничем, кроме своей кожи. Все остальное в этом городе и методистско-епископальной церкви, в том числе, принадлежит компании топлива и железа».

56. О'Нейлу немедленно занесли об ужасном происшествии с президентом ассоциации владельцев коней.

— Чорт позвми. О'Нейл топал ногами на Крейна. — Под носом у вас отпечатан проклятую газету. Таких шпионов надо гнать в школу. Чорт возьми, я ошаташил всякого, кто раскроет мне эту штуку. Скажите, вам ничего не приходит в голову?

— Мне — сказала Крейн. — Нет мне... Ничего не приходит в голову.

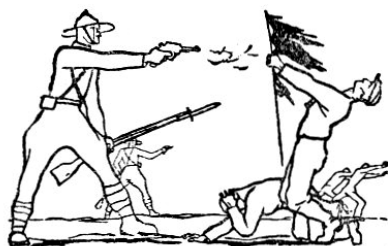
58. Крейн, — сказал Мак-Парлам, — для того чтобы понести гражданские Соединенных Штатов по закону требуется не менее двух свидетелей. Вы бывали в компании Хейнхуда и Хорти. Если проект убийства губернатора Стейнберга не обсуждался при нас, то он ведь мог обсуждаться, не так ли.

АГЕНТСТВО ПИНКЕРТОНА

Текст Л. Гинзбург.

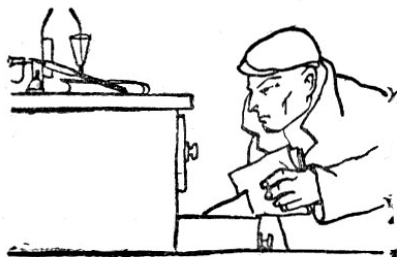
(Продолжение).

Рис. Л. Канторович.

50. — Крейн, тридцать два года тому назад в Пенсильвании свирепствовало преступное сообщество „Мели Магьюр“. Эти негодяи вынудили хозяев считаться с их требованиями по поводу оплаты труда. Молодой ученик Ната Пинкертон сумел стать во главе этой шайки, втянув их в страшное преступление, а потом выдал их всех на суд. Мели получили должное возмездие. Этот юный Пинкертон же был я. И я сразу достиг высших ступеней в Агентстве. Вот какие возможности я вам открываю. Крейн. Пока что я дам вам пропуск к Хейвуду в тюрьму. Постарайтесь у него выпытать побольше.

— Слушаю, сэр,— сказал Крейн глухим голосом.

61. Ночью Крейн пробрался в кабинет Мак-Парланда и подменил пачку с секретными документами, касающимися дела об убийстве губернатора Стейнберга.

62. Процесс начался в Бонсе, столице штата Илаго. Свидетели обвинения и защиты, корреспонденты почти всех американских и многих европейских газет, друзья и враги организованного труда переполнили зал заседаний.

После отводов защиты и обвинения из списка присяжных исчезли социалисты и банкиры.

Гражданский долг был возложен на двенадцать фермеров в спортуках и башмаках на толстой подошве.

60. Хейвуд радостно встретил Крейна. Он решил, что тому удалось подкупить сторожей.

Передая всем, что я хотел бы вернуться — со мной у вас больше толку. Но только я не вернусь, меня повесит и потому я хочу сделать тебе завещание. Стачка продана, найдите негодяев и уничтожьте. Жизнь всетаки большое удовольствие, Крейн, и Пинкертонские его не заслуживают.

Крейн ничего не успел ответить. Но, выходя от Хейвуда, он уже знал твердо, что судьба его решена. Он понял, наконец, какому делу его заставили служить. Понял, что ненавидит агентство и что отдаст все за спасение Хейвуда и Джима.

62. Страна волновалась. Буржуазные газеты наполнены были сведениями о преступном прошлом двух обвиняемых.

Рабочие запада и востока собрали 200 000 долларов в фонд защиты представителей труда.

По улицам Бостона, Чикаго, Нью-Йорка сотни тысяч рабочих прошли с демонстрациями протеста.

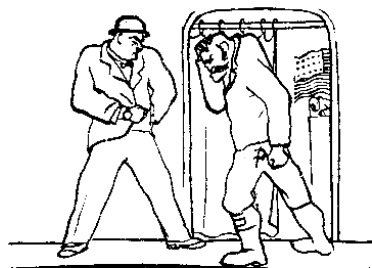
Кандидатом на пост губернатора социалистическая партия Колорадо выставила Вильяма Хейвуда.

64. Первые ряды занимали враги обвиняемых.

65. Последние ряды занимали друзья обвиняемых.

67. — Сейчас будет давать показания Орчард, — сказала О'Нейл Мак-Парланду. — Этот малый знает свое дело... но гас же Крейн? — Непонятно... Хорошо, мы будем без второго свидетеля обвинения, — у Мак-Парланда нервно дрожали усы. — Я не знал, что вы позволяете Вашим агентам опаздывать на работу, — язвительно сказал О'Нейл.

69. С мучительным усилием Крейн связанными ногами сбросил на пол горящий сук, который высунулся из-за решетки. Когда огонь охватил какие-то занавески, Крейн пополз прочь от огня. Он полз пока не потерял сознания. Расчет оказался верным. Пожар привлек внимание соседей. Они сбежали и развязали Крейна.

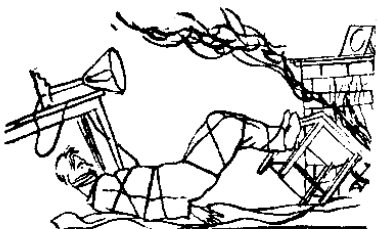

66. В Бонзе Крейн снимал комнату на окраине. Он сидел и диктовал письмо, когда к нему ворвалось несколько рабочих. Крейн увидел гневные лица и сжатые кулаки.

— Смит — крикнул Крейн, — Я объясню... ностой!..

— Иуда, молчи! Мы узнали в каком списке свидетелей стоит твое позорное имя.

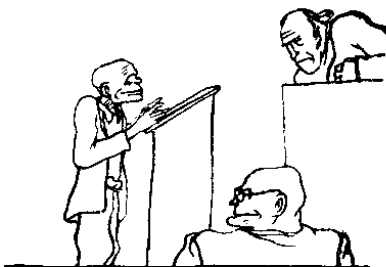
И не дав Крейну выговорить ни слова они скрутили ему руки и ноги и кляпом заткнули рот.

68. Крейн, связанный туго, с кляпом во рту, лежал на полу. К счастью документы, похищенные у Мак-Парланда, были защищены в подкладку жилета.

«Все равно я должен дать свои показания!» — Эта мысль не покидала Крейна.

Упираясь в пол затылком и пятками, извиваясь как червь, Крейн страшно медленно полез к горящему очагу.

70. Гарри Орчард давал свои показания. Не сморгнув и глазом, он сообщил, что совершил двадцать семь преступлений по поручению Западной федерации рудокопов. После каждого дела Хэйвуд хлопал его по плечу и говорил: «Молодец, чисто сработал!»

Убийство губернатора Стейнберга было двадцать восьмым преступлением — и тут он, Орчард, выдал себя неосторожной покупкой пороха.

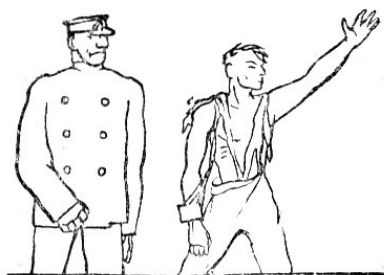
(Продолжение будет).

АГЕНТСТВО ПИНКЕРТОНА

Текст Л. ГИНЗБУРГ

(Окончание)

Рис. Л. КАНТОРОВИЧ

71. Показания свидетелей закончились, когда в зал вошел Крейн, покрытый грязью и кровью. При виде Крейна Мак-Парланд вздохнул с облегчением.

Обвинитель воскликнул: — Во имя истины я прошу допросить еще одного свидетеля, который опоздал не по своей вине. Негодяи из Западной федерации рудокопов пытались заткнуть ему рот.

72. — Джеральд Крейн, свидетель обвинения? — спросил председатель суда. — Да, — сказал Крейн, — я свидетель обвинения, он вытащил из разорванного жилета пачку бумаг, — я обвиняю сыскное агентство Пинкертон.

73. Джентльмены, — продолжал Крейн, — в числе других секретных бумаг вы найдете здесь переписку Джемса Мак-Парланда с главноуправляющим областной конторой в Чикаго. Эта переписка полностью освещает роль, предназначенную двум лжесвидетелям по делу об убийстве губернатора Стейненберга. Эти лжесвидетели — Гарри Орчард и я!

75. Люди бежали, крича и роняя стулья, а Крейн все еще устало сидел на скамье свидетелей. Он сидел один в опустевшем зале. Для Хейвуда и Джима опять началась жизнь и борьба, но его игра была кончена. И когда к Крейну подошли какие-то люди с поднятыми воротниками, он дал себя увести, почти не сознавая, куда он идет.

77. Мак-Парланд сжимал в руке револьвер.

— Я не понял тебя. Ты радуешься?.. Чему?

— Конечно, потому что предатель не должен жить, и тому, что рабочие будут бороться. И, Мак-Парланд, стоите такой ненужной развалиной, у которой ничего не осталось...

«...Кроме возможности убить одного человека...» — хотел добавить Крейн, но не договорил этих слов, потому что Мак-Парланд прострелил ему сердце.

74. Присяжные и судьи видели лица рабочих, переполнивших зал заседания. Присяжные и судьи поняли, что после разоблачения Крейна обвинительный приговор стал бы толчком к восстанию. Обвиняемые были оправданы. И у выхода ликующая толпа подняла Хейвуда на руки и торжественно понесла, как знамя.

76. Крейн очнулся в присутствии Мак-Парланда. Он понял, что наступила развязка.

— А, это вы?.. Послушайте, Мак-Парланд, я был глуп. Я не знал, что Агентство — такая подлая и скучная служба... что можно жить для других — как Хейвуд, и что это так хорошо. Я знаю теперь. Я знаю еще, что вы проиграли драку, и это такая радость...

78. Хейвуд свободен!

По всей стране рудокопы и металлисты, железнодорожники и текстильщики повторили эти слова. Митинги охватили страну. И много недель на митингах выступал Вильям Хейвуд.

На митинге в городе Викторе Хейвуд сказал:

— То, что я оправдан — отсрочка. У них еще будет время и случай меня осудить. Но то, что они — сыщики и владельцы копеек, генералы и федеральные судьи, тоже отсрочка, потому что мы...

Н. Тагамлицкий

**ЛЮДОЕД
АМЕРИКАНСКИХ ШТАТОВ
НАТ ПИНКЕРТОН**

Дело З.Ф.О.Р.

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ — Выпуск 4-й

ЛЮДОЕД АМЕРИКАНСКИХ ШТАТОВ
НАТ ПИНКЕРТОН

Дело З. Ф. О. Р.

ОБЯЗАТЕЛЬНО ПРОЧТИТЕ

выпущенную, одновременно, книжку

== КЕМ БЫЛ ==

на самом деле

Нат ПИНКЕРТОН

По сенсационным разоблачениям
сотрудника пинкертоновского
== агентства ==

МОРИСА ФРИДМАНА

Требуйте у всех газетчиков.
Цена 20 коп.

ЛЮДОЕД АМЕРИКАНСКИХ ШТАТОВ

(Дело Западной Федерации Объединенных Рудокопов)

Да, вы не ошиблись. Это контора самого Пинкертона, того самого Пинкертона, о котором так много кричала буржуазия, прославляя его в своих желтых газетках и миллионных дешевых пестренческих брошюр.

Только рабочие «свободных» Штатов, и только они одни в свое время знали цену той популярности, которой настойчиво украшала буржуазия эту поистине дьявольскую фигуру прославляемого ею сыщика. Трудящиеся массы Старого и Нового света в продолжении многих лет не знали истинного смысла Пинкертоновской деятельности, тщательно замаскированной длинным рядом сообщений о якобы раскрываемых им уголовных преступлениях, — сообщений, раздувавшихся во всю мочь подкупленной прессой.

Бывший начальник американской тайной полиции, — Нат Пинкертон, оставив службу, занялся частной «практикой» и весь свой действительно незаурядный талант отдал на службу американскому капиталу.

Вот посмотрите: это он сам, — да, сам, собственной персоной, — восседает в своей Денверской конторе в обществе своего знаменитого помощника Мак-Парланда, отличившегося чудовищной ликвидацией колоссального рабочего союза в антрацитовых копях Пенсильвании. Не один десяток бульварных брошюр, воспевших это предательское дело под видом раскрытой Пинкертоном разбойничьей шайки, был выброшен в миллионах экземпляров на рынок обоих континентов.

Для американского рабочего движения эта разбросанная по всем штатам Америки сеть Пинкертоновских контор — главнейший тормоз, непреодолимый камень преткновения, и подчас даже американские власти оказываются не столь могущественными друзьями и покровителями капитала, как эта зловещая фигура вездесущего Пинкертона с его изворотливой шпионской работой.

Уж что, казалось бы, сильнее того соковыжимательского пресса, который в этой наибуржуазнейшей стране именуется законом?

Однако, и его оказывается сплошь да рядом мало для борьбы капиталистических трестов и ассоциаций с достаточно мощно, по американскому масштабу, организованными рабочими.

И Пинкертон блестяще выполняет возложенную на него миссию: тайную борьбу с организованным трудом, разрушающую работу последнего, аннулирующую все его усилия с помощью невидимых пружин, без излишне откровенного вмешательства лицемерного американского закона.

Мудрено ли при всем этом, что и правительство и крупная промышленная буржуазия Соединенных Штатов с помощью услужливой прессы всячески оберегают от компрометирующих разоблачений «знаменитого сыщика» Пинкертона, легализируя его предательскую работу искусственно созданной для него славой маститого криминалиста?

Дело Западной Федерации пролило первый свет на деятельность Пинкертона. Тогда-то именно и появились знаменитые разоблачения пинкертоновского стенографиста Мориса Фридмана, немедленно, разумеется, конфискованные правительством Штатов. В этом исключительном деле бастующие рудокопы всей горной промышленности штата Колорадо впервые увидели своего лютого противника Пинкертона и обратили против него непосредственно свою коллективную силу.

Это было необыкновенно, это было непривычно для пинкертоновских ищеек. Не потому ли так стремительно и прилетел сам патрон в свою Денверскую контору, побросав всех своих и чикагских, и нью-йоркских клиентов?

Обстоятельства дела выходили из ряда вон. Пинкертон не мог не понимать, что предстоит борьба не только за ус-

пех дела, как такового, но и за «честь» прославленной фирмы... Но знаменитый сыщик еще не выходил из ворот Денверского вокзала, когда в «криминальном» отделении его конторы уже совещались представители четырех Колорадских Ассоциаций копевладельцев и заводчиков с управляющим конторой Мак-Парландом. Мак-Парланд был явно не в духе. Настроение разоренных девятимесячной стачкой хозяйчиков не обещало Пинкертону ничего утешительного.

— Это безрассудно, мистер Хейд. Сдаваться теперь, когда выдержано уже девять месяцев, смешно и дико. Это — генеральное сражение, которого проигрывать нельзя. Успех этой стачки настолько подымет престиж и силу Западной Федерации, что вся горная промышленность Колорадо будет долго вынуждена плясать по ее дудке. Это не в ваших интересах, — вступать в переговоры с этой шайкой, это поработит вас, мистер Хейд.

Хейд улыбнулся, и что-то насмешливое почудилось в этой улыбке встревоженному сыщику. Вместо ответа директор «Плавильной Компании» протянул сыщику свежий, только что выпущенный и еще пахнувший краской, номер рабочей газеты Денверской «Лабор Трибюн».

Очерченная красным карандашом заметка была набрана жирным шрифтом и заключала в себе, по-видимому, нечто потрясающее: бледное лицо матерой ищейки побагровело до корней волос.

— Сто чертей! Это предательство! Это шутики проклятого Спринкса! Как могла проскочить эта чертова заметка?.. Что это значит, мистер Хейд?

Своим шумным волнением знаменитый помощник Пинкертона явно компрометировал бульварных рассказчиков, любящих распространяться о непреодолимом хладнокровии сыщиков. Однако, у Мак-Парланда, были, очевидно, нервы недостаточно крепкие, что заставило мистера Хейда, после первого эффекта, немедленно прийти ему на помощь.

— Успокойтесь, Мак! Газета не вышла в продажу. Номер конфискован еще в типографии, не успев допечататься. Этот экземпляр один из десяти, доставленных Спринксом в «Бюро Объединенных Ассоциаций». Бюро хотело бы, од-

нако, знать, как это все случилось и почему мистер Пинкертон, стоивший нам свыше 65 тысяч долларов за девять месяцев, — срывает наше дело бездарностью своих агентов?

Голос уполномоченного четырех ассоциаций Колорадских промышленников звучал уже далеко не насмешкой: сухо и жестко задавался слуге вопрос недовольным хозяином.

Мак-Парланд бледнел и багровел с аккуратностью морского прилива. Претензия мистера Хейда была более чем основательна. В газете рудокопов, которая должна была выйти через несколько часов, сообщалась сенсационная новость, являющаяся решающей для обеих борющихся сторон: Роберт Смит, рудокоп и председатель «Союза № 125», проведенный по смерти Митчеля в председатели Западной Федерации, оказался шпионом. Разоблаченный рудокопами, он выходил теперь тем самым из Пинкертоновского строя. А между тем это недавнее избрание являлось результатом многомесячных усилий Пинкертона, пропитавшего все рабочие союзы, все заводы и копи разлагающим ядом предательства и шпионажа. С тех пор, как Западная Федерация приняла на себя общее руководство стачкой, у Пинкертона остался один этот ход:

— Через моих ловких агентов, — уверял он свою клиентуру, — я подчиню своему влиянию всю эту западную банду и преувеличенно щедрой помощью бастующим в короткое время опустошу ее кассу. Еще два-три месяца — и пороку у них не хватит, тем более, что их лидером — буду я.

Эта всеобщая, знаменитая стачка рудокопов штата Колорадо была действительно генеральным сражением; так назвав ее, Мак-Парланд был совершенно прав. Обещания Пинкертона заставили промышленников пойти на дальнейшие расходы и убытки во имя решительной победы. И вот уже все, как будто, на мази, и Пинкертон в лице своего сотрудника Роберта Смита уже стал главой их могучего противника, и вдруг...

Мистер Хейд смотрел на убитого сыщика тем взглядом, на который давали ему право 65 тысяч долларов, затраченных на Пинкертона.

— Это крах... да... это крах... Конечно... Все пропало... лепетала растерянно ищейка. — Это удар... Кто мог думать?.. Роберт Смит — самый дельный сотрудник...

— Ведь я же еще не знаю, — завопил вдруг, наконец-то придя в себя, озадаченный сыщик. — Поймите же, что я еще и сам ничего об этом не знаю. Смит, по моим сведениям, должен был быть сегодня с утра в заседании стачечного комитета. Что же это будет? Боже! Что же будет?

Мак-Парланд потрясен был, казалось, этой катастрофической неудачей больше даже, чем лидер объединенных колорадских промышленников. Вынимая машинально портрет за портретом из красовавшегося на столе для видимости альбома уголовных преступников, мистер Хейд внезапно встал, шумно отодвинув тяжелое кресло.

— Необходимо вызвать из Нью-Йорка мистера Пинкертона. Надеюсь, правда, что после всего случившегося вы не станете уже настаивать на дальнейшей борьбе с рабочими. Однако, раньше, чем начать, переговоры, я хочу видеть Пинкертона. Осмелюсь просить вас об этом, мистер Парланд.

— Ваша просьба опоздала, мистер. Я вчера еще вызвал его срочной радиограммой, в связи с разоблачением рабочими плавильного завода нашего агента № 5. Мое чутье подсказало мне, что эта маленькая неудача — начало краха. Увы, я не ошибся. Связь этих двух скандалов совершенно несомненна. И я не знаю теперь, я решительно...

Сыщик вынужден был проглотить окончание фразы. Кто-то стремительно ворвался в контору через дверь, выходящую на улицу Вашингтона.

Это был невысокий коренастый господин с небольшой раздвоенной бородой, густыми необычно длинными усами, почти сливающимися с концами коротких бакенбард. Нос с горбинкой, как и вся эта необычная для американца растительность на лице, позволял принять вошедшего за

иностранца. Короткое пальто-реглан и широкий кепи как-то плохо шли к этому лицу, для которого более подходящим костюмом был бы длинный широкий плащ и мексиканская шляпа. При виде вошедшего оба собеседника остолбенели от удивления: это был секретарь Западной Федерации Томас Мойер.

— Я в конторе мистера Пинкертонa? — спросил вошедший, не снимая кепи.

— Так точно, мистер. Я управляющий конторой Мак-Парланд. К вашим услугам, мистер. Чем могу?

Неожиданный посетитель бросился в кресло, не дожидаясь приглашения.

— Мне нужна ваша помощь. Верней — простое разъяснение. Вам, конечно, известно о крушении поезда в 8 верстах от Серебряных Копей?

— Наше агентство занято этим делом уже целую неделю.

— Скажите, мистер, достаточная ли улика против преступника — случайный фотографический снимок, изображающий его на месте преступления, во время развинчивания железнодорожных рельс?

— Что вы хотите этим сказать?

— Не больше, чем сказал. Я прошу, по возможности, ответа на свой вопрос.

— Ну, да. Если <на> фотографии есть данные для точного определения местности, в которой совершено преступление, т. е., иначе говоря, если снимок изображает преступника за работой именно на том месте, где последовала затем катастрофа, то это улика неотвратимая, — правда, с натяжкой, но по законам Штатов совершенно достаточная для обвинительного приговора. Фотография — свидетель наиболее беспристрастный.

Посетитель оживился.

— В таком случае, могу оказать услугу родной юстиции. Вот снимок пейзажа, сделанный мной, как любителем. Совершенно случайно захвачен им человек, которого я по близорукости принял за стрелочника, но я ошибся: человек этот развинчивает скрепления на рельсах именно в том

месте, где через 20 минут произошло крушение. И человек этот вам несомненно знаком.

С этими словами посетитель протянул Мак-Парланду снимок, еще не наклеенный на паспорт. Случай был достаточно необыкновенный, чтобы заинтересовать даже не специалиста по уголовному розыску. Каково же было удивление сыщика, когда он увидел на снимке Колорадские источники Денверской железной дороги, т. е. именно то место, где произошло ужасное крушение губернаторского поезда и около жел.-дор. полотна с ломом и отверткой в руках... того самого человека, который передал ему этот снимок. Сходство было настолько полное, что не арестовать этого безумца, передающего сыску улики против себя же самого, было бы преступлением. Но... может быть, это простая игра природы? Может быть, этот человек вовсе не тот, за кого Мак-Парланд его принял? И разве не может так случиться, что именно Мойер, по постановлению Федерации, самолично совершил преступление для устранения ненавистного рудокопам губернатора Белла. А этот честный малый, знающий свое поразительное сходство с председателем Федерации, пришел позабавиться над сыщиками, нимало не задумываясь о том, что благодаря этому сходству он сам может стать жертвой своего случайного снимка. Впрочем, то, что он сам автор снимка и собственник негатива, ставит его вне подозрений.

Но ведь, если это так — то...

Злобной радостью вспыхнула собачья душа пинкертоновского собрата. Лидер рабочей Федерации устраивает крушение губернаторского поезда, — да ведь этого же совершенно достаточно, чтобы смести всю Федерацию с лица земли. Это ли не компенсация за неудачу с Робертом Смитом?

Оставалось только проверить свои предположения. Оставалось только убедиться в том, что перед ним — чудесный двойник Томаса Мойера.

Виновник всей этой бури, проносившейся в мыслях обалдевшего сыщика, как ни в чем не бывало рассматривал альбомы уголовных героев. Глядя на него, можно было подумать, что он и не рассмотрел как следует фигуры пре-

ступника на своей злополучной фотографии. Иначе, пожалуй, его спокойствие было бы все же нарушено. Выждав столько времени, сколько по его мнению, было достаточно для рассмотрения снимка, он захлопнул альбом и взглянул на своего собеседника.

— Ну, что? Не находите ли вы, что этот снимок — блестящая улика и что лицо преступника получилось достаточно отчетливо, чтобы узнать его при случае?

— Но ведь... Но ведь это лицо... Это лицо... Осмелюсь полюбопытствовать... с кем имею честь говорить?

— Сорок тысяч могил... Простите, мистер... — вскочил, как ужаленный, странный посетитель, — я не успел откомендоваться: Томас Мойер, председатель Западной Федерации Объединенных рудокопов.

Сыщик внезапно рассвирепел.

— А вы заметили, уважаемый мистер, что этот бандит на вашем снимке похож на вас, как две капли воды?—заворчал он вдруг, вскакивая с кресла.

Томас Мойер закивал обрадованно, весь как-то еще более оживившись.

— Да, да. А вы тоже заметили это?

Это дурашливое поведение привело сыщика в окончательное бешенство.

— Я ли заметил? Не прикидывайтесь дурачком. Да этой карточки достаточно, чтоб вас повесить. Понимаете?

И мгновенно мелькнула мысль:

— В этом снимке — подавление стачки, гибель Федерации. Кем бы ни был запечатленный на нем преступник, — отвечать за своего неизвестного двойника должен этот проклятый рудокоп и его чертова организация.

Миг — и стальные наручники, столь неожиданно обеспечивающие успех колорадским кровососателям, были ловко наброшены на опешившего рудокопа. Деликатно сидевшему в сторонке мистеру Хейду оставалось только смотреть и изумляться.

— Ну, это уже слишком, — заворчал рудокоп. — Вы остережили меня, милый Мак, как хорошего мексиканского мустанга. Если вам так не нравится мое лицо, снимите с

меня хоть волосяные украшения. Может быть, тогда вы убедитесь, что я больше похож на Пинкертон, чем на Томаса Мойера.

Искусством гримировки король шпииков действительно отличался, как, равным образом, и склонностью к дешевым эффектам.

— Эта невинная шутка, которую и позволил себе, — мой ответ на все ваши тревоги, — сказал он лидеру промышленников мистеру Хейду. — Ваша депеша, милый Мак, о скандале на плавильном заводе дала мне понять, что не сегодня-завтра вся моя постройка разлетится, как картонный домик. В Западной Федерации работают с нажимом, такого сильного противника у нас еще не было. Но горе тем, кто пытается одолеть меня. Они сами готовят себе могилу. Мое слово — закон, мистер Хейд. Через месяц рудокопы будут смиренней анчурийского мула.

— Вы хотите сказать... — начал просиявший Хейд.

— Что далеко еще не все пропало, черт побери, что победа будет за нами. Неудача с Робертом Смитом будет стоить рабочим — их Федерации, и жизни — ее вождям. Этот фотографический эскиз — только проба мимоходом, задуманная мною в поезде... Гарри, как видите, снимает неплохо, даже моментальным «Коуджемсом». Но это не все. Преступление, в котором мы обвиним Федерацию, — еще впереди. Не забывайте, милый Хейд, что не позже, как завтра, у Федерации будет новый председатель вместо моего вляпавшегося друга Роберта Смита. И если на днях будет зверски убит кто-нибудь из промышленных лидеров, то доказать, что это — очередной акт преступной банды, именуемой Западной Федерацией, — сумеет только один человек в Соединенных Штатах, и человек этот...

— Нат Пинкертон! — в один голос воскликнули два колорадских бандита.

Сыщик хитро оскалился и зловещим хищным огоньком вспыхнули его глаза.

Чтобы понять, с каким восторгом приняла вся свора копе-и заводовладельцев новый дьявольский план Пинкертона, читатель должен знать, что Западная Федерация американских рабочих была более, чем другие юнионы, активна в вопросах классовой борьбы и политики. Пинкертон, с помощью колорадской администрации, уже одержал для промышленников победу в нескольких крупных стачках, как, например, в стачках Крипль-Крик и Теллюрайд. Но перепуганные собственники уже не довольствовались очередными победами. Они мечтали совершенно уничтожить, раздавить Федерацию, имеющую колоссальное влияние на рабочие массы Соединенных Штатов. Новый план Пинкертона должен был увенчать, наконец-то, так долго лелеемые владельцами надежды.

Спустя две недели по приезде Пинкертона в Денвер, американские граждане были взволнованы сообщением о кошмарном убийстве владельца антрацитовых копей, городского головы и полковника национальной гвардии Оскара Стененберга. Шахтовладелец был найден мертвым, с разmozженной головой, в своей постели. Обстановка убийства носила все следы грабежа.

Еще большую сенсацию произвело через несколько дней заявление Пинкертона, взявшегося, по словам газет, за расследование этого дела. Пинкертон сообщил корреспондентам буржуазных газет, что убийство Стененберга дает ключ к разоблачению преступной деятельности бандитской шайки, оперирующей два года в Западных Штатах под флагом крупнейшего рабочего союза. А еще через день злобой дня на всей территории Америки и Европы была телеграмма о том, что убийца Стененберга — Западная Федерация объединенных рабочих союзов, что секретарь Федерации — виновник крушения губернаторского поезда, что в руках зна-

менитого Пинкертонa имеются все материалы для погребения этой бандитской организации, терроризирующей в течение нескольких лет промышленное население Западных Штатов целым рядом нераскрытых доселе убийств, грабежей, взрывов и крушений. А на следующий день, в завершение всей этой клеветнической басни знаменитого людоеда, — еще одна, как бы подтверждающая весь этот кровавый вымысел, новость:

— Гейвуд и Петтибоне, председатель и товарищ председателя Западной Федерации, скрылись. К розыску и аресту их приняты меры.

Сорок три союза, объединяемых Федерацией, подали коллективный протест против возводимых на Федерацию обвинений. Широкой волной протекают рабочие митинги по всему западно-промысловому району.

Знаменитый американский сыщик Пинкертон самолично взялся подтвердить документами и фактами свое сенсационное обвинение.

Желтые газетки грохотали. Крупная буржуазия торжествовала. Это урок, мол, Дяде Саму и его дурацкой конституции. Разве можно, мол, допускать рабочие объединения? Это же бандит на бандите. Все эти юнионы — это же все сплошь шайки разбойников. Да здравствует Пинкертон!

Пинкертон же не спал, как не дремали и товарищи из Западной Федерации. Эти последние не могли не понимать, как бессильны они перед сыщиком, за которым позорно прячется всесильный в стране капитал и в руках которого поэтому все силы и средства.

Однако, надо было во что бы то ни стало отразить эту гигантскую генеральную провокацию капитала. Ибо успех этой провокации — полный крах не только текущей стачки, но и всего организованного рабочего движения во всем районе. Несомненно, что у организованного капитала это — ставка ва-банк, и что цель этой ставки — ликвидация рабочих союзов в Колорадо и Идаго.

Барнс, временно управляющий делами президиума Западной Федерации, был, как и все ее вожаки, простым рудокопом. В среду 5 мая он явился на ночное дежурство несколько позже обыкновенного и принялся за просмотр вечерней прессы. В помещении бюро не было никого из сотрудников. Первое, что бросилось ему в глаза в свежем номере «Денвер-Геральд», было упомянутое уже нами интервью с Пинкертоном. Барнс бросился к телефону:

— Алло! 47-56-04. Товарищ Гейвуд? Алло! Попросите министра Гейвуда.

Женский голос ответил, что Гейвуд только что вышел из дому с неизвестным господином. Барнс немедленно позвонил к Петтибоне.

— Алло! Дома ли Морис? Что? Говорите громче. Алло! Не слышу. Алло!

Что-то зашипело, закрывало в слуховой трубке, слышались пыхтение, возня, какие то звуки, напоминающие мычанье, и, наконец, ясный, отчетливый шепот:

— Ну, выключи же аппарат, Гарри!

И мгновенно все стихло. С минуту Барнс стоял, не вешая трубки, всей фигурой своей выражая сплошное недоумение. Но уже в следующую минуту он понял, что с Петтибоне случилось что-то неладное. Какие-то люди, применив насилие, не допустили его к телефону. Что это? Нападение? Арест? Но если арест, то к чему же эта таинственность? Не в руках ли он Пинкертоновских ищеек?

Вспомнился Барнсу случай с Биртоном, железнодорожником из Арвады, похищенным сыщиком Пинкертона, в интересах какой-то фирмы заключенным в тюрьму и с тех пор пропавшим.

Так или иначе, но надо как-то действовать, не теряя ни минуты. Барнс позвал курьера и, поручив ему запереть помещение бюро, поехал к Морису Петтибоне на его холостую квартиру.

Джон Питч — совсем молодой еще рудокоп свинцовых копей штата Идаго. Это он, Питч, разоблачил Пинкертоновского шпиона Крэйна, который, став секретарем союза 125, едва не сорвал стачку рабочих Плавиальной Компании. Он же, Джон Питч, обладая какой-то исключительной сметливостью, первый заподозрил Роберта Смита, в чьем лице король провокаторов едва не подчинил своему влиянию всю Западную Федерацию.

5 мая, т. е. ровно через три дня после разыгравшегося скандала с Робертом Смитом, исполнительный комитет Федерации срочно вызвал Джона Питча в Денвер. Приезд Пинкертона не ускользнул от внимания Федерации, уже наученной опытом Крэйна и Смита и специально вооружившейся сотнями глаз и ушей. Имелись сведения, что Пинкертон готовит рабочим катастрофу. Новый председатель Чарли Гейвуд имел с Питчем весьма продолжительную беседу, после которой молодой рудокоп с первым же поездом помчался по дороге в Тринидад, небольшой городок, расположенный вблизи центральных антрацитовых рудников.

Слез он, однако, не доезжая двух верст до Тринидада, на крохотной платформе Глянцевитого рудника.

Здесь Питча встретили, по-видимому, ожидавшие его товарищи, рудничные рабочие. Их было трое. Ночь обещала быть темной и дождливой.

— Ну, что? Готово? — бросил Питч короткий вопрос.

— Готово все. Мы ждем вас целый час. Тачка нагружена антрацитом и стоит уже у Восточных ворот.

— Куда будет сложен обратный груз?

— На квартире надсмотрщика Вильямса. В коксовых баках.

— Отлично, друзья мои. Надеюсь, вполне безопасно? Номеров у вас нет?

Номерами зовут рабочие Соедин. Штатов пинкертоновских шпионов, фигурирующих не под кличками, как европейские ищейки, а под порядковым номером списка личного состава областного или районного агентства.

При вопросе Питча о «номерах», рудокопы замялись.

— Трудно сказать. Все мы уверены, что нет. Однако, тайна соблюдена. Кроме нас и Вильямса никто не будет знать.

Джон Питч повеселел.

— В путь, товарищи. Молодцы. Гейвуд не даром выбрал ваш Глянцевитый рудник.

Он посмотрел на часы и взволнованно заторопился.

— Не будем медлить. До города больше двух верст.

— Не позже, чем через час мы должны быть в Тринидаде.

Все четверо молчаливо вышли к Восточным воротам и, предъявив пропуск дежурному сторожу, выехали с длинной рудничной тачкой на большую дорогу.

А не больше, как часа через два, оба рудокопа, с которыми, однако, не было уже Джона Питча, возвращались обратно в свои рабочие бараки, чем немало удивили сторожа. Каждый месяц рабочие и служащие рудника имеют право вывозить в городок, родным или на продажу, свой антрацитовый пай, но редко кто из них возвращается до утра на рудник. Открыв ворота, сторож не имел, разумеется, никаких оснований интересоваться содержанием тачки, освобожденной в городе от кокса и антрацита. И рудокопы, очевидно, отлично это знали. Иначе вряд ли они рискнули бы проскользнуть мимо сторожа со своим более чем странным грузом, тщательно заваленным досками и рогожами. У квартиры надсмотрщика рудокопы остановились и постучали в квадратное окошечко. Вильяме ждать себя не заставил.

— Уже? Благополучно?

— Чуть не вяпались, дружище. Ну да ладно, расскажем завтра. Бери.

Трудно было разглядеть в темноте ночи, что именно выволокли рудокопы из под груды антрацитовых рогож; какой-то длинный предмет, завернутый в одеяло, был безмолвно внесен в комнату надсмотрщика и положен у очага на узкую ковровую дорожку. Тусклый свет семисвечовой «Педди» озарил освобожденный от упаковки таинственный предмет и показался еще тусклее в сравнении с его злобно сверкающим взглядом. Это был человек, весь обкручен-

ный паковальными жгутами с огромным кляпом во рту. Но и при слабом свете «Педди» нетрудно было узнать огромное желтое кепи и полосатый макинтош Джона Питча.

Тринидад — довольно живой городок, заселенный на три четверти рабочими окрестных копей и заводов. Гек Орчайд, проживающий в Стренд-Авеню, также работал в копиях, но был не любим товарищами за фискальство и излишнее желание выслужиться перед администрацией копей. Пинкертоновский шпион № 10, обслуживавший этот рудник, еще в начале стачки отзывался об Орчайде, в своих отчетах Пинкертону, весьма восторженно и рекомендовал принять его на службу в агентство. В интересы Пинкертона не входило, однако, брать людей, уже известных рабочим, да еще столь непопулярных в рабочей среде, как Гек Орчайд. Поэтому Орчайду не удалась карьера профессионального предателя, а протежирующий ему шпиик № 10 был скоро разоблачен рабочей корпорацией. Он избежал, правда, суда Линча, но, пытаясь укрыться в проходящем поезде, встретил смерть под его колесами. Участие, принятое Орчайдом в шпионе, еще больше обострило неприязнь к нему товарищей, перешедшую вскоре в откровенный бойкот с исключением из союза. Недели же две тому назад Орчайд пытался, по поручению директора копей, призвать к штрейкбрехерству цех погрузчиков для выполнения очень выгодного для владельцев заказа, за что был едва не убит разоренными рабочими, вывезен на тачке из завода и выброшен в свалочную яму.

— Проклятые! Я отомщу вам. Слышите? Я вам жестоко отомщу. Клянусь! — кричал Орчайд улюлюкающим рудокопам. И в этот вечер очень многие тринидадцы видели вываленного в извести рудокопа, бежавшего по большой дороге в город и безумно выкрикивавшего одно только слово:

— Отомщу! Отомщу! Отомщу!

Пинкертону, конечно, как и все, чем жили и дышали рабочие, стала известна эта история. И когда, отозвавшись на его предложение, промышленники штатов Идаго и Колорадо постановили пожертвовать Стененбергом для уничтожения ненавистой им Федерации, Пинкертон для проведения своего неслыханного по провокации кровавого плана выбрал Гека Орчайда. Он ни минуты не сомневался, что этот обозленный человек с наслаждением ухватится за оплачиваемую возможность жестокой мести. Его миссия должна была заключаться не в убийстве Стененберга, но в заявлении властям и суду, что убийство совершено им по поручению Западной Федерации объединенных рудокопов. Правда, в условиях беспристрастного суда показания Орчайда не явились бы для судей убедительными, но там, где творится суд капиталистов над организованным трудом, важны лишь поводы, а не факты. А эти-то именно поводы к разгрому рабочей организации и поклялся Пинкертон доставить лицепрятной юстиции господ заводчиков.

В ту же дождливую ночь, когда рудокопы Глянцевитого рудника привезли в дом надсмотрщика свой таинственный груз, к двери крохотного домика на Стренд-Авеню подъехал четырехместный крытый автомобиль. Трое мужчин вышли из экипажа. На легкий стук в окно откликнулся чей-то грубый сердитый голос.

— Гром и молния! Кого черт несет в эту дурацкую погоду? Разве есть еще люди, которым нужен Гек Орчайд?

— Отворите, приятель. Важное дело, которое не терпит отлагательств. Да, ну же, пошевеливайтесь дружище.

Щелкнул замок. Заскреблась неподатливая цепочка. С визгом приотворилась негостеприимная дверь.

— Ну, что еще?

Незнакомцы с быстротой молнии протиснулись в дверь, тотчас же захлопнув ее.

— Вы — Гек Орчайд?

— Ну, да. Я — Гек Орчайд. Что же из этого следует?

— Вы арестованы, приятель.

— Что?

— Не волнуйтесь. Вам ничто не угрожает, кроме удовольствия и тысячи долларов в придачу. И тем не менее — вы наш пленник.

...А через две-три минуты уже не три седока, а четыре мчались во весь опор на машине по дороге в Денвер.

В огромном зале на Боизском вокзале собрались на многолюдный митинг бастующие рабочие двенадцати окрестных рудников и пяти заводов «Колорадской Компании Топлива и Железа». Среди рабочих царило неописуемое волнение. «Денвер-Геральд» сообщала сегодня подробности убийства угольно-торфяного короля Оскара Стененберга. Буржуазно-желтая газетка, буквально захлебываясь от радости, попутно извещала своих читателей, что убийцей оказался рудокоп Орчайд, действовавший по поручению лидеров Западной Федерации. Чистосердечное сознание убийцы, как и добытый Пинкертоном снимок (см. 2-ю стр.), — торжествовала газета, — открывает, наконец, властям истинных вдохновителей всех преступлений последних лет.

В этом же номере приводилась злополучная фотография, изображавшая вожака Федерации Томаса Мойера на рельсах, с ломом и гаечной отверткой в руках, на месге крушения поезда у Колорадских источников. Далее говорилось пространно об аресте Мойера и выражалась уверенность, что «бандитская рабочая организация» будет, конечно же, закрыта в результате предстоящего, небывалого по своей сенсационности процесса.

— Честь и слава знаменитому сыщику Пинкертону, для которого нет невозможного, — закончила газетка свою передовую статью.

— Честь и слава красе и гордости американской нации.

Негодованию собравшихся рабочих не было предела.

— Товарищи, — говорил Клеелланд-Чейз, председатель Боизского союза углекопов. — Наши враги выпускают свои последние стрелы. Они хотят съесть наших лидеров, унич-

тожить Федерацию, мешающую их гнусной работе. Это — отчаянье бессилия. Роберт Смит был в закулисной игре их последнею ставкой. Эту ставку они проиграли. Не дадим же сожрать себя и в открытой борьбе. В Федерации — наши лучшие умы, наши испытаннейшие силы. Томас Мойер уже в тюрьме, Томаса Мойера слопали каким-то загадочным снимком, завтра слопают всю Федерацию подкупленным штрейкбрехером, показанием гнусного негодяя! Товарищи рудокопы! Поклянемся же поддержать Федерацию и вождей наших всей массой, всей силой нашего крепкого, могучего коллектива! Поклянемся же перед лицом грозной опасности объявить паукам священную смертельную войну за Союзы. Поклянемся же не уступать кровопийцам, если бы даже голодная смерть ожидала нас в этой решительной стачке!

— Клянемся! — загрохотало собрание.

— Вынести резолюцию протеста! Зафиксировать нашу клятву! Переслать ее конгрессу и президенту!

Шум и смятение овладело собранием. Резкий взволнованный звонок вскочившего на стол председателя митинга заставил рабочих смолкнуть в одно мгновение. Лицо Келланд-Чейза было искажено безумной яростью, голос его дрожал и прерывался.

— Товарищи рудокопы! С телеграфа поступило к нам сообщение о только что принятой ими депеше из Денвера. От имени товарища Барнса, управляющего делами Федерации, денверский телеграф в порядке товарищеской солидарности сообщает по всей линии Денвер-Идаго о новом выпад пинкертоновских собак. Товарищи Гейвуд, Петтибоне и Мак-Колленд, весь президиум Федерации, кроме арестованного Мойера, похищены и тайно увезены из Денвера ищейками Пинкертона. Барнс разъясняет в депеше, что в этом предприятии Пинкертона — кроется злейшая опасность для Федерации; исчезновение их будет представлено, как бегство, и подтвердит чудовищное обвинение. Товарищи рудокопы! Гроза надвигается. Сгущаются тучи. Будем же готовы к удару, чтоб он не лишил нас энергии, чтоб не сломил наших сил!

В глубоком, но многоговорящем молчании расходились рудокопы с митинга в этот вечер. Была твердая решимость бороться до конца. Но было также ясно, что враг сильней, что Федерация будет сломлена, что твердая почва будет выбита из под ног борющихся рабочих.

Зал опустел. Но в задней комнате железнодорожного телеграфа собрались члены стачечного комитета экстренно обсудить положение, созданное товарищески переданной депешей.

Если бы один из авторов пинкертоновских рассказов видел сейчас прославляемого им героя в камере следователя по чрезвычайным делам, он писал бы, исходя восхищением, примерно так:

— Лицо знаменитого сыщика не выражало ни усталости, ни волнения. Только характерные складки вокруг его выразительных пристальных глаз, да легкая бледность начисто выбритых щек свидетельствовали об огромной работе, проделанной этим гениальным человеком за последние дни.

Да. Король провокаторов проделал работу немалую, и самый записной негодяй не мог бы, пожалуй, обнаружить и половины того хладнокровия, с которым этот бешеный пес выкладывал следователю весь запас своих «криминалистических» выводов из им же самим сфабрикованных положений. Следователь слушал с кислой скучливой миной. Дело, в котором уже ясно намечались виселицы и разгром такой серьезной «бандитской шайки», но честь которого принадлежала целиком Пинкертону, — только раздражало его.

— Так вы желаете очной ставки? Вряд ли это внесет чтонибудь нового, — говорил Пинкертон, подписав для формальности длинный акт своих показаний.

— Конечно, нет. Но я обязан это сделать. Этого требует формальная сторона всякого следствия.

— Дело ваше, мистер Хогтайд. Попросил бы только разрешить мне присутствовать при очной ставке.

— Не возражаю, если это может вас интересовать.

Следователь позвонил:

— Введите арестованных.

— Обоих, мистер?

— Да. Впрочем, нет. Сначала Мойера. Из оранжевой комнаты.

Томас Мойер был введен в кабинет, и два жандарма, лязгнув шпорами, вытянулись у порога.

— Садитесь. К сведению вашему сообщаю, что следствием собран совершенно уличающий вас материал по делу о крушении губернаторского поезда у Колорадских источников. В этом преступлении вам было бы выгодней чисто-сердечно сознаться.

Мойер молчал.

— Не хотите? Ну, а чем бы, уважаемый мистер, опровергли вы вот хоть, скажем, такого свидетеля?

И провокаторский снимок был с изысканной любезностью положен на стол перед Мойером.

Арестованный разглядел карточку с видом человека, скорее заинтригованного, чем потрясенного.

— Что за дешевая мистификация! Откуда это?

— Ваша выдержка, мистер Мойер, достойна лучшей карьеры, чем карьера убийцы и разбойника. Так что вы скажете, мой друг? Не правда ли, отличный вышел снимок?

— О, да. Рекорд остроумия, наивности, цинизма и парикмахерского искусства... Но я согласен с вами, мистер: этот трюк совершенно достаточен в «свободных» Штатах для того, чтобы повесить социалиста и рабочего.

Следователь скучно зевнул и, сконфузившись, заторопился.

— Если вам этого мало, есть свидетель другой, предмет более одушевленный. Знаете ли вы рудокопа «Северной Компании» Гека Орчайда?

Мойер прищурился, вспоминая:

— Гек Орчайд? Да, это имя мне кажется знакомым. Да, да. Это известный мне гнусный штрейхбрехер и самый пре-

зренный отщепенец рабочего класса.

Следователь усмехнулся.

— Сказано шикарно. Почему же именно ему доверили вы такое ответственное дело, как убийство Оскара Стененберга?

— Мы? Доверили? Убийство?

Мойер побагровел от приступа невероятной ярости.

— Вы дурак, мистер Хоггайд. Ваша тупость вряд ли уступит подлости ваших подобных помощников.

И он кивнул в сторону безмолвно ухмыляющегося сыщика.

— Молчать!... — заревел оскорбленный Хоггайд, в свою очередь багровея от злости и бешено потрясая серебряным колокольчиком. — Гека Орчайда! — прорычал он вбежавшему курьеру.

Уже из-за других дверей послышался тот же лязг жандармских шпор, и гнусное орудие Пинкертон — Гек Орчайд — появился у портьера следовательского кабинета. Лицо его, однако, не говорило о пороке и казалось даже скорей добродушным, чем жестоким.

Томас Мойер не смотрел на вошедшего. Брезгливо отвернувшись, овладев собой после яростной вспышки гнева, он начал вновь рассматривать переданный ему снимок.

— Гек Орчайд. Знаете ли вы этого господина?

— Знаю, мистер. Это мистер Томас Мойер, секретарь нашей Федерации.

— Не угодно ли вам напомнить этому человеку, в какой работе вы с ним встречались?

— Сделайте одолжение, мистер. Я был всецело в его распоряжении за все время службы моей в Федерации и получил непосредственно от него два поручения президиума.

— Какие это были поручения? Может быть, память его очистится, если вы повторите при нем.

— Первым было поручение подготовить крушение поезда у Колорадских Источников, за которое я не взялся, однако, по той причине, что в этом поезде была моя любовница. Другое — убийство и ограбление моего бывшего хозяина мистера Стененберга.

— Лжешь, негодяй! Подлая собака! — Вне себя от гадливости и злобы, Томас Мойер, потеряв всякое самообладание, сделал угрожающий жест в сторону клеветущего мерзавца и... взглянув предателю в лицо, словно подавился вдруг на половине фразы, мертвенно побледнел и, зашатавшись, едва не упал на ковер.

Перед ним стоял бравый Джон Питч, выдающийся работник Федерации, секретарь союза углекопов штата Идаго.

Заседание стачечного комитета в помещении Боизского железнодорожного телеграфа не было продолжительным, как ни серьезен был обсуждаемый в нем вопрос. Настроение было до того повышенным, что решили бы силой задерживать все проходящие поезда для освобождения похищенных товарищей. Но на депеше, принятой Боизским телеграфистом, нельзя было вывести заключение, что похитители вместе с их жертвами едут именно по этой дороге. Депеша носила скорей характер простой информации, чем призыва о помощи. Правда, что-то, вероятно, помешало у какого-то аппарата передать сообщение до конца: принятая депеша обрывалась на полужапе. Так бы, может быть, и разошлись рудокопы, стиснув зубы в бессильной ярости, если бы вновь не заработал спасительный Морз. Кто-то, бывший, видимо, вынужденным прервать подачу депеши, снова получил возможность передачи.

— Имею точные сведения, — принимал аппарат, после незаконченной полужапы, — арестованных товарищей везут по дороге Идаго в специальном поезде компании «Юнион-Пасифик», вышедшем час назад из Денвера. Поезд следует независимо от всех других поездов. Необходимо выследить, где будут высажены арестованные товарищи. При удаче сообщить сверхсрочной депешей следующим адресам: адвокату Синклею, Колорадо, управляющему Федерации Барнсу, Денвер.

Итак, через час сорок минут поезд с арестованными прибудет в Боиз. Рабочие просияли. Стало сразу легко и весело. Стали думать, как поступить. Обращаться к шерифу с требованием освободить похищенных было бы, пожалуй, наивно. Собаки тайные и явные снюхаются немедленно. На полицию рассчитывать невозможно. Остается одно, вырвать во что бы то ни стало товарищей собственной силой, чем бы это ни грозило им потом.

Стали готовиться. Послали сзывать товарищей в ближайшие рудничные бараки. Кому-то пришло на мысль переговорить за чем-то с начальником полустанка.

— Известно ли вам, когда прибудет в Боиз специальный состав железнодорожной компании «Юнион Пасифик»?

Начальник был в курсе.

— Не прибудет, а проследует в 11 час. 20 мин. по нью-йоркскому времени. Поезд специального назначения, весьма экстренный и на нашем дебаркадере не останавливается.

Рудокопы опешили. Оставалось только рассчитывать, что депеша, последовавшая дальше, будет иметь более утешительные результаты на одной из дальнейших крупных станций. Надежда такая не могла быть, однако, достаточно прочной, ибо вся зависела от случая.

Затуманенные вышли на платформу. Сутуло жались к железнодорожной линии постройки полустанка, телеграфные провода нависали здесь почти над самым полотном дороги.

— Что же делать, Нейлор? — чуть не плача, спрашивали обескураженные рудокопы.

Нейлор слыл самым практичным среди рудокопов «Компании» и в затруднительных положениях часто выручал совсем, как будто, простыми и в то же время весьма значительными советами. Однако, на этот раз ему суждено было увенчать свою славу еще не одним качеством:

Мужеством. Храбростью. Отвагой.

Было уже больше одиннадцати. Уже доносился откуда-то издали глухой шум встревоженных рельс. Еще 15, еще десять минут, и железное чудовище, насмешливо громяхая

колесами, пронесется мимо собравшихся в кучку людей и скроется во мгле за поворотом дороги. Еще десять минут, — и ускользнет, может быть, совершенно всякий след похищенных товарищей. И тогда уже Пинкертоно-хозяйская свора может вполне торжествовать: бегство лидеров — это ли не окончательное торжество прокурора?

И зацарапалась в голове Нейлора внезапно ворвавшаяся мысль.

— Эй, вы, Джильберт, Колл, Тайлон, — заметался Нейлор, как на пожаре. — Где веревки? Тащи сюда. Слышите? Скорей. В багажном отделении их навалены горы. Да, ну же!

Не давая себе и продумать того, что так мгновенно блеснуло в его мозгу, Нейлор стремительно бросился в багажное, не дожидаясь товарищей. Минута — и, вернувшись с веревкой в руке, он уже привязывал к ее концу тяжелую паровозную гайку.

— Что ты хочешь делать, Нейлор?

— Не мешайте. После увидите.

В следующий момент он уже перекинул веревку через густую косу почти над самым полотном высоко нависавших проводов. Еще минута — и, подтягиваясь на крепких мускулах, он добрался по импровизированной лестнице до проводов и повис на них, стараясь не шевелиться.

Как зачарованные, стояли недвижно рудокопы в столбняке трепетного ожидания.

— До свиданья, товарищи. Если удастся — дело выиграно!

С грохотом вынырнул поезд из-за холма. Вот он уже поравнялся со смельчаком, напряженно выбирающим секунду. Миг — и Нейлор, раскачавшись на проводах, удачно спрыгнул на крышу уходящего поезда.

Большой зал заседаний Верховного Суда в Колорадо был битком набит публикой, съехавшейся со всех концов Запад-

ных Штатов. Десятки корреспондентов осаждали представителей обвинения и защиты. На скамье подсудимых сидели только двое: секретарь Западной Федерации Томас Мойер и молодой рудокоп, который звался в обвинительном акте Геком Орчайдом. Остальные двое, — опубликовал председатель, — бежали от правосудия и будут судиться в заочном порядке. Начался официальный допрос подсудимых, по обычному трафарету. Томас Мойер был уже опрошен. Остался на очереди Гек Орчайд.

— Ваше имя, подсудимый.

— Джон Питч, секретарь союза углекопов штата Идаго.

— Что такое?

Озадаченный председатель задвигался, что являлось у него признаком сильнейшего недоумения.

— На предварительном следствии вы называли себя Геком Орчайдом. Что это значит?

— Это значит, что на предварительном следствии я говорил неправду. До того момента, когда агенты Пинкертона явились в Тринидад за Орчайдом, чтобы превратить его в орудие своих планов и тем погубить моих товарищей и всю Федерацию, — за час до этого Гек Орчайд был изъят из своей квартиры и изолирован мной. Арестован Пинкертоном был я, приняв на время имя отъявленного негодяя. Законами Штатов я, конечно, буду наказан за насилие, учиненное над священной личностью Орчайда, но согласитесь, господа судьи, что мое маленькое самозванство будет стоить мистеру Пинкертому, клеветнику, провокатору и убийце, всей его славы гениального сыщика. Что же, касается Гека Орчайда, то по первому же требованию суда, он будет приведен моими Тринидадскими друзьями, оказавшими ему гостеприимство в Глянцевитом руднике на все время моего тюремного заключения.

Эффект был полный и решительный. Человек, выдаваемый розыском и следствием за убийцу, подкупленного Федерацией, центральная фигура процесса, душа Пинкертоновского обвинения, — оказывается совсем другим лицом, подменившим собой Орчайда, игравшим роль целых два месяца, чтобы позорно разоблачить Пинкертона и выбить

главное оружие из рук обвинения. Скандал, действительно, незаурядный.

Раньше, чем публика успела осмыслить создавшийся пассаж, председатель, объявив перерыв, распорядился очистить от публики зал заседаний.

Мы не будем здесь приводить все детали процесса, которого, в широком смысле этого слова, после первых же выяснившихся данных, в сущности и не было. Дело, которое собирались раздуть как можно больше, предать самой широкой гласности, — стало слушаться, вопреки всем законам, при закрытых дверях. Пытались хоть этой мерой плюс соответствующими сообщениями прессы спасти наигранную популярность Пинкертонa и его агентства.

Ход Федерации в виде остроумного плана, проведенного Джоном Питчем, вынудило суд снять совершенно с подсудимых обвинение в причастности к убийству Стененберга, убитого, с согласия всей корпорации колорадских промышленников, агентами Пинкертонa.

Но оставалось еще два крупных козыря в руках лицеприятного американского суда. Снимок у Колорадских Источников и инсценированное Пинкертоном бегство сотоварищей Мойера-Гейвуда и Петтибона. Но защита, с помощью все тех же рабочих, не упускавших ни малейшей детали, с помощью которой можно было сломить обвинение, — защита разрушила до основания и этот шанс пинкертонохозяйской банды.

Бюро Федерации еще тогда, когда этот провокаторский снимок был напечатан в «Денвер-Геральд», воспроизвело и разослало этот снимок в сотнях экземпляров по всем заводам и копиям штагов Идаго и Колорадо. Для чего это было сделано, вряд ли определенно отдавали себе отчет сами товарищи из бюро, так как руководило ими в этот острый момент больше подсознательное чутье, чем деловая необходимость.

Так или иначе, но если бы не эта мера, вряд ли видела бы Керингс, жена колорадского рудокопа, этот злополучный снимок.

— Посмотри, Джек, — сказала она мужу, вглядываясь в снимок. — Ведь это же промывалки «Английской Золотой Компании» стоят у источников. — Не правда ли, Джек?

— Ну да. Это промывалки. Снимок сделан прекрасно. Каждая мелочь отчетлива. Но что, право, скажешь об этом лице? Ни дать, ни взять — Томас Мойер, посмотри, какое поразительное сходство.

— Но послушай, Джек. Ведь крушение произошло 26 апреля?

— Ну?

— А промывалки у источников поставлены Компанией только 2 мая, когда они только что прибыли из Чикаго.

Женщина была права. Рабочие Колорадского союза немедленно известили адвокатуру, которой в дальнейшем ничего уже не стоило установить, что аппараты для промывания золотого песка были получены и установлены «Английской Концессионной Компанией» 2 мая. Какое ни оказывалось на «компанию» давление со стороны американских промышленников, «последняя» не сочла возможным отрицать этот факт, свидетелями которого являлся весь служебно-рабочий штат предприятия.

Но и этим крупным козырем защита не оперировала на предварительном следствии. Рассчитывали на публичный процесс, и все, что так нещадно компрометировало обвинение, приберегалось для публичного удара по Пинкертону и его паучьей клиентуре.

Последней страницей этого во всех отношениях исключительного дела было неожиданное появление «бежавших» от правосудия» Гейвуда и Петтибоне и их пространная жалоба прокурору на насильнические действия Пинкертона, арестовавшего и пытавшегося вывезти их из штата в нарушение основных законов Северо-Американских Штатов. Истинный смысл, как и, главным образом, конец всего этого дела, был замят по требованию капитала, американской лакейской прессой, а единственная в Колорадо

рабочая газета «Лабор Трибюн» за попытку открыть читателям сущность Пинкертоновской деятельности, была нещадно оштрафована, многократно конфискована и, наконец, закрыта американскими властями.

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Под редакцией Ник. Тагамлицкого.

Вышли в свет:

1-й вып. В ночь на 13-ое

2-й вып. Город в плену

3-й вып. Бандас Кривого Лога

Требуйте у всех газетчиков.

Цена выпуска 10 копеек.

4-й выпуск

Людоед Амери-
канских Штатов **Нат ПИНКЕРТОН**

Дело З. ф. О. Р.

Цена 15 коп.

А. Архангельский

**КОММУНИСТИЧЕСКИЙ
ПИНКЕРТОН**

цена 20 коп.

1925 г.

А Р Х И П.

Коммунистический Пинкертон.
Помогли.
Таинственная особа.
Проделка Жана.
Темное пятно.
Американцы.
Неудавшееся Рождество.
Антирелигиозная пропаганда.
Сумерки Европы.
Слова и дела.
„Пролетарская“ вечеринка.
Тимошкино горе.
Реклама.
Юморист.
„Большой“ человек.

ВЫПУСК ОДИННАДЦАТЫЙ.

**ДЕШЕВАЯ САТИРИЧЕСКАЯ И
ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА**

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ПИНКЕРТОН

«Я имел случай года полтора назад выступить с предложением создания коммунистического Пинкертонa, я и сейчас стою на той же точке зрения».

Н. Бухарин.

— А, действительно, — подумал товарищ Октябрьев, старый партийный работник, — хорошо бы описать свою жизнь. Сколько приключений! Как много захватывающих моментов! Подполье, ссылка, побег, революция, гражданская война. Есть что порассказать молодым коммунистам. Да, жаль — нет времени!

Октябрьев посмотрел в записную книжку и в отделе «для памяти» под сегодняшним числом прочел: «Межведомственное заседание, комиссия по организации дома отдыха, ячейка, доклад на заводе, лекция в партшколе, статья в газету...»

— Когда уж писать! — вздохнул он и заторопился на межведомственное совещание.

— Эврика! — закричал литератор Чегоизволин, прочтя о коммунистическом Пинкертоне, — есть такое дело! Это пахнет червонцами. Пока «они» раскачаются, я им таких Пинкертонов наделаю — пальчики оближешь!

Он присел к столу, вытащил бумагу, схватил перо и закрипел:

**Таинственное подполье, или похождение
коммуниста.**

Роман в 35 главах.

Глава первая.

Священная клятва.

Черная, как самодержавное правительство, ночь висела над Петербургом, когда в одном из рабочих кварталов, старый партийный работник Ортодокс Большевиков спустился в подвал, где его ждали старые партийные работники со стажем с 1889 года.

— Товарищи! — вскричал, входя, Ортодокс: — наступил великий час! Поклянемся Марксом и Энгельсом, что завтра же свергнем власть буржуазии!!

— Клянемся! — вскричали старые партийные работники, потрясая оружием.

За окнами завывала метель. Метались тени сыщиков, полицейских и жандармов. Внезапно раздался залп. Ортодокс бросил бомбу и, воспользовавшись суматохой, выскочил в окно.

Глава 15-я.

Неразделенная любовь.

Преследуемый сыщиками, жандармами и полицейскими, Ортодокс вскочил в парадное особняка на Галерной гавани и быстро взобрался на чердак. Но только он переступил порог, как чьи-то руки схватили его за шею и женский голос сказал:

— Не бойтесь, товарищ, это я — товарищ Анна, старая партийная работница с 1890 года.

— Это ты?! — вскричал Ортодокс, — ты тоже спасаешься от шпииков и наглого произвола жандармов? Так вот что я скажу тебе. Я люблю тебя! Будь моей гражданской женой, согласно нашей старой партийной программы!

— Нет! — твердо ответила Анна. — Разве можно говорить о любви, когда не свергнут существующий строй? Я буду твоей только тогда, когда ты организуешь социальную революцию.

— Да? — вскричал Ортодокс. — Хорошо! — И прыгнул в слуховое окно.

Глава 21-я.

В ногтях зверя.

— Ага, попались! — вскричал поручик Белогвардейкин, втаскивая связанных по рукам и ногам Анну и Ортодокса.

— Готовьтесь, красные собаки, к смерти!

Поручик был пьян. Он высморкался в трехцветное знамя и запел «боже царя храни», заряжая браунинг.

— Анна! — прошептал Ортодокс, — скорее перегрызи веревки, связывающие мне руки.

Едва поручик прицелился и стал нажимать курок, как ловким ударом Ортодокс выбил у него оружие и повалил его на пол.

— Спасайся! — крикнул он Анне, прыгая в окно.

Глава 35-я.

Женщина — не зверь кровожадный.

— Итак, — улыбаясь, сказал Ортодокс, — ты моя жена!

— Твоя до гроба, — прошептала Анна, стыдливо опуская глаза.

Они сидели в уютной комнате, полученной по ордеру жилотдела. В камине уютно потрескивали дрова, полученные из райтопа, уютно горело электричество.

— Как хорошо! — сказал мечтательно Ортодокс. — Говорят, что женщина — зверь кровожадный. Как это неверно!

— Ну, конечно, милый! — ответила Анна. — Какой же я зверь? Я твоя маленькая женка!

Ортодокс обнял Анну, и их губы слились в горячем, старом партийном поцелуе.

Через месяц в книгоиздательстве «Лови момент» вышла новинка: «Таинственное подполье», сочинение Чегоизволина. Книга попала в руки товарища Октябрева. Он прочел ее, швырнул и с досадой сказал:

— Черт знает, что такое! И этой макулатурой пичкают рабочих! Почему не пишут наши партийные товарищи? Не понимаю.

Приложение

С. Савицкий

ТРУД, ХАЛТУРА И ПЕРВАЯ ПЯТИЛЕТКА

(О романе Л.Я. Гинзбург «Агентство Пинкертона»)

Лидия Гинзбург начинает работать над романом для юношества «Агентство Пинкертона» в сентябре 1930 года. «30 августа я подписала с “Молодой гвардией” договор», — записывает она в дневнике (Тетрадь V. 10. 06. 1929 — 17. 12. 1930. [141])¹. Взяться за эту книгу она решила после того, как в конце 1920-х годов ей не удалось реализовать несколько литературных проектов. Государственное издательство отказалось от сборника статей о современной поэзии, который Гинзбург готовила вместе с младоформалистами. Остался неизданным обзорный альманах «Ванна Архимеда», куда она была приглашена участвовать как один из авторов «Обозрения российской словесности за 1929 год» (Гинзбург 2002: 476). Такая же судьба постигла статью Гинзбург о прозе Марселя Пруста и современном романе. Ее совместные проекты с московскими конструктивистами тоже не были реализованы. Выпадая из литературной ситуации конца 1920-х, Гинзбург служила в Библиотечном институте вместе со своим другом, учеником формалистов Борисом Бухштабом, а также преподавала литературу и русский язык на рабфаке.

Между тем, многие писатели и поэты в эти годы писали для детей. Среди знакомых Гинзбург этим с успехом занимались Борис Бухштаб, Николай Олейников, Юрий Тынянов, Корней Чуковский. Иронизируя над тем, как охотно коллеги по цеху взялись за воспитание подрастающего поколения, Гинзбург писала Виктору Шкловскому в начале сентября 1930 года, что «юношество — рабочая гипотеза советских писателей» (Тетрадь V. 10. 06. 1929 — 17. 12. 1930. [141]).

Некоторые младоформалисты участвовали в сборнике статей, посвященных проблемам современной детской литературы, который был издан под редакцией Луначарского (Детская литература 1931). Гинзбург опубликовала в нем небольшое эссе «Пути детской исторической повести» — критический разбор нескольких недавно изданных книг (Гинзбург 1931). С ее точки зрения, рассказ о прошлом для детей не должен грешить стилизаторством, имитируя язык описываемой эпохи, и ему не следует быть чрезмерно информативным. Детская историческая проза должна быть увлекательна, даже если это «исследовательский роман». Современным писателям стоит ориентироваться на лучшие образцы приключенческой беллетристики, которыми для Гинзбург были «Смерть Вазир-Мухтара» Юрия Тынянова или книги Вальтера Скотта и Александра Дюма. Что касается информативности исторической повести для детей, факты здесь не являются ключевыми элементами. Гораздо важнее переходы от од-

ного эпизода к другому, соотношения между эпизодами в последовательности изложения. Детская историческая проза, по Гинзбург, должна строиться по тому же принципу «отбора и пропуска», который предлагал в качестве структуры монтажного письма Виктор Шкловский.

Монтаж в 1920-1930-е годы существовал в разнообразных формах. Младоформалисты использовали его как способ комбинирования исторических материалов, а также как технику литературного повествования. Лефовские теоретики «литературы факта» считали монтаж основой документального письма и оптимальным языком для изображения советской социальной реальности, в том числе жизни на стройках и заводах. В кино монтаж был характерен не только для таких интеллектуальных режиссеров, как Сергей Эйзенштейн или Дзига Вертов. Его используют в пропагандистских реконструкциях истории революции, составленных на основе кинохроники. Например, таким образом создан классический образец раннесоветской документалистики, фильм Эсфирь Шуб «Падение дома Романовых» (1927). В ленинградских кинотеатрах постоянно шли зарубежные документально-этнографические ленты о жизни африканских аборигенов: например, «Африка говорит» У. Футтера и П. Гофлера, «Чанг Симба» М. и О. Джонсон (Красная газета. Веч. вып. 16. 01 и 23. 01. 1931)². Монтажный прием был широко распространен в культуре 1920-1930-х годов, и в том числе использовался авторами детских книг.

В своей статье «Пути детской исторической повести» удачным опытом детской исторической прозы Гинзбург называет книги Бориса Бухштаба, которому удается создать из разнородных исторических материалов увлекательное повествование. Его приключенческая повесть «Герой подполья» (1927) посвящена убийству Н. Мезенцева и судьбе одного из лидеров группы «Земля и воля» Сергея Степняка-Кравчинского. Повесть «На страже» (1931) — история Николая Клеточникова, активиста «Земли и воли», внедрившегося в Третье отделение и осведомлявшего террористов о планах полиции. По стечению обстоятельств он был разоблачен и погиб в камере Алексеевского равелина Петропавловской крепости.

Главный герой книги Гинзбург Джеральд Крейн, как и Клеточников из повести Бухштаба, — подставное лицо. По заданию сыскаго агентства он ведет наблюдение за деятелями заводского профсоюза, но впоследствии переходит на сторону рабочих. «Агентство Пинкертона» создавалось на основе исторических разысканий, причем Гинзбург заинтересовалась специфическим

сюжетом. Несколько месяцев она посвятила изучению американского тред-юнионизма и шпионской литературы о гении рабочего сыска Нате Пинкертоне. Для детективного или авантюрного романа эпохи первой пятилетки деятельность рабочих профсоюзов была удачным материалом. В эти годы главным героем современности был трудящийся человек, строитель социализма. Пролетарий был одним из ключевых персонажей раннесоветского кино. В картине «Флаг нации» (реж. В. Шмидтгоф-Лебедев, 1929) рассказывалась история журналиста «Рабочей газеты» Джека Лауренса, расследовавшего махинации финансиста Джонсона и некоего главы политического клуба «Флаг нации». В финале Лауренса казнили на электрическом стуле по сфабрикованному обвинению в убийстве. Фильм «Дорога в мир» (реж. Б. Шпис, 1929) был посвящен судьбе русского рабочего-большевика.

Гинзбург хотела написать книгу на актуальную в начале 1930-х годов тему. «Я не лгу. Но выбираю из предложенного», — констатировала она весной 1932 года (Тетрадь VII. Январь — август 1932. [42]). Едва ли при этом она разделяла взгляды тред-юнионистов и анархо-синдикалистов, один из лидеров которых, Вильям Дадли Хейвуд, умерший в Москве в 1928 году, послужил прототипом главного героя романа. Ей, как и другим младоформалистам, необходимо было найти свое место в бурной жизни рубежа 1920-1930-х годов. «Я верю в то, что пятилетка — время, — писала Гинзбург за несколько месяцев до начала работы над романом. — Но Майзель, Гельфанд и Малахов <одиозные литературные критики-марксисты, инициаторы проработок. — С. С.> — не время. Они, слава Богу, не современны, а временны. Коля <Николай Коварский> отдается <идеологической работе>, а Боря <Борис Бухштаб> разговаривает. У него в этом духе составлена и формула поведения: “разговаривая со своим временем, надо сохранять свой голос, но найти общие темы для разговора”» (Тетрадь 1930-1935. [251]).

Гинзбург хотела бы написать роман, актуальный для своего времени, избегая идеологической конъюнктуры и отвлеченного философствования, но при этом не идя против собственных убеждений и вкуса. Как и Борис Пастернак, в годы первой пятилетки она ищет «труда со всеми сообща и заодно с правопорядком». Таковы были стремления многих ее ровесников, сформировавшихся в раннесоветской авангардистской среде. Ученик Казимира Малевича, поклонник Дмитрия Митрохина и адепт сюрреализма художник Лев Юдин, с которым Гинзбург могла быть зна-

кома по Зубовскому институту, куда были переведены в декабре 1926-го сотрудники ГИНХУКа (Ракитин 1998: 83), или по Детгизу, записывает в дневнике 5 мая 1929 года: «Возвращение ранним утром с танцев. Великолепный утренний город. Труд, великий утренний труд, как мне приобщиться к тебе» (Юдин 2004: 241).

«Агентство Пинкертон» является образцом литературы «социального заказа», о которой так много говорилось во времена ЛЕФа. «Положение писателя приблизилось к положению ремесленника, работающего на заказ или служащего по найму», — отмечал в те годы Борис Эйхенбаум (Эйхенбаум 1987: 430). Разумеется, не стоит забывать о том, что политика и культура периода первой пятилетки во многом отличались от ситуации середины 1920-х годов. Но тем не менее «фактовизм» и монтаж материала и в начале следующего десятилетия остаются актуальными литературными техниками для авторов, которые работают над детской исторической прозой.

Литературное творчество в эти годы понимается многими как трудовая деятельность, изолированная от романтических представлений о поэтическом вдохновении и художественном воображении. Творчество принято опрощать и называть работой. В журнале «Литературная учеба», издающемся с 1930 года, с первых же номеров ведущие советские писатели Михаил Зощенко, Николай Тихонов, Константин Федин доступным для широкого читателя языком рассказывают о процессе создания литературного произведения в рубрике «Как я работаю». Рационализация литературной работы — форма участия в современной жизни СССР, которая сочетает утопический трудовой энтузиазм и производственное планирование. «Литературная газета» регулярно публикует отчеты о командировках писателей на производственные предприятия и в колхозы: «Ленинградский отдел ФОСП совместно с Ленотгизом организовал 8 выездных ударных бригад писателей. Тт. Либединский и Чумандрин уже полгода работают на заводе “Красный путиловец”. Л. Сейфуллина и О. Форш работают на текстильных предприятиях Ленинграда <...> Особая группа авторов-эстрадников <...> выступает со специально составленной программой в обеденные перерывы на ленинградских заводах и фабриках» («Литературная газета». 10. 03. 30. № 10 (47)). В эти же годы Мариэтта Шагинян пишет роман «Гидроцентральный» (1931), посвященный строительству электростанции в армянской деревне. Валентин Катаев воспекает строителей магнитогорского металлургического комбината в книге «Время, вперед!» (1932).

В разгар увлечения советских писателей коллективным творчеством Гинзбург собиралась писать «Агентство Пинкертона» вдвоем со своей подругой Елизаветой Долухановой. Впрочем, с самого начала работы над романом она скептически смотрела на применимость бригадного подряда в литературе: «<...> очень хорошо, если несколько писателей вместе пишут одну книгу. Многим здесь даже смутно мерещится некая гарантия большей идеологической выдержанности. <...> Если бы мы <с Ветой — зачеркнуто, Елизаветой Долухановой> писали “Пинкертона” не вдвоем, а хотя бы втроем, то нами бы страшно заинтересовались, хотя из этого следовало бы только то, что книга имеет шансы быть не вдвое, а уже втрое халтурнее, чем книга, которую каждый из авторов мог бы написать в отдельности» (Тетрадь V. 10. 06. 1929 — 17. 12. 1930. [161]).

Хотя книга была создана Гинзбург без соавторов, опыт «труда со всеми сообща» ей все-таки пришлось разделить. В 1931 году, во время работы над «Агентством Пинкертона», она ведет дневник в тетради, на обложке которой напечатан лозунг «Технические знания на помощь работникам ударных бригад». В ее записях речь идет и о социализации, и о соотношении работы и досуга в период интенсивного социалистического строительства: «Утомления от нас требует государство и наш личный инстинкт. Впрочем, утомляться мало — надо переутомляться; недостаточно работать, надо перерабатываться <...>. Значение работы расширилось до крайности. Работа — источник заработка, средоточие интересов, поприще честолюбия, сфера творчества. <...> Настоящая работа — это когда пропадает время и ослабевают физические потребности» (Тетрадь V. 10. 06. 1929 — 17. 12. 1930. [183а-184]).

В январе 1932 года, вскоре после сдачи романа в издательство, Гинзбург размышляет в своих записных книжках о том, что, написав «советский роман в 10 листов», ей наконец удалось заявить о себе как о литераторе (Тетрадь VII. Январь — август 1932. [26]). Автору еще предстоит пережить много неприятностей во время долгой редактуры книги, но ее первый самостоятельный шаг в литературе наконец сделан.

Несколько запоздалой кажется тема романа, ведь мода на «красных Пинкертонов» приходится на середину 1920-х годов, когда «социальный заказ» Николая Бухарина создать новый советский детектив с популярным героем середины 1900-х — начала 1910-х годов (Рейтблат 1994) был выполнен такими писателями, как Мариэтта Шагинян, Валентин Катаев, Всеволод Иванов и

Виктор Шкловский и др. (Маликова 2006). Не до конца ясно, зачем было писать еще один роман на тему, которая как раз к началу 1930-х годов перестает быть популярной.

Судя по всему, Гинзбург руководствовалась следующими соображениями. Пинкертон ей был нужен как известное имя, вокруг которого можно было строить документально-детективный сюжет, обыгрывающий на американском материале интерес к истории рабочего движения в России. Поздней весной 1931 года в журнале «Литературная учеба» Максим Горький объявляет о начале коллективного проекта по написанию истории заводов и фабрик. Третий номер «Литучебы» был специально посвящен методам реализации этого замысла, а также сложностям, с которыми могут столкнуться будущие исследователи. Начавшись на страницах образовательного журнала, «История заводов и фабрик» стала одним из наиболее долгосрочных советских культурных проектов. Подобные собрания материалов и исторические исследования продолжали выходить вплоть до 1980-х годов. Гинзбург сотрудничала с «Литучебой», в то время как Горький активно участвовал в обсуждении проблем советской детской литературы и опубликовал статью в уже упоминавшемся сборнике под редакцией Луначарского. Роман «Агентство Пинкертона», созданный на основе материалов по истории американского рабочего движения, по замыслу Гинзбург, должен был быть созвучен «истории заводов и фабрик».

Кроме того, Гинзбург обращалась к вышедшему из моды сюжету массовой культуры НЭПа с намерением разоблачить Пинкертона как врага рабочего движения. Эпиграф к роману «Нат Пинкертон — не плод воображения», воспроизводящий знаменитый дореволюционный рекламный слоган, намекает на то, что хозяин знаменитого сысканого агентства — вовсе не вымышленный литературный персонаж и даже не хитроумный разоблачитель «воров высшего и низшего полета». В послесловии к своему роману Гинзбург поясняет, что ее целью было показать, что Нат Пинкертон — фигура, представляющая реальную опасность, «основатель рабочего шпионажа в Америке». Также в послесловии она критикует дореволюционную пинкертоновскую серию как пропаганду полицейского режима, преследовавшего профсоюзы. С ее точки зрения, романы середины 1920-х годов, по существу, были массовым развлекательным жанром. «Агентство Пинкертона» — новый роман из знаменитой серии — подытоживал сложившуюся традицию и даже давал ей политическую оценку.

Между тем, «Агентство Пинкертона» не выходит за рамки массовой культуры, несмотря на то что его автор выступает как историк литературы и рабочего движения. Это роман на злободневную тему, один из героев которого совсем недавно был очень популярен. Более того, прежде чем выйти отдельным изданием, «Агентство Пинкертона» публикуется как «кусовые рисунки» в детском журнале «Еж». «Кусковыми рисунками» в те годы называли комиксы. Несмотря на то что страна с энтузиазмом строила социалистическое общество и становилась все более враждебной к западному капиталистическому миру, в советской культуре многое заимствовалось из европейских и американских литературы, искусства, театра и кино или походило на западные образцы. Сатирические комиксы появляются в советской периодике еще в конце 1920-х годов. Тогда же пользуются популярностью у широкого зрителя комикс-истории об искореняющем буржуазные пережитки рабкоре Бузилке, которые легли в основу анимационно-игровых фильмов «Бузилка» (1928) и «Неуловимый рабкор» (1929).

Ленинградский график Борис Антоновский придумывает популярный персонаж — Евлампия Надькина, в котором Александр Введенский видел свой идеал поэта эпохи люмпенизации. Игорь Бахтерев вспоминает в 1970-е годы о том, что на вопрос «На кого ты хотел бы быть похож?» Введенский отвечал: «На Евлампию Надькина, когда в морозную ночь, где-нибудь на Невском Надькин беседует с извозчиком или пьяной проституткой» (Бахтерев 1984: 63-64). Художник-карикатурист Бронислав Малаховский, печатавшийся в «Крокодиле», «Смехаче», «Ревизоре» и других сатирических журналах, совместно с Даниилом Хармсом рассказывает в журнале «Еж» истории про Умную Машу (Боровский 2010). В середине 1930-х годов Николай Радлов создает одну из самых известных иллюстрированных советских книг для детей младшего возраста — «Рассказы в картинках», выдержавшую на протяжении более чем полувека несколько десятков переизданий и переиздающуюся даже в наши дни (Савицкий 2010). Другой поэт из круга ОБЭРИУ, Николай Олейников, вместе с Борисом Антоновским в конце 1920-х и начале 1930-х годов печатает на страницах «Ежа» цикл «кусовых рисунков» про удалого красноармейца Макара Свирепого (Олейников 1991).

Также для «Ежа» писали и рисовали иллюстрации Николай Лапшин, Владимир Лебедев, Самуил Маршак, Алексей Пахомов, Владимир Стерлигов, Евгений Шварц и другие известные художники и писатели (Заболоцкий 1984: 141-144; 163-165). Яков Пе-

рельман печатал в нем занимательные задачки по математике, впоследствии вошедшие в знаменитый учебник. Не удивительно, что «Агентство Пинкертона» сначала было опубликовано именно в этом журнале, тем более что с Н. Олейниковым и Е. Шварцем Гинзбург была в приятельских отношениях. Они читали текст романа и могли участвовать в издательской редакции (Тетрадь VIII-2. 1932. [10]). Комикс-версию романа подготовил начинающий художник Лев Канторович, который мог познакомиться с Гинзбург еще в 1928 году, будучи студентом Государственного института истории искусств. У него уже был опыт работы иллюстратором в газете «Смена» и журнале «Юный пролетарий» (Мессер 1983: 8). Также Канторович сделал серию «кусковых рисунков» для книги Л. Радищева «Будет война» (Радищев 1931). Его манеру сравнивали с экспрессионистской карикатурой Георга Гросса, публиковавшегося в СССР с середины 1920-х годов в журнале «ЛЕФ» и газете «Известия» (Гросс 1926; Гросс 1931). Иллюстрации же к книге «Агентство Пинкертона» были сделаны Еленой Сафоновой — художницей из круга журнала «Еж», дружившей с обэриутами и сосланной в 1932 году вместе с ними в Курск (Сафонова 1987). В 1930-е она оформила два бестселлера советской детской литературы: «Доктора Айболита» К. Чуковского (Чуковский 1936) и «Что я видел» Б. Житкова (Житков 1939).

Советская система была абсурдна во многих отношениях. Хотя в массовой культуре первой пятилетки преобладала пропаганда соцстроительства, тем не менее «Агентство Пинкертона» вышло в свет по традиционной схеме капиталистической культур-индустрии. Сначала опубликовали комикс-версию, затем была издана сама книга. Бестселлером она не стала, впрочем, это вряд ли можно считать ее недостатком.

Несмотря на то что роман был написан «не для души, не для будущего и не для литературы, а для того, чтобы читали люди» (Тетрадь VI. Декабрь 1931 — Март 1932. [34]), он был связан не только с литературной ситуацией в СССР начала 1930-х годов, но и с обстоятельствами творческой биографии Гинзбург. Ее знакомые и друзья — Е. Шварц, Н. Олейников, Г. Гуковский — отмечали, что эта книга похожа на автора. «Все герои острят, как ты», — признавался Гинзбург Бухштаб (Тетрадь VIII-2. 1932. [10]). Автор романа добавляет: «Кроме острот, на “Пинкертона” пошла любовь к спорту и англо-американской литературе. Психологические пережитки детских мальчишеских интересов (игра в разбойники между кустами и скалами Малого фонтана). Склонность к романтике, даже к нехитрой романтике, погубившей моего

героя, выражающейся словами: ночь, револьвер, поднятый воротник, фонарь, развязка» (Тетрадь VIII-2. 1932. [11a]). Помимо присущего автору остроумия и увлечения авантюрной романтикой в детские годы, проведенные в Одессе, первые читатели «Агентства Пинкертона» видели в нем недостатки, обусловленные литературными вкусами Гинзбург. Так, например, Шварц и Гукровский считали, что приключенческому роману противопоказаны длинные описания и интеллектуализм, которыми грешит ее первая книга (Тетрадь VII. Январь — август 1932. [20]; Тетрадь VIII-2. 1932. [10]).

Между тем, гораздо более существенны были другие личные обстоятельства, в которых шла работа над «Агентством Пинкертона». Этот текст был не только попыткой выполнения «социального заказа» в годы первой пятилетки. Он был и способом самоопределения Гинзбург в ситуации тех лет. Она пыталась выбрать профессию, при том что в советском идеологизированном обществе этот выбор был сопряжен с компромиссами, а иногда и с отказом от личных предпочтений. Необходимость компромиссов стала очевидна еще в середине 1920-х, о чем размышлял, например, Виктор Шкловский в «Третьей фабрике» (1926). Его ученица, взявшись за роман «не для души», хотела определить для себя некоторые принципы уместной в годы трудового энтузиазма и приемлемой для нее профессиональной этики. Любопытно, что книга была посвящена ее давней приятельнице актрисе Рине Зеленой. Они были знакомы еще по одесской театральной студии «Крот», где в начале 1920-х годов играли в шуточных спектаклях и участвовали в музыкальных представлениях (Савицкий 2007). В начале 1930-х Р. Зеленая стала для Гинзбург воплощением дурной богемности: «Р<ина> человек совершенно богемный, т.е. неспособный к накоплению. Она в жизни много брала и приобретала, ничего не умея удержать. Это не от расточительности — отнюдь. Это оттого, что ценности задерживаются в некоторой идеологической среде или в некоторой плотности опыта. У Р<ины> работа, люди, книги и вещи проходят без всякого следа. Элементы бытия лишены той взаимосвязности и непрерывности, которые составляют сущность человеческого самосознания. Она не способна к эволюции. Я знаю ее одиннадцать лет, и за одиннадцать лет у нее ничего не прибавилось. <...> Все-таки богему я ненавижу! Она не приобретает и не растет. Богема — длительная растрата первоначальной ценности жизни. Богема прощительна только в молодости. Впереди у богемы нет ничего, кроме старости» (Тетрадь VII. Январь — август 1932. [58]).

Богемность здесь критикуется не как форма беспечного существования, которая могла бы показаться неуместной в начале 1930-х годов. Для Гинзбург это такой тип поверхностной жизни, в котором человек пренебрегает экзистенциальным опытом, лишает себя возможности социально-психологического развития. Именно эта неполнота опыта в первую очередь вызывает отторжение Гинзбург. Для нее богемность так же не актуальна, как не актуальны в разгар интенсивной советизации символистские и футуристские идеи и представления о реальности и литературе. В начале 1930-х она считает, что новая жизнь исключает модернистский индивидуализм и предполагает работу с социально-психологическим опытом. «Агентство Пинкертона» было первой попыткой адаптироваться к советскому обществу, чему сопутствовало критическое переосмысление дореволюционной культуры.

Между тем, издание романа оказалось сопряжено с трудностями. После того, как 8 декабря 1931 года Гинзбург представила текст в редакцию «Молодой гвардии» (Тетрадь VI. Декабрь 1931 — Март 1932. [2]), ей пришлось в течение года ждать положительного решения. Она впервые сталкивается с системой идеологического контроля литературы, и это действует на нее подавляющим образом:

Мы пишем и знаем, что бывают разные случаи: книгу не примут и ничего не заплатят; заплатят аванс и не напечатают; не напечатают — и заплатят все; продержат два с половиной года и напечатают. Во всех случаях, на нас буду кричать и, во всяком случае, радости не будет. Ни в одном из всех возможных случаев не будет ни кусочка радости. Ausgeschlossen!

С того момента, как я сдала рукопись и получила первые намеки на «необходимость серьезной переработки» — мною утрачены все отрадные ощущения: ощущение сделанного дела, ощущение удачи, ощущение открывающихся возможностей. Мне только скучно оттого, что нечего делать, и противно оттого, что люди, не заслуживающие доверия, по-хозяйски роются в словах, которые я написала (Тетрадь VI. Декабрь 1931 — Март 1932. [31-33]).

Издание книги сильно затянулось также из-за того, что ее автор был известен как ученица опальных формалистов. Гинзбург писала с горькой иронией: «<...> моя книга идеологически вы-

держана. Но это компенсируется моей фамилией» (Тетрадь VII. Январь — август 1932. [15]).

Роман прошел несколько стадий редактуры, переработок, согласований и одобрений. Казалось, что осенью он может быть напечатан, но в конце октября 1932 года в издательстве «Молодая гвардия» сменилось начальство: «Новый заведующий Осиновский зарезал “Пинкертон”, сверстанного и подписанного редактором к печати» (Тетрадь VIII-2. 1932. [24]). В записных книжках Гинзбург есть отрывок ее разговора об Осиновском с Корнеем Чуковским:

— Лидия Яковлевна, знаете ли вы, что говорил Христос, до скольких раз надо прощать врагам?.. До семидежды семи.

— Корней Иванович, разрешите контрцитату. Гейне говорил, что действительно надо прощать врагам, но не раньше, чем они повешены (там же. [25]).

Новый заведующий редакцией решил, что необходима дополнительная идеологическая экспертиза: «“Пинкертон” вступил в новую фазу. Его читает политредактор, и, по имеющимся сведениям, он внушает политредактору сомнения. Если когда-либо люди кровью писали книги, — то сейчас они печатают книги кровью сердца» (там же. [27]).

10 ноября 1932 года Гинзбург встречается с политредактором:

— Товарищ Краснов, меня интересует судьба книги, которая находится у вас — «Агентство Пинкертон».

Он посмотрел на меня внимательно.

— Это ваша книга?

— Да.

— Лично ваша книга?

— Да.

— В таком случае я не могу с вами разговаривать.

— ?

— Мы с авторами не разговариваем. (Пауза). Мы разговариваем только с редакторами.

11-го, после переговоров с Желдиным, политредактор подписал «Пинкертон» (там же. [37]).

Но на этом мытарства не закончились. Через неделю печать книги в типографии была приостановлена: «Политконтроль Об-

лита остановил печатанье “Пинкертона”. Его вытащили из машины. За полтора месяца это третье запрещенье» (Тетрадь VIII. 1931-1933. [11]).

Роман вышел в свет в начале 1933 года. В середине февраля тираж, распространенный по книжным магазинам, чуть было не был изъят: «Сегодня мне сообщили в Дюдке [ДДК — Дом детской книги]: “Пинкертона”, поступивший в продажу и в значительной мере распроданный, задержан вчера телефонограммой из Книгоцентра» (Тетрадь 18.02.1933—1939. [1]).

В конце концов идеологические проверки прекратились, и книга нашла своего читателя. Об абсурдной истории публикации романа хорошо знали друзья Гинзбург, которым она читала отрывки из «Записных книжек», в том числе и выдержки из хроники издания: «Шварц сказал: “Хорошо, что у вас в «Записных книжках» проходит судьба «Пинкертона». «Пинкертона» то запрещают, то разрешают — попеременно. Создается сюжетный интерес”» (там же). Растянувшаяся почти на год подготовка книги к печати была совершенно абсурдна, при том что целью ее автора было создать текст, соответствующий требованиям советской литературы. В эти годы советский литературный канон еще не сложился, и сложно было понять, что именно является актуальным официальным стилем. Во время прохождения романа по издательским инстанциям был разгромлен РАПП, оппонент ЛЕФа и формалистов, претендовавший на то, чтобы быть истребительством и выразителем идеологии власти. Вслед за этим партия объявила о создании социалистического реализма. «Агентство Пинкертона» плохо вписывалось в эту постоянно менявшуюся ситуацию.

Записные книжки Гинзбург 1932 года изобилуют депрессивными размышлениями о судьбе романа. Автор подавлен невозможностью получить профессиональный статус писателя:

«Хороши Толстой-помещик и Шкловский-шофер. Т.е. хорошо, когда вторая профессия не похожа на первую и поэтому служит ей источником опыта и материала. У нас вторая профессия почти всегда пародирует первую. Преподавание литературы в школе — травести науки. Книжки о консервах и дирижаблях — травести писательства» (Тетрадь VIII-2. 1932. [24]).

Автор видит себя нереализовавшимся литератором, подраба-тывающим написанием брошюр в издательстве «Молодая гвардия». Этот болезненный опыт адаптации в советской литературной ситуации, несомненно, ценен для нее. Даже если роман останется неопубликованным, Гинзбург сможет понять, по каким

принципам строится «сочетание творчества с халтурой»: «В конечном счете, лучше, если пропадет теория. Но если пропадет книга, останется, по крайней мере, теория» (Тетрадь VIII. 1931-1933. [37-37а]).

В разгар первой пятилетки творчество строится на компромиссах. Гинзбург постоянно думает о том, как в современной ситуации найти соотношение между халтурой³ и работой для себя. Она не брезгует литературной поденщиной, стремясь стать профессиональным литератором. «Агентство Пинкертона» не кажется ей халтурой: «<...> это было разрешением задания. <...> Здесь условия заданы, и вообще даны те элементы, которые являются искомыми в процессе настоящего творчества. Здесь нужно только что-то сделать с этими элементами — и получится вещь, не своя, но для самого себя интересная. <...> Удовольствие состоит в отыскании правильного соотношения уже существующих элементов» (Тетрадь VIII—2. 1932. [4]).

Николай Олейников, с которым Гинзбург дружила в эти годы и который мог участвовать в редакции романа, считал его добротным сделанным произведением: «“Пинкертона” — опыт умного и остроумного человека. Человека, который умеет сделать то, что хочет сделать. <...> Только это не самый главный <...> внутренний опыт» (там же. [2]). Гинзбург согласна с этой оценкой, однако формально построенное произведение кажется ей неполноценным из-за того, что у него нет связей с исторической действительностью или социально-психологическим опытом. Она осознает, что литература для нее, прежде всего, разговор о реальности:

Мой «Пинкертона» лишен соотнесенности с жизнью. Материалом для него послужили элементы, однажды уже отраженные в документе или в литературе. Документ и литература остались в выделенном состоянии с сохранением своих специфических качеств. Реальность подменена в романе документальностью, а герои делают не более того, что им позволяет жанровый фон. Все прозрачно — исторические источники и литература просвечивают при каждом движении (там же. [8—9]).

Роман для юношества помог автору определить свою литературную позицию и отказаться от дальнейших экспериментов с беллетристикой, пишущейся на заказ. Она перестает вдохновляться пафосом «труда со всеми сообща». Эпоха «непрерывок» — «замены рабочей недели пятидневкой», обеспечивающей «бе-

зостановочное производство» (Щеглов 1995: 414), — стала для нее, как и для многих «попутчиков», «закатом частной жизни», на которую «просто не остается времени», как это сформулировал еще накануне начала первой пятилетки один московский знакомый Вальтера Беньямина (Беньямин 1997: 125). В отличие от Валентина Катаева, воспевшего азарт соцсоревнования в романе «Время, вперед!», и других писателей-производственников Гинзбург хотела говорить как раз о частной сфере, об индивидуальном опыте. Попытка жить интенсивной жизнью строителей нового общества привела ее к тому же разочарованию в реализуемой советской утопии, которое пережил один из героев «Возвращенной молодости» Михаила Зощенко: «Он был в душе горячим и пламенным революционером, пока не пришла революция. И он мечтал о равенстве и братстве, пока не наступило социальное переустройство» (Зощенко 1934: 38). После эпопеи с изданием «Агентства Пинкертона» Гинзбург уже не хотелось «быть полезной в той борьбе, какую ведет наша страна за социализм» (там же: 194). Литература разделилась для нее на тексты, пишущиеся ради денег, и тексты, которые пишутся для себя.

Гинзбург будет искать новые формы реализма. «Я всегда думала, что могу писать только куски» (Тетрадь VIII-2. 1932. [11]), — признавалась она в дневнике после очередного запрета «Агентства Пинкертона». В начале 1930-х годов она обратилась к жанру эссе и повествований. Эти тексты создавались без расчета на публикацию. Вплоть до 1980-х годов они существовали как домашний камерный жанр для узкого круга знакомых. В историю русской литературы Гинзбург вошла как автор «Записных книжек» и эссе, работа над которыми начиналась в эпоху монтажа, документализма и «кусовых рисунков».

ЛИТЕРАТУРА

Бахтерев 1984: Бахтерев И. Когда мы были молодые (невыведанный рассказ) // Воспоминания о Н. Заболоцком. М., 1984. С. 57-100.

Беньямин 1997: Беньямин В. Московский дневник. М., 1997.

Боровский 2010: Боровский А. Попытка комикса // Русский комикс. М., 2010. С. 249- 274.

Бухштаб 1927: Бухштаб Б. Герой подполья: Историческая повесть. М.; Л., 1927.

Бухштаб 1931: Бухштаб Б. На страже: Историческая повесть. М.; Л., 1931.

Гинзбург 1931: Детская литература: Критический сборник. М.; Л., 1931. С. 159-181.

Гинзбург 1932: Гинзбург Л. Агентство Пинкертона. М.; Л., 1932.

Гинзбург 2002: Гинзбург Л. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002.

Гросс 1926: Гросс Г. Искусство в опасности. М.; Л., 1926.

Гросс 1931: Гросс Г. Альбом рисунков. М.; Л., 1931.

Детская литература 1931: Детская литература: Критический сборник. М.; Л., 1931.

Житков 1939: Житков Б. Что я видел. М., 1939.

Заболоцкий 1984: Воспоминания о Н. Заболоцком. М., 1984.

Зощенко 1934: Зощенко М. Возвращенная молодость. Л., 1934.

Маликова 2006: Маликова М. «Скетч по кошмару Честертона» и культурная ситуация НЭПа // НЛО. 2006. № 78.

Мессер 1983: Мессер Р. Жизнь и книги Льва Канторовича. Л., 1983.

Олейников 1991: Олейников Н. Боевые дни: Рассказы, очерки и приключения. Л., 1991.

Радищев 1931: Радищев Л. Будет война. Л., 1931.

Ракитин 1998: Ракитин В. Николай Михайлович Суетин. М., 1998.

Рейтблат 1994: Нат Пинкертон, король сыщиков / Сост. и авт. предисл. А.И. Рейтблат. М.: Панас-Аэро, 1994.

Савицкий 2007: Савицкий С. «Зритель собственной мысли»: о заметке Л. Гинзбург 1922 г. // *Varietas et Concordia*. Helsinki & Moscow, 2007. С. 444-459.

Савицкий 2010: Савицкий С. Свобода рисунка // Русский комикс. М., 2010. С. 219-228.

Сафонова 1987: Художница Елена Сафонова делает книгу «Река». М., 1987.

Чуковский 1936: Чуковский К. Доктор Айболит. По Гью Лофтингу. М., 1936.

Шагинян 1932: Шагинян М. Дневники. 1917-1932. Л., 1932.

Шкловский 1928: Шкловский В. Гамбургский счет. Л., 1928.

Щеглов 1995: Щеглов Ю. Комментарии к роману «Золотой теленок» // И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок. М., 1995. С. 329-605.

Эйхенбаум 1987: Эйхенбаум Б. О литературе. М., 1987.

Юдин 2004: Юдин Л. Дневники. 1921-1937 // Малевич о себе. Современники о Малевиче: Письма. Документы. Воспоминания. Критика: В 2 т. М., 2004. Т. 2. С. 218—254.

Jakobson 1959: Jakobson R. Marginalia to Vasmer's dictionary (p-л) // International Journal of Slavic Linguistics and Poetica. 1959. № 1-2.

Примечания

1) Здесь и далее приводятся ссылки на неопубликованные материалы из архива Л.Я. Гинзбург, хранящегося в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки (ф. 1377). В квадратных скобках указаны номера страниц тетрадей, в которых Л. Я. Гинзбург вела записи.

2) Гостя в Ленинграде в марте 1929 года, Мариэтта Шагинян, за творчеством которой Гинзбург ревностно следила, посмотрела один из таких фильмов: «<...> большое впечатление в Питере: фильм “Чанг” из жизни дикаря в Сиамских джунглях (Индокитай). Лучшей и более нужной картины в кино я не видела. В этой картине есть все, о чем мы можем мечтать: здравая психология, бодрость, правильное построение исторического процесса, дух коллективизма, доброта, пиршество, сила и правдивость» (Шагинян 1932: 318). В разгар работы над романом «Гидроцентраль» Шагинян восприняла фильм о туземцах как образец нового искусства.

3) В «Гамбургском счете» В. Шкловский пишет о происхождении советского неологизма «халтура»: «<...> это слово греческое, <...> происходит оно от “халькос” — медь. У духовенства различались доходы: парофиальные и халтуриальные. На юге России халтурой назвалась плата за требу (богослужение по частному заказу), исполненную вне своей епархии. Слово это через певчих перешло к оркестрантам. В 1918-19 годах это слово начало распространяться, как крысы при Екатерине, и, несомненно, актерами, завоевало всю страну. Максим Горький уверяет, что в Казани слово “холт” означает предмет, не отвечающий своему назначению. Например, мыло, которое не мылится» (Шкловский 1928: 46). Версия Шкловского в целом совпадает с исторической справкой в «Этимологическом словаре» Фасмера, где приводится ряд дополнительных диалектных значений и вариантов слова «халтура», связанных с церковной службой, в родственных славянс-

ких языках. Также Фасмер отмечает, что «это слово объясняют обычно из ср.-лат. *chartularium* “поминальный список, который священник читает, молясь за упокой”». В дополнениях к словарию Фасмера на антиклерикальный советизм «халтура» обращает внимание Роман Jakobson: «*xaltura*, which goes back to Latin *chartularium*, passed from clerical parlance into theater jargon, where it came to mean “an actor's extra-curricular performance”, in particular “the performance of an actor off his usual stage”, later “slovenly performance done for mere profit”; in this meaning of “negligent, unfair work for easy money” the use of this word was generalized in contemporary Russian» (Jakobson 1959: 274).

КОММЕНТАРИИ

Все включенные в книгу тексты публикуются по первоизданиям с исправлением очевидных опечаток и некоторых устаревших особенностей орфографии и пунктуации. Имена и географические названия оставлены без изменений.

Л. Гинзбург. Агентство Пинкертона

Публикуется по изд.: М.-Л., ОГИЗ-Молодая гвардия, 1932.

Л. Я. Гинзбург (1902-1990) – литературовед, писательница, мемуаристка. Уроженка Одессы, выпускница словесного факультета Института истории искусств в Ленинграде; принадлежала к кругу «младоформалистов». Широкая известность пришла к Гинзбург лишь в 1970-1980-х гг. с публикацией ее литературоведческих книг, а затем записных книжек, эссе и мемуарных очерков. В 1988 г. была награждена Государственной премией СССР.

Роман «Агентство Пинкертона», за исключением неизбежного драматического элемента, отличается документальностью и значительной фактологической достоверностью в изображении бурного эпизода истории рабочего движения в США, получившего название «Колорадские трудовые войны» (Colorado Labor Wars); здесь действуют реальные личности или составные персонажи, основанные на реальных прототипах.

Главным прототипом агента Крейна послужил, очевидно, Морис Фридман, личный стенографист Д. Мак-Парленда, выступавший свидетелем на процессе Хейвуда. Его разоблачительная книга «The Pinkerton Labor Spy» (1907), выдержавшая несколько изданий на русском языке в 1910 и 1924 годах («Рабочее движение и агентство Пинкертона (The Pinkerton labor spy): Роль сыскного агентства Пинкертона в борьбе труда и капитала в Америке. Что такое в действительности сыскное агентство Пинкертона?», СПб., 1910; «Сказки и быль о Нате Пинкертоне», СПб., 1910; «Кем был на самом деле Нат Пинкертон», Л., 1924 и т.д.) стала одним из основных источников Гинзбург. Из этой книги заимствованы сведения о методах работы агентства Пинкертона, образчики донесений агентов, их имена и фамилии, детали событий в Колора-

до и т.д. Из книги Фридмана взята также фамилия и подробности деятельности главного героя: агент № 5 А. Г. Крейн действительно сумел проникнуть в ряды рудокопов и стать секретарем союза в Криппл-Крик, но затем (подобно Сайласу в романе) выдал себя частыми телефонными переговорами, был разоблачен и со скандалом изгнан рабочими. Наряду с ним, в рядах ЗФР действовали и другие агенты Пинкертон, в том числе Джордж Риддел, ставший президентом союза горняков в Эврике (Юта).

Л. Гинзбург, Л. Канторович. Агентство Пинкертон

Впервые: *Ёж*, 1932, №№ 9-10 – 19-20.

Н. Тагамлицкий. Людоед Американских штатов
Нат Пинкертон

Публикуется по изд.: Л., тип. Воен. Изд. Пуокра «Красная Звезда», 1924 (Б-ка приключений, вып. 4).

Н. А. Тагамлицкий – писатель, автор романсов (?). Сведения о нем скудны и противоречивы.

А. Архангельский. Коммунистический Пинкертон

Публикуется по изд.: Архип. Коммунистический Пинкертон... М., Красная звезда, 1925 (Дешевая юмористич. и сатирич. б-ка, Вып. 11).

А. Г. Архангельский (1889-1938) – поэт, сатирик, видный советский пародист 1920-1930-х гг., автор многочисленных книг.

Эпиграф взят из доклада Н. Бухарина «Коммунистическое воспитание молодежи в условиях НЭПа», сделанном на V Всероссийском съезде РКСМ и опубликованном в «Правде» (1922, 14 окт.). Данная книга, в связи с упоминанием Бухарина, впоследствии изымалась из библиотек и книготорговой сети; изымались и другие

издания Архангельского, пестревшие именами репрессированных писателей.

С. Савицкий. Труд, халтура и первая пятилетка

Впервые: *Новое литературное обозрение*, 2011, № 111.

С. А. Савицкий (р. 1971) – литературовед, арт-критик, сотрудник Смольного института свободных искусств и наук, автор монографии «Частный человек: Л. Я. Гинзбург в конце 1920-х – начале 1930-х годов» и др. кн.

Оглавление

От издательства	5
Л. Гинзбург. Агентство Пинкертона	7
Л. Гинзбург, Л. Канторович. Агентство Пинкертона	241
Н. Тагамлицкий. Людоед американских штатов Нат Пинкертона	254
А. Архангельский. Коммунистический Пинкертона	286
<i>Приложение</i>	
С. Савицкий. Труд, халтура и первая пятилетка	292
Комментарии	310

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.